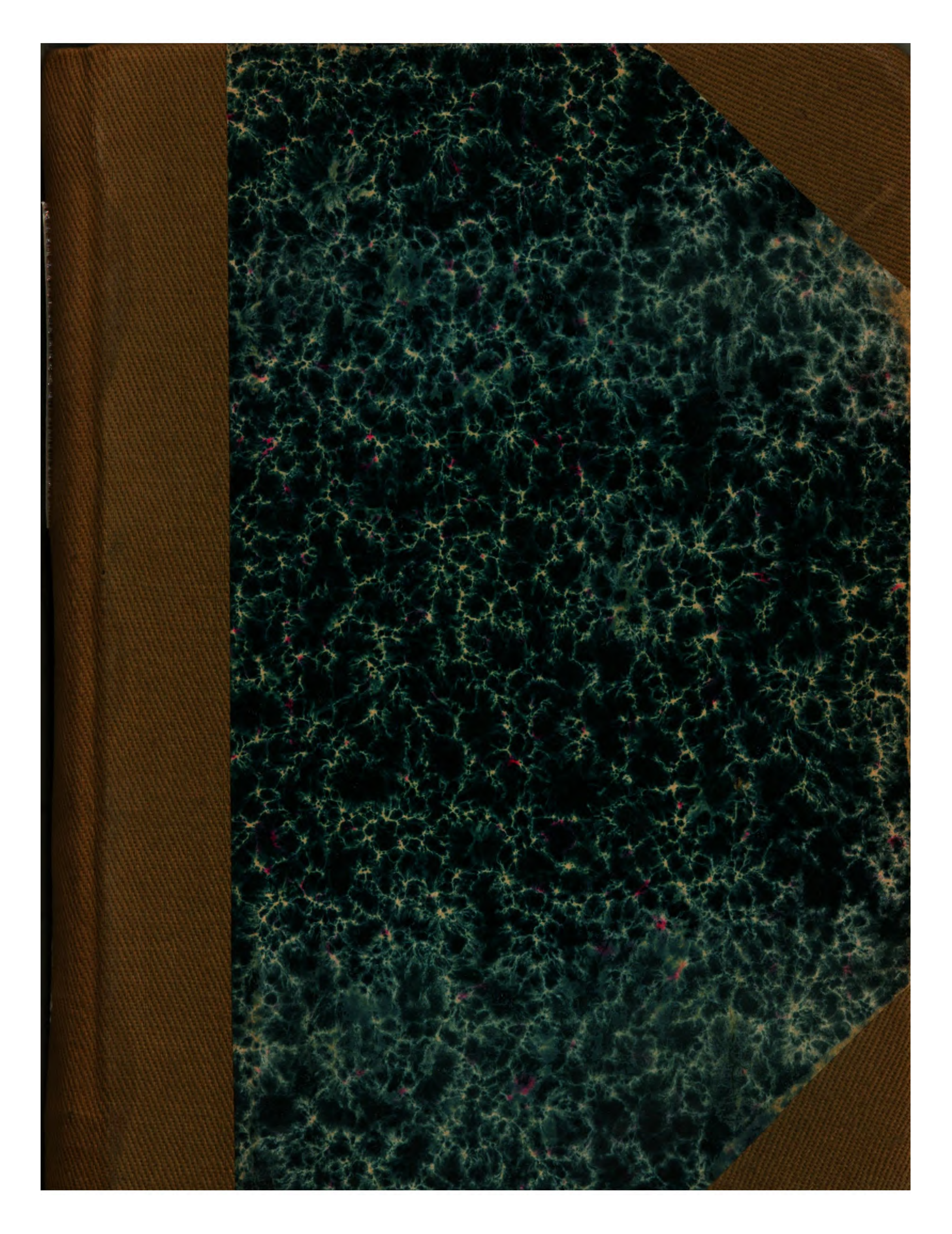

6590

50

ВЛ. ЛЕНСКІ

ѢСНЯ КРО

РОМАНЪ.

МОСКВА.
...ШИСТОВА, Большая Садова...
19[illegible]

ПѢСНЯ КРОВИ.

I.

Это было постоянной мечтой Каншина—переѣзжать изъ города въ городъ, измѣнять и совершенно ломать старый образъ жизни, чтобы на его обломкахъ создавать новый. Очарованіе незнакомыхъ улицъ, чужого огорода, странная, немного жуткая сладость новаго одиночества среди чужихъ людей, скрытное молчаніе и суровость новыхъ стѣнъ, дразнящая тайна жизни новыхъ сосѣдей, волненіе и радость новыхъ знакомствъ—во всемъ этомъ много прелести, большое облегченіе жизни, томящейся въ своей безцѣльности. Создается какъ-будто новая атмосфера, рождаются новыя мысли, желанія, интересы, влеченія. Старое отходитъ назадъ, исчезаетъ или мѣняется, облекаясь въ новыя формы, въ другія одежды, возобновляя въ себѣ интересъ, хотя бы внѣшней новизной. Отсюда вытекаютъ иные, отличные отъ прежнихъ, укладъ жизни, порядокъ дня и труда, пользованіе досугомъ. Прежнія привычки не имѣютъ уже здѣсь мѣста и мало-помалу создаются новыя, услужливо сопровождающія жизнь, открывающія новыя удобства и радости для души и тѣла...

А потомъ, какъ это нерѣдко бываетъ на новомъ мѣстѣ,—вдругъ явится какое-нибудь непредвидѣнное дѣло, откроется неожиданное стеченіе обстоятельствъ, подвернется интересный случай, не говоря уже просто о заманчивой неизвѣстности каждаго новаго дня, могущаго принести что-нибудь необычайное, совершенно не похожее на все то, что давали прежніе дни на прежнемъ мѣстѣ.

[illegible]

[illegible] перечиталъ въ библіотекѣ почти всѣ ро-
маны, какіе тамъ имѣлись, перевлюблялся во всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ города, перемечталъ всѣ возможности неожиданностей и приключеній, которыя могли бы съ нимъ случиться въ этомъ городкѣ и такъ и не случились, и чувствовалъ, что задыхается, что дальше жить такъ не можетъ: нужно было бросить эту скучную канитель и потянуться куда-нибудь въ новыя мѣста, гдѣ можно было бы зажить какъ-нибудь иначе, по-новому, среди иныхъ людей и въ иной обстановкѣ.

Очутившись въ большомъ южномъ городѣ, онъ съ удовольствіемъ перваго человѣка, впервые увидѣвшаго міръ, ходилъ по широкимъ шумнымъ улицамъ, присматриваясь къ уличной жизни его обывателей—живыхъ, подвижныхъ южанъ, среди которыхъ онъ замѣчалъ много иностранцевъ. Заглядывалъ въ кафе, на открытыхъ верандахъ, которыхъ, въ тѣни навѣсовъ, за столиками, прячась отъ горячаго весенняго солнца, купцы, биржевики, маклера и разные дѣльцы [illegible] газеты, совершали всякаго рода сдѣлки, обсуждали [illegible]ничали. Его вниманіе привлекала также и на[illegible] толпа гуляющихъ по главной улицѣ дамъ [illegible]тыхъ по послѣдней модѣ, вѣющихъ на по[illegible] человѣка близостью Европы и какой-то специ[illegible] южной жизнью, текущей ускореннымъ темпомъ, [illegible]ейся радоваться каждому дню, наслаждаться [illegible]ніемъ. Особенно яркими и характерными [illegible] казались женщины, съ ихъ пестротой [illegible] [illegible]ми движеніями, горячими взглядами черныхъ [illegible] [illegible]ихъ и обѣщающихъ глазъ.

[illegible] себѣ комнату въ центрѣ города—не[illegible] [illegible] въ большой квартирѣ, гдѣ [illegible] [illegible] этотъ [illegible]

не пошелъ, устраивался у себя въ комнатѣ, раскладывалъ вещи, ходилъ взадъ и впередъ, изъ угла въ уголъ, выглядывалъ въ коридоръ и въ окна, взволнованный новизной, радостно возбужденный, немного нервно-безпокойный. Ему нравилась эта большая комната, съ двумя двойными окнами на улицу, обставленная тяжелой, старой мебелью, украшенная полинявшими олеографіями въ тяжелыхъ, бронзовыхъ багетахъ, и въ особенности—ниша-альковъ, гдѣ стояла высокая, большая кровать, съ которой, лежа, такъ пріятно было смотрѣть въ окна на синее южное небо...

Въ первый же день, вечеромъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что комната выходитъ окнами на западъ: вечерняя заря залила комнату розово-золотымъ блескомъ. Раздался звонъ колоколовъ—и опять пріятное открытіе: гдѣ-то вблизи находится церковь, и значитъ каждый день стекла оконъ будутъ дрожать и звенѣть, то радостно—отъ утренняго или праздничнаго звона, *то задумчиво и* меланхолично—отъ колоколовъ *вечерней молитвы*, то печально—отъ скорбнаго похороннаго *перезвона*. А изъ оконъ противоположнаго дома вдругъ полилась музыка—пѣніе скрипки съ аккомпаниментомъ рояля, прекрасный женскій голосъ, нѣжно вибрирующій, какъ серебряная струна, гармонично сливающій лирическую мелодію романса съ красивыми стихами въ одно чудесное цѣлое, вѣющее молодостью, весной, счастьемъ. И вмѣстѣ съ этимъ оттуда же донесся сверкающій, искрометный, дразнящій смѣхъ тонкаго женскаго кокетства, въ которомъ чудился шелестъ шелковыхъ тканей, ароматъ духовъ и женщины, блескъ играющихъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ лукавыхъ глазъ, тысячи естественныхъ и искусственныхъ уловокъ красоты, жаждущей любви, пускающей, ради утоленія этой жажды, въ ходъ всѣ, имѣющіяся въ ея распоряженіи, средства очарованія и увлеченія...

Въ коридорѣ же, при первомъ выходѣ изъ новой комнаты—вдругъ открылась дверь, и оттуда, изъ-за кружевной голубой занавѣски пахнуло тонкими, волнующими духами, указывавшими на присутствіе тамъ женщины и притомъ—

молодой и красивой, потому что курнушка побоится украсить свою комнату голубыми занавѣсками и надушиться нѣжными духами южныхъ пармскихъ фіалокъ, которыя только подчеркнутъ ея некрасивость и сдѣлаютъ ее смѣшной. А затѣмъ, спустя немного времени, онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ эту сосѣдку, больше красивую, чѣмъ можно было ожидать — въ красномъ атласномъ пальто и большой черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, спускавшемся до плеча — и быстрый взглядъ ея горячихъ черныхъ глазъ, любопытно и ласково разсматривавшихъ новаго сосѣда, вызвали въ немъ легкій страхъ, пріятное, немного жуткое волненіе, скрытое дрожаніе рукъ и ногъ...

Ночью — тишина незнакомаго дома, полнаго спящихъ, или едва слышно бодрствующихъ неизвѣстныхъ людей, возбужденіе отъ безчисленныхъ новыхъ впечатлѣній пережитаго дня, безсонница, томящая странной, тихой радостью, и подъ утро — сладкій сонъ, новыя видѣнія, въ которыхъ причудливо переплелись всѣ дневныя впечатлѣнія: золотой свѣтъ заката, музыка и пѣніе, вечерніе колокола, голубыя занавѣски, черные глаза, пармскія фіалки, шелестъ женскаго платья на каменныхъ ступеняхъ, быстро мелькающій калейдоскопъ мгновенныхъ радостей жизни, смутное отраженіе зрительныхъ воспріятій и связанныхъ съ ними чувствъ и ощущеній...

II.

Проснулся Канщинъ рано, тотчасъ же всталъ и раскрылъ окно. Улица была еще тиха и пуста, верхушки акацій и трубы многоэтажныхъ домовъ золотило недавно вставшее солнце. А внизу, между домами, лежали прохладныя утреннія тѣни. Нигдѣ не слышно было ни ѣзды, ни шаговъ, ни голосовъ — ночная жизнь улеглась, а дневная еще не просыпалась. Свѣжій воздухъ ранняго утра былъ насыщенъ какимъ-то страннымъ ароматомъ, немного кружившимъ голову, какой-то пряной и какъ-будто соленой влажностью [illegible] легкія

дуновенья утренняго вѣтерка. Каншинъ вдругъ вспомнилъ: море! Огромное южное море лежало вокругъ города и дышало такъ густо и свѣжо, что казалось—оно совсѣмъ близко подступило и поднялось къ холмамъ, на которыхъ лежалъ городъ и вотъ сейчасъ хлынетъ въ улицы зелеными, холодными, шумными волнами, пахнущими солью, водорослями и рыбой... Такъ пріятно было ощущать его близость, вдыхать его запахъ, подставлять лицо влажному, свѣжему вѣтерку, вѣявшему съ невидимыхъ, но близкихъ, огромныхъ пространствъ воды. Мысль о близости моря странной радостью волновала Каншина, словно предчувствіемъ возможности новыхъ скитаній, открытыхъ далей морскихъ пространствъ. Развѣ не радость—жить такъ близко у моря и ждать счастливаго случая, который позволитъ въ одинъ прекрасный день сѣсть на пароходъ и поплыть куда-то, въ невѣдомыя воды, къ невѣдомымъ берегамъ, къ неизвѣстнымъ городамъ и людямъ! И развѣ не радость даже въ томъ, чтобы увидѣть эти безконечныя пространства воды и гигантскіе пароходы, пришедшіе изъ океановъ и пахнущіе океанскими вѣтрами, ощутить это чудесное вѣянье далекихъ путешествій...

На улицахъ уже было людно и шумно, когда Каншинъ отправился въ контору съ письмомъ своего прежняго конторскаго начальства. Солнце порядкомъ пригрѣвало, и политый съ утра асфальтъ тротуаровъ быстро просыхалъ. Въ кофейняхъ жужжалъ говоръ дѣльцовъ, мостовая гремѣла подъ колесами безумно-торопившихся извозчиковъ и по панели сновали взадъ и впередъ чиновники и служащіе разныхъ конторъ, магазиновъ, аптекъ, банковъ, спѣшившіе на свои мѣста, къ своимъ столамъ, пультамъ и стойкамъ. Среди этого дѣлового народа было много молодыхъ дѣвушекъ, даже въ такой ранній часъ кокетливо принаряженныхъ, и отъ ихъ свѣжихъ, только что вымытыхъ лицъ, вѣяло такой же утренней чистотой и прохладой, какъ и отъ синяго, безоблачнаго неба и отъ молодой зеленой листвы деревьевъ. Одной изъ нихъ Каншинъ такъ залюбовался, что даже остановился и долго провожалъ ее восхищеннымъ взглядомъ.

У нея были большіе черные глаза, лучившіеся отъ ясности и чистоты, дѣтски-нѣжное лицо и граціозная, тонкая, какъ у подростка, фигурка. На ней была большая желтая шляпа, украшенная вѣнкомъ мелкихъ красныхъ розъ. Она немного испуганно оглянулась на него, поднявъ къ нему свое свѣжее, ангело-подобное лицо, когда онъ остановился и далъ ей дорогу, потомъ вдругъ порозовѣла и, смущенно улыбнувшись, кивнула головой, благодаря его за эту маленькую любезность...

Все это было очень хорошо: и то, что сіяло и пригрѣвало солнце, и то, что онъ шелъ по неизвѣстнымъ улицамъ чужого, красиваго города, и то, что эта милая дѣвушка улыбнулась и кивнула ему головой. Образъ ея такъ нѣжно сливался съ этимъ южнымъ майскимъ утромъ, и Каншинъ принялъ его въ себя такъ же, какъ и густую лазурь неба, и солнечный блескъ и яркую зелень деревьевъ, создававшіе — все вмѣстѣ — одну радость — ощущеніе жизни...

Воздухъ дрожалъ и струился золотомъ и лазурью, искрился и звенѣлъ, какъ стеклянный, обвѣвая деревья и стѣны, лицо и руки нѣжно-теплымъ дыханьемъ, ласкаясь ко всему, наливая даже камни мостовой живой теплотой весенней жизни. Каншинъ нарочно вынималъ руки изъ кармановъ, чтобы чувствовать на нихъ эту удивительную ласку воздуха, проникавшую сквозь кожу въ кровь и струившуюся по всему тѣлу широкой, звучной радостью. Онъ улыбался и закрывалъ глаза, на минуту впадая въ сладкое забытье, чувствуя себя необычайно легкимъ и свѣтлымъ, блаженно уносящимся отъ земли...

Очарованіе юга, южной весны, незнакомаго, красиваго города! Каншину казалось, что онъ спитъ и видитъ прекрасный сонъ, который вотъ-вотъ оборвется и замѣнится прежней, скучной, сѣрой дѣйствительностью. Онъ торопился надышаться, насмотрѣться, напиться этимъ душистымъ, теплымъ солнцемъ, какъ-будто ему, въ самомъ дѣлѣ предстояло проснуться и потерять все это...

Когда онъ пришелъ въ контору — на его лицѣ все еще

блуждала эта, какъ бы навѣянная сномъ, тихая неясная улыбка. Управляющій конторой Гилисъ, толстый, коротенькій грекъ, съ выпуклыми, близорукими глазами и торчащими кверху усами, вскинувъ на носъ пенснэ, презрительно посмотрѣлъ на его розовое улыбающееся лицо и строго спросилъ:

— Что нужно?..

Каншинъ молча протянулъ ему письмо...

Грекъ медленно разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Его рачьи глаза вращались, бѣгая по строчкамъ, усы по-тараканьи шевелились; вдругъ онъ фыркнулъ, пожалъ плечами, сердито посмотрѣлъ изъ-за письма на Каншина и, окончивъ читать, протянулъ ему письмо, коротко, небрежно проговоривъ:

— Вы намъ не нужны...

Каншинъ сразу какъ-будто не понялъ его, и, все еще улыбаясь, какъ-то безсознательно спросилъ:

— Почему?..

— Я *васъ* не могу принять!—съ неожиданнымъ раздраженіемъ проговорилъ грекъ и вдругъ побагровѣлъ и вытаращилъ глаза такъ, что казалось, они совсѣмъ вылѣзутъ у него изъ орбитъ:—Что вы ко мнѣ всѣ лѣзете, чортъ возьми!—закричалъ онъ тонкой фистулой:—У меня не богадѣльня! Я не могу держать сотни людей, только для того, чтобы платить имъ жалованье! Я самъ денегъ не дѣлаю и прошу оставить меня въ покоѣ!..

Каншинъ опѣшилъ. Это было такъ странно, непонятно, неожиданно, что никакъ не укладывалось въ его сознаніи. Улыбка сбѣжала съ его лица, но онъ какъ-будто все еще не вѣрилъ, и глаза его растерянно мигали. Онъ безпомощно огляделся по сторонамъ; по словамъ Гилиса выходило такъ, что у него работаетъ Богъ знаетъ сколько человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ, въ конторѣ, кромѣ управляющаго, былъ только одинъ молодой человѣкъ, голова котораго выглядывала изъ-за огромныхъ гроссъ-буховъ; этотъ молодой человѣкъ усердно щелкалъ костяжками счетовъ и поглядывалъ на Каншина съ какимъ-то жалостливымъ любопытствомъ. Его узкое, смугло-

блѣдное лицо показалось Каншину знакомымъ,—но гдѣ онъ могъ его видѣть?..

Выпаливъ свою негодующую тираду, грекъ, казалось, сразу успокоился, отеръ платкомъ лобъ и шею и рѣшительно сказалъ:

— У меня нѣтъ для васъ мѣста!..

Онъ отвернулся къ своему пульту, взялъ ручку и сталъ что-то писать, дѣлая видъ, что онъ занялся своей работой и разговаривать больше не желаетъ...

Каншинъ въ недоумѣніи возразилъ:

— Какъ же быть?.. Меня къ вамъ перевело главное управленіе...

Гилисъ бросилъ ручку на пультъ и повернулся къ нему, снова побагровѣвъ:

— Ничего подобнаго! Васъ просто уволили за отсутствіемъ работы и на всякій случай прислали ко мнѣ. А мы отпускаемъ своихъ людей, потому что у насъ полный застой. Зерна нѣтъ, экспортировать нечего! Я распустилъ всѣхъ служащихъ!.. Зачѣмъ же вы мнѣ? Что я съ вами буду дѣлать?.. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, снова отворачиваясь къ своему пульту:—если хотите, я отправлю васъ обратно. Пусть они сами раздѣлываются съ вами!..

Перспектива—очутиться опять въ томъ же маленькомъ захолустномъ городкѣ, гдѣ ему былъ знакомъ каждый домъ, каждый человѣкъ, каждый камень мостовой — показалась Каншину самымъ ужаснымъ, что только можно было придумать въ его положеніи.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—испуганно сказалъ онъ:—Я попробую здѣсь поискать себѣ какое-нибудь занятіе...

— Какъ хотите!—проворчалъ управляющій и протянулъ ему руку, давая понять, что разговоръ оконченъ.

Въ эту минуту изъ-за гроссъ-буховъ поднялся молодой человѣкъ; онъ осторожно замѣтилъ:

— Намъ, кажется, нуженъ человѣкъ на эту недѣлю для наблюденія за грузкой...

— Вы думаете?—быстро повернулся къ нему управляющі

уставившись на него своими выпуклыми, близорукими глазами.

Молодой человѣкъ уже смѣлѣе продолжалъ:

— Да. Вѣдь, Маркусъ запилъ, и на него, вообще, нельзя положиться. Онъ пришелъ сегодня утромъ и сказалъ, что на пароходъ больше не пойдетъ...

— Что жъ вы мнѣ раньше не сказали объ этомъ?

— Я не успѣлъ... Вы только что пришли...

Управляющій рѣзко повернулся къ Каншину.

— Хорошо! Я васъ беру!.. За эту недѣлю вы получите, какъ за двѣ. Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Это послѣдняя отправка хлѣба, и больше никакой работы не будетъ! Черезъ двѣ недѣли мы закрываемъ контору на все лѣто, до августа!.. Линъ, вы поѣдете съ нимъ въ портъ и поставите его на мѣсто!..

По дорогѣ къ порту, сидя съ Каншинымъ на извозчичьей пролеткѣ, Линъ, смущенно улыбаясь, сказалъ:

— Вы, кажется, Каншинъ? Викторъ?.. Я сразу узналъ васъ, когда услыхалъ вашу фамилію...

Каншинъ смотрѣлъ на его смуглое, съ едва пробивающимися усами лицо—и ему что-то мерещилось, какое-то смутное воспоминаніе чего-то далекаго-далекаго. И фамилія Линъ казалась ему знакомой. Подумавъ, онъ сказалъ:

— Я васъ какъ-будто помню, но кто вы, гдѣ и когда мы встрѣчались—не припомню...

— Конечно!—радостно сказалъ тотъ:—Это было такъ давно!.. И потомъ, вы должны мою сестру Лиду лучше помнить, чѣмъ меня. Она васъ очень любила!..

Каншинъ, наконецъ, вспомнилъ. Друзья дѣтства!.. Ощущеніе чего-то теплаго, милаго коснулось его сердца при упоминаніи имени дѣвочки, смуглое личико которой вдругъ выплыло передъ нимъ, блеснувъ большими, черными глазами. Онъ горячо пожалъ руку Лина.

— Вы, значитъ—Сеня?.. А гдѣ Лида? Что съ ней?...

— Она живетъ съ нами, со мной и мамой. Отецъ умеръ... [illegible]тъ. Она будетъ очень рада увидѣть васъ!.. [illegible]у свой адресъ...

III.

Онъ увидѣлъ, наконецъ, море. Подъ глубокимъ, далекимъ, безконечнымъ небомъ—такое же безконечное пространство воды, живое, полное движенія, глубокой, таинственной, непонятной жизни. У горизонта—лиловое, ближе—зеленое, еще ближе—блѣдно-лазуревое, оно, казалось, звучало этой нѣжной гаммой красокъ, въ которую врывалась звонкимъ крикомъ бѣлизна паруса несшейся къ молу яхты. Чудовищная масса воды медленно, лѣниво колыхалась, нѣжась и тихо дремля на солнцѣ, сверкая смѣющимися блестками солнечныхъ лучей, притворяясь ласковой и спокойной и сумрачно проглядывая сквозь нѣжную лазурь поверхности угрюмой лиловой тѣнью своей темной глубины. Оно добродушно весело смѣялось, скрывая подъ блескомъ золота и лазури черную тьму своихъ грозныхъ бездонныхъ нѣдръ, полныхъ зловѣщей тишины и загадочнаго, неуловимаго движенія, въ которыхъ чудилось что-то грозное, какая-то тайная, суровая жизнь морскихъ глубинъ, глухая, мрачная тьма таящихся тамъ бурь и гибельныхъ штормовъ. А вдали, у самаго горизонта, гдѣ небо опускалось къ морю нѣжно-зеленоватой, немного дымной лазурью—что-то переливалось и сверкало на солнцѣ, и тамъ, въ этомъ переливающемся блескѣ, время отъ времени вдругъ вставали далекіе корабли смутными, таинственными тѣнями, какъ привидѣнія,—и постоявъ нѣсколько мгновеній, исчезали, словно растворялись въ тихой, знойной, струящейся прозрачности весенняго полдня...

Увидѣлъ Каншинъ также и огромные, гигантскіе пароходы, пришедшіе изъ океановъ, еще пахнущіе океанскими вѣтрами. Онъ съ волненіемъ взошелъ въ первый разъ на пароходъ. Все его здѣсь поражало, удивляло, во всемъ чувствовалось вѣянье какой-то иной, чудесной жизни. [illegible]нялъ запахъ просмоленныхъ канатовъ, ма[illegible] ма[illegible]а, душный воздухъ каютъ и тотъ особенный [illegible]мый ароматъ моря и морского воздуха, которы[illegible] [illegible]ылъ пропитанъ насквозь весь пароходъ. Зак[illegible] [illegible]ыя

трубы, заржавленные борты и якоря, обвѣтренныя, грубыя, загорѣлыя лица матросовъ-англичанъ, свернутые на реяхъ паруса и у бортовъ на палубѣ—канаты—говорили о далекихъ плаваніяхъ, вѣяли свѣжей ширью морскихъ далей, сладкой жутью страшныхъ морскихъ глубинъ, надъ которыми проносился пароходъ, разрѣзая желѣзной грудью океанскія волны. Это желѣзное чудовище казалось живымъ, имѣющимъ свою душу, свободную и гордую, привыкшую къ скитаніямъ въ моряхъ, къ простору и необъятнымъ далямъ океановъ, презиравшее землю и людей, привязывавшихъ его желѣзными канатами къ берегу; и машина, мощно пыхтѣвшая въ его глубинѣ, казалась живымъ сердцемъ, каждый ударъ котораго какъ-будто предупреждалъ о грозномъ нетерпѣніи соскучившагося въ тихой, тѣсной пристани чудовища...

Каншинъ *бродилъ* по пароходу, гдѣ производилась грузка зерна, *за* которой ему было поручено наблюденіе, съ жаднымъ любопытствомъ заглядывая въ трюмы, машинное отдѣленіе, каюты, съ наслажденіемъ вдыхая этотъ характерный для пароходовъ, возбуждающій и волнующій запахъ просмоленныхъ и намокшихъ морской водой канатовъ, машиннаго масла, копоти, какихъ-то колоніальныхъ товаровъ, мѣшковъ и крѣпкаго табака моряковъ. Нагрузка производилсь почему-то быстрымъ темпомъ; грузчики съ мѣшками на плечахъ, сгибаясь подъ пятипудовой тяжестью, взбѣгали на высокій бортъ парохода по прыгающимъ подъ ними сходнямъ взадъ и впередъ, взбѣгали на пароходъ, низко сгибаясь подъ тяжестью громадныхъ мѣшковъ съ зерномъ, сбрасывали мѣшки съ плечъ и ссыпали зерно въ глубокій, широкій трюмъ, вздымая цѣлыя тучи пыли, и потомъ бѣжали назадъ, на ходу поправляя на спинѣ свои сѣдла. И въ движеніяхъ ихъ была такая горячая, испуганная, торопливость, словно ихъ подгоняли кнутомъ и они старались избѣгнуть ударовъ. Они при этомъ что-то кричали, ругались, извергали изъ своихъ хриплыхъ, простуженныхъ и обожженныхъ алкоголемъ глотокъ цѣлые потоки дикихъ, непохожихъ на чело-

вѣческую рѣчь, звуковъ, и лица ихъ, злобныя, потныя, запыленныя выражали сумасшедшую растерянность и безсильную ярость противъ этого общаго безумія, непонятной, но почему-то неизбѣжной спѣшки.

У другого трюма пронзительно и визгливо трещала и гремѣла лебедка, и тамъ тоже бѣгали по скрипящимъ и танцующимъ сходнямъ грузчики, таская на пароходъ тюки и ящики, которые лебедка, по нѣскольку сразу захвативъ своимъ крюкомъ, поднимала на цѣпи высоко въ воздухъ и медленно раскачивая, плавно опускала въ широкій, темный, бездонный зѣвъ трюма. И здѣсь также кричали, ругались и отъ спѣшки теряли голову, издавали дикіе вопли, висѣвшіе въ воздухѣ, вмѣстѣ съ неумолчнымъ визгомъ и грохотомъ лебедки, тревожнымъ, безпокойнымъ гуломъ дикой человѣческой суеты.

А по пароходу сновали матросы, занятые своимъ дѣломъ, одурѣлые отъ общаго шума и движенія, носясь взадъ впередъ, взбѣгая по легкимъ, проволочнымъ лѣстничкамъ на палубу и внезапно проваливаясь въ темные люки внутреннихъ помѣщеній, запыхавшіеся, торопящіеся, словно пароходъ сейчасъ долженъ былъ сниматься съ якоря...

Съ одной и съ другой стороны этого парохода стояли другіе бокъ-о-бокъ, такіе же громадные, такъ же кишащ. людьми, полные такого же шума и суеты, съ такими же ненасытными чревами-трюмами, въ которые безъ конца ссыпа.. зерно и опускали тюки и ящики. И на этихъ пароходахъ стоялъ такой же безпрерывный гулъ человѣческихъ криков грохота лебедки, шла такая же спѣшная работа, какъ-будто люди сошли съ ума отъ страха передъ этими желѣзными чудовищами, торопясь насытить ихъ чрева грузомъ, отъ которого ихъ борты медленно, незамѣтно понижались, погружаясь въ воду...

На пристани же былъ настоящій адъ; здѣсь все смѣшалось въ густой тучѣ пыли, въ какомъ-то хаосѣ человѣческаго безумія: люди, лошади, грузовые автомобили, телѣги, нагруженные горами тюки и ящики разныхъ товаровъ, выгруже..

ныхъ съ пароходовъ и привезенныхъ изъ города для нагрузки. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ мятущихся и кричащихъ людей, ржущихъ лошадей, ревущихъ автомобилей, высоко вверху, по воздушной желѣзной дорогѣ, съ грохотомъ и свистомъ то и дѣло проносился длинный товарный поѣздъ, подвозившій товары къ отдаленнымъ пристанямъ...

Только море молчало, нѣжась на солнцѣ, презрительно щурясь на всю эту дикую, непонятную, казавшуюся совершенно ненужной, человѣческую суету. Загрязненное у береговъ всякими отбросами съ пароходовъ, покрытое мѣстами металлически переливающимися опаловыми пятнами, оно за молом̆ъ сіяло такой нѣжной, чистой лазурью, что глаза невольно отвращались отъ пристани съ ея шумомъ и пылью сумасшедшей портовой жизни и съ радостью отдыхали на спокойныхъ, тихихъ просторахъ безмятежной водной равнины...

День для Каншина прошелъ незамѣтно. Къ вечеру все сразу стихло; умолкли лебедки, рѣзко оборвавъ свой визгъ и грохотъ, ушли грузчики, разъѣхались телѣги и автомобили, пристань опустѣла и затихла, попрятались матросы, и пароходы, погрузившіеся еще на нѣсколько футовъ въ воду отъ принятаго за день груза, наполнились сонной тишиной, словно задумчиво, дремотно, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ, переваривали пищу, которой набили люди ихъ чудовищные животы...

Съ закатомъ солнца Каншинъ отправился домой, усталый, одурѣлый, запыленный, пьяный отъ морского воздуха весь пропитанный запахомъ парохода и моря, пылью зерна, солнечнымъ тепломъ. Этотъ запахъ онъ принесъ къ себѣ домой и тотчасъ же наполнилъ имъ всю свою комнату, и оттого ночью, во снѣ, ему казалось, что онъ лежитъ въ пароходной каютѣ и ему снились плаванья въ морскихъ просторахъ, невѣдомыя страны, лежащія за моремъ, туманные миражи ихъ садовъ и городовъ...

... за полночь его разбудилъ шумъ шаговъ въ коридорѣ, голоса, смѣхъ. Онъ поднялся и сѣлъ. Кто-то подо-

шелъ къ двери и сталъ дергать за ручку. Женскій голосъ шопотомъ, со смѣхомъ, повторялъ:

— Не туда!.. Оставьте!..

Каншинъ быстро одѣлся и открылъ дверь. Какой-то господинъ въ высокомъ цилиндрѣ водилъ вокругъ себя карманнымъ электрическимъ фонаремъ и качался, собираясь шагнуть въ дверь Каншина. Дама, въ большой черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ и въ красномъ пальто, тянула его за рукавъ и тихонько смѣялась, ударяя его по плечу сложеннымъ вѣеромъ. Каншинъ узналъ въ ней свою сосѣдку, живущую въ томъ же коридорѣ, противъ него, въ комнатѣ съ голубой занавѣской на двери. Она блеснула ему своими черными глазами и, бросивъ рукавъ своего спутника, умоляюще сложила на груди маленькія, въ черныхъ, ажурныхъ перчаткахъ руки.

— Простите, пожалуйста! — сказала она съ сильнымъ, южнымъ акцентомъ, невинно потупившись: — Я, право, не виновата...

Она подняла на него глаза, сразу наполнившіеся самымъ задорнымъ смѣхомъ; ее, видимо, разсмѣшилъ его сонный, встрепанный видъ еще не пришедшаго въ себя отъ сна человѣка. Каншинъ, смутившись, невольно закрылъ свою голую шею рукой и смотрѣлъ на нее тупыми, непонимающими глазами.

— Боже, какой вы... заспанный! — сказала она, смѣясь, обдавая его теплымъ, ласково смѣющимся взглядомъ: — Ну, идите, идите спать!.. Мы больше не будемъ шумѣть!..

Она потащила дальше своего пьянаго, безсмысленно мычавшаго спутника. А ея спутникъ былъ никто иной, какъ самъ Гилисъ, управляющій экспортной конторой... Удивленный, растерянный, такъ и не понявъ, что имъ нужно было отъ него, Каншинъ вернулся въ свой альковъ и снова крѣпко заснулъ...

Утромъ, идя въ портъ, онъ долго раздумывалъ надъ этимъ ночнымъ приключеніемъ. Кто эта женщина? Почему она возвращается такъ поздно и въ сопровожденіи пьянаго

Гилиса? Что онъ ей? Мужъ, любовникъ, или просто ночной посѣтитель продающейся женщины?..

Этой недѣлей своей новой жизни Каншинъ былъ очень доволенъ. Съ ранняго утра въ порту, на пароходѣ, въ водоворотѣ кипучаго портоваго дня, подъ знойнымъ солнцемъ, которое съ каждымъ днемъ становилось все горячѣй, передъ лицомъ неба и моря, въ которыхъ блаженно тонули взглядъ и мысль—новизна впечатлѣній волновала, возбуждала, сообщала его чувству жизни какую-то особенно сладкую остроту. Дневная работа и связанныя съ ней впечатлѣнія настолько наполняли его, что по окончаніи рабочаго дня его уже никуда не тянуло, кромѣ своей комнаты и окна, изъ котораго можно было смотрѣть на розовую зарю заката и окна третьяго этажа противоположнаго дома, откуда раздавались по вечерамъ музыка и пѣніе. Эти окна, всегда раскрытыя и затянутыя только легкимъ тюлемъ занавѣсей, вызывали въ немъ предчувствіе возможнаго приключенія и часто, часами, приковывали его вниманіе...

Смывъ съ лица, шеи и рукъ портовую пыль, онъ садился у окна со стаканомъ чаю и слушалъ звонъ вечернихъ колоколовъ, отъ котораго горѣвшая передъ нимъ заря, казалось, тихо задумывалась и меркла, затягиваясь лиловой тѣнью вечернихъ сумерекъ, уже наполнявшихъ отдыхающую отъ дневного шума и движенія улицу. А когда умолкали колокола—къ нему доносились изъ оконъ противоположнаго дома музыка и пѣніе, женскій смѣхъ и веселый говоръ. Тамъ долго не зажигали огня, и казалась таинственно заманчивой темнота этихъ оконъ, гдѣ слышалось присутствіе молодыхъ женщинъ, вѣроятно, красивыхъ, потому что тамъ съ ними были и мужчины. И каждый разъ, слушая музыку и женскій смѣхъ, Каншинъ испытывалъ странное чувство смущенія и непонятной радости, словно тамъ знали о его существованіи и для него одного играли и пѣли. Точно какія-то невидимыя нити тянулись къ нему изъ тѣхъ оконъ, и онъ чувствовалъ таинственную связь съ тѣми, кто тамъ игралъ и пѣлъ...

Однажды, когда уже поздно вечеромъ, эти окна освѣтились зажженными въ комнатахъ лампами—ему показалось, что и на него оттуда смотрятъ. За занавѣсками, что-то таилось, мелькало, легкое и почти неуловимое, то замирало въ неподвижности у окна, то тихонько шевелило край занавѣски. Онъ угадывалъ тамъ женщину, чувствовалъ на себѣ ея любопытные глаза, отмѣчалъ лукавую осторожность въ движеніяхъ, чисто женское скрытное кокетство. Его легко и пріятно волновала эта скрытая, можетъ быть, только воображаемая имъ игра, и онъ, съ замираніемъ сердца, слѣдилъ за перебѣгающей отъ одного окна къ другому едва замѣтной тѣнью, не переставая чувствовать на себѣ чьи-то пристально смотрящіе и какъ-будто изучающіе его глаза...

Въ этотъ вечеръ онъ поздно не ложился спать, ходилъ по комнатѣ, высовывался изъ окна въ теплый отъ нагрѣтыхъ за день солнцемъ мостовыхъ и каменныхъ стѣнъ домовъ ночной мракъ и выгибаясь лицомъ вверхъ смотрѣлъ на черное, усѣянное яркими, южными звѣздами небо, или отходилъ къ двери и выглядывалъ въ темный коридоръ, полный соннаго молчанія глубокой ночи... Онъ былъ взволнованъ, хотя и говорилъ себѣ: вздоръ! никто на него оттуда не смотрѣлъ, и все это только его фантазія... И говоря себѣ такъ, весь былъ полонъ ощущенія женскаго взгляда, которое не покидало его до глубокой ночи...

Онъ уже собирался ложиться спать, когда вдругъ услыхалъ раздавшіеся въ коридорѣ женскіе шаги—съ легкимъ постукиваньемъ французскихъ каблуковъ, съ сухимъ, вкрадчивымъ шелестомъ шелковыхъ юбокъ. Гдѣ-то совсѣмъ близко шаги внезапно умолкли. Каншинъ живо почувствовалъ, что за его стѣной кто-то стоитъ, затаивъ дыханье. Онъ подошелъ къ двери и самъ остановился съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ; съ минуту онъ стоялъ такъ, чувствуя, что и за дверью кто-то чутко слушаетъ и ждетъ.

Вдругъ ручка двери въ его рукѣ тихо шевельнулась; Каншинъ быстро повернулъ ее и открылъ дверь. Передъ нимъ стояла его сосѣдка. Она, казалось, была немного взвол-

нована, свѣтъ, упавшій изъ комнаты на ея лицо, обнаружилъ на ея смуглыхъ щекахъ легкій румянецъ смущенія. Она сказала шопотомъ:

— Я увидѣла у васъ свѣтъ и подумала, что вы еще не спите. Я должна извиниться передъ вами... за вчерашнее... Мы васъ разбудили...

Каншинъ тоже покраснѣлъ и смущенно пробормоталъ:

— Не безпокойтесь, пожалуйста... Это пустяки...

— Вы не сердитесь? Нѣтъ?

— Нисколько! За что?..

— Право, мнѣ было ужасно непріятно!.. Этотъ господинъ...

— Онъ просто былъ пьянъ!—пришелъ ей на помощь Каншинъ, и уже совсѣмъ сконфузился, понявъ, что сказалъ безтактность.

Сосѣдка явно любовалась этимъ красивымъ, здоровымъ юношей, отъ котораго вѣяло самой свѣжей, нетронутой жизнью молодостью. Она вдругъ улыбнулась всѣми своими молодыми, крѣпкими, бѣлыми зубами, и отъ ея улыбки какъ-то сразу стало просто, легко и весело. Каншинъ даже тихонько засмѣялся. Но она, видимо, не знала, что сказать ему еще въ свое оправданіе и какъ-будто ждала чего-то отъ него. И это ея ожиданіе снова привело Каншина въ смущеніе. Онъ тоже молчалъ и безсмысленно смотрѣлъ на ея колыхающееся надъ шляпой бѣлое перо...

Вдругъ она тихо покачала головой и сказала:

— Отъ васъ пахнетъ моремъ. Мнѣ ужасно нравится этотъ запахъ...

Каншинъ объяснилъ:

— Я работаю въ порту...

Она кивнула ему головой и повернулась къ своей двери. Каншинъ еще прибавилъ, чувствуя, что объяснилъ не точно:

— Мнѣ поручено слѣдить за нагрузкой зерна на пароходѣ „Танагра"...

Закрывая свою дверь, онъ задержался на мгновеніе и увидѣлъ, какъ она, входя къ себѣ въ комнату, обернулась и посмотрѣла на него съ той же лучистой улыбкой черныхъ

глазъ и бѣлыхъ зубовъ. О, какой это былъ нѣжный, зовущій взглядъ!.. Но Каншинъ понялъ его только тогда, когда его рука, по инерціи, уже закрыла дверь. Онъ тотчасъ же снова открылъ ее, но уже было поздно: онъ только услыхалъ стукъ захлопнутой сосѣдкойдвери...

IV.

Черезъ недѣлю, закончивъ нагрузку зерна, Каншинъ получилъ въ конторѣ расчетъ. Управляющій остался имъ доволенъ и обѣщалъ принять его въ контору въ августѣ, если онъ до тѣхъ поръ не устроится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. А пока далъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ въ другія конторы...

Каншинъ въ этотъ же день обошелъ эти конторы; вездѣ былъ застой въ дѣлахъ, никому не нужны были его услуги; всѣ обѣщали имѣть его въ виду на осень...

Маленькія сбереженія, сдѣланныя имъ еще на старомъ мѣстѣ и полученныя у Гилиса деньги обезпечивали Каншина мѣсяца на два и потому первыя неудачи нисколько не безпокоили его. Мало ли, что можетъ случиться за эти два мѣсяца! Онъ вѣрилъ въ случай, который уже неоднократно выручалъ его изъ самыхъ критическихъ положеній. Сейчасъ же онъ былъ сравнительно благополученъ, даже больше, чѣмъ когда-либо: у него было немного денегъ и не нужно было сидѣть въ конторѣ,—въ его распоряженіи былъ цѣлый день, для своей, личной жизни!..

Когда онъ уходилъ изъ конторы—Линъ настойчиво просилъ его притти къ нимъ вечеромъ.

— Лида мнѣ проходу не даетъ!—сказалъ онъ, смѣясь:— И сердится, что я васъ плохо приглашаю... Мы васъ сегодня ждемъ. Вы должны притти непремѣнно!..

Каншинъ обѣщалъ...

Всю эту недѣлю, занятый работой, онъ ни разу не вспомнилъ о нихъ, о своей маленькой, смуглой пріятельницѣ

которую онъ не видѣлъ лѣтъ двѣнадцать. Интересно все-таки посмотрѣть, что изъ нея вышло!..

Въ его памяти особенно ясно встала одна картина изъ далекаго дѣтства. Это было въ родномъ городѣ, гдѣ онъ родился, который онъ покинулъ столько же лѣтъ тому назадъ, сколько не видѣлъ Лиду.

...Осень золотила деревья; листья падали и усыпали дворъ. На небо набѣгали тучи, становилось сумеречно и холодно. Поднимался вѣтеръ, подхватывалъ съ земли желтые листья, кружилъ и гналъ ихъ по широкому двору и, перелетѣвъ черезъ заборъ, уносилъ ихъ куда-то, откуда они уже не возвращались...

Маленькій, тихій мальчикъ задумчивыми глазами слѣдилъ за ихъ полетомъ. Сидѣлъ на ступенькахъ крыльца большого каменнаго дома, въ синемъ пальто съ перламутровыми пуговицами, втянувъ голову въ поднятый воротникъ, надвинувъ синій суконный беретъ до бровей, засунувъ руки глубоко въ карманы пальто. Онъ давно прозябъ, личико отъ холода даже немного посинѣло, и по щекамъ ползли, выжатыя изъ глазъ рѣзкимъ вѣтромъ, крупныя слезы. Но итти въ комнаты не хотѣлось. Тамъ скучно. Комнаты тихія, сумеречныя, изъ каждаго угла какъ-будто смотритъ кто-то темный, страшный своимъ молчаніемъ и неясностью своихъ очертаній. Игрушки къ вечеру становятся совсѣмъ мертвыми, не вызываютъ никакихъ представленій, не возбуждаютъ воображенія и держать ихъ въ рукахъ, сознавая ихъ такими, какія они есть—неодушевленными, пустыми, безотвѣтными—совсѣмъ неинтересно...

Летѣвшіе по вѣтру листья больше занимали его. Онъ думалъ о нихъ: куда можетъ занести ихъ вѣтеръ? Теперь они на сосѣднемъ дворѣ, черезъ минуту вѣтеръ перенесетъ ихъ на другой дворъ, потомъ они вылетятъ на улицу и понесутся съ вѣтромъ прямо-прямо, по всей улицѣ, до ея конца, до обрыва, внизу котораго течетъ большая рѣка. Тутъ они слетятъ внизъ и попадутъ въ воду,—а вода теперь очень холодная!—и поплывутъ по теченію рѣки далеко-далеко.

въ море... А тамъ волны примутъ ихъ и будутъ качать, качать, передавая одна другой...

Изъ флигеля, темнѣвшаго въ углу двора, вышла дѣвочка лѣтъ семи, съ черными кудрями по плечамъ, въ коротенькомъ платьицѣ, повязанная черезъ грудь накрестъ бѣлымъ, вязанымъ, пушистымъ платкомъ. Одинъ чулокъ спустился у нея до башмачка, обнаживъ тонкую, смуглую ножку. Она грызла крѣпкое, золотое осеннее яблоко бѣлыми, крѣпкими зубками, но худенькое, блѣдное личико ея не выражало удовольствія, хотя яблоко по виду должно было быть очень вкуснымъ; большіе черные глаза смотрѣли не по-дѣтски грустно, задумчиво...

Пока она шла черезъ дворъ—новый порывъ вѣтра подхватилъ съ земли поблекшіе листья и понесъ ихъ прямо на нее. Она повернулась къ нему спиной, и вихрь обхватилъ ее сзади, забился въ ея платьицѣ и понесся дальше, оставивъ въ складкахъ ея платка и въ черныхъ колечкахъ ку[illegible] нѣсколько золотыхъ листочковъ. Дѣвочка смотрѣла [illegible] вслѣдъ, пока онъ не перелетѣлъ черезъ заборъ и, вѣроятно, думала о томъ же, о чемъ думалъ и мальчикъ: ку[illegible] несетъ листья?..

Тряхнувъ головкой, она повернулась и по[illegible] задумчиво грызя яблоко. Молча, какъ она это дѣла[illegible] день, взошла по ступенямъ и сѣла рядомъ съ мальчикомъ, обдергивая юбочку, чтобы закрыть ею свои голыя ко[illegible]ки...

— Хочешь?—тихо спросила она, протягивая къ нему яблоко, обращая къ нему свои большіе, черные, грустно-бездонные глаза.

Онъ отрицательно мотнулъ головой, слѣдя за новымъ вихремъ, уносившимъ со двора осенніе листья...

Дѣвочка и сама перестала ѣсть яблоко, оно мало интересовало ее. Она положила его около себя на ступенькѣ и спрятала озябшія ручки на груди, подъ платокъ. Глаза ея смотрѣли туда же, куда смотрѣлъ и мальчикъ... И такъ они сидѣли тихо, не разговаривая, не двигаясь...

Онъ былъ сыномъ богатаго домовладѣльца, она—дочерью

бѣднаго квартиранта; но дѣтство не признаетъ ни имущественныхъ и никакихъ другихъ различій: дѣти дня не могли прожить другъ безъ друга...

На дворѣ вечерѣло. Тучи надвигались все ниже и грознѣй, порывы вѣтра учащались, становились сильнѣй, ожесточенно трепали деревья. Въ маленькомъ флигелѣ, въ крайнемъ окнѣ, у забора, замигалъ красный огонекъ...

Дѣвочка, тихо, про себя, сказала, поеживаясь:

— Холодно...

И прижалась плечикомъ къ своему тихому сосѣду...

Въ густѣвшихъ сумеркахъ становилось немного страшно. Глаза у обоихъ стали еще больше, лица—еще блѣднѣе. Мало ли кто можетъ явиться передъ ними въ темнотѣ, въ этомъ пустомъ, большомъ дворѣ!.. Деревья такъ испуганно шумѣли, какъ-будто онъ, невѣдомый и страшный, уже шелъ, и они слышали его легкіе, осторожные, крадущіеся шаги. А на[illegible]оромъ двигалось что-то темное, словно огромная го[illegible]ывала во дворъ изъ сосѣдней пустоши. И въ [illegible]ежду флигелемъ и сараемъ, что-то колыха[illegible]лось и снова пряталось, какъ-будто высматривало, [illegible] удобную минуту, чтобы выскочить и напасть...

Дѣвочка дрожала и тѣснѣй прижималась къ мальчику. Онъ тоже дрожалъ и прижимался къ ней. И тихо, серьезно говорилъ:

— Не бойся...

Въ стеклянную дверь кто-то постучалъ пальцемъ и позвалъ:

— Витя!..

Мальчикъ вздрогнулъ и оглянулся назадъ. За темнымъ стекломъ бѣлѣлась высокая, женская фигура. Это—Витина мама, въ бѣломъ капотѣ... Она съ ласковой строгостью сказала:

— Уже поздно. Иди въ комнату!..

Мальчикъ поднялся. Дѣвочка тоже встала.

Изъ дальняго темнаго флигеля кто-то крикнулъ:

— Лида!.. Домой!..

Дѣвочка нагнулась, потянула опустившійся чулокъ вверхъ, тихо, не спѣша сошла со ступеней и скрылась въ большомъ, темномъ дворѣ...

Стеклянная дверь открылась и поглотила мальчика...

На верхней ступенькѣ осталось забытое яблоко со слѣдами маленькихъ, острыхъ зубовъ...

Эту картину память Каншина воспроизвела такъ подробно потому, что тогда отецъ его былъ боленъ и скоро послѣ этого умеръ, и все, относившееся къ этимъ тяжелымъ, печальнымъ днямъ онъ помнилъ особенно ясно... Отъ богатства отца, съ его смертью, ничего не осталось; дѣла его оказались сильно запутанными, и все пошло на уплату долговъ...

Похоронивъ отца, маленькій Каншинъ съ матерью уѣхалъ изъ родного города; черезъ пять лѣтъ онъ потерялъ и мать и съ тѣхъ поръ жилъ самостоятельно, научившись съ пятнадцати лѣтъ не бояться жизни и не придавать особеннаго значенія ея превратностямъ...

V

Семья Линъ жила въ такомъ же маленькомъ ф[illegible], какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, только теперь [illegible] былъ небольшой, узкій, сжатый со всѣхъ сторонъ стѣнами пятиэтажнаго дома, походившій на сырой, полутемный колодецъ. Когда Каншинъ пришелъ къ нимъ—всѣ были дома—мать, дочь и сынъ—и ждали его. Старуху Каншинъ узналъ сразу; онъ съ дѣтства помнилъ ее такой же—съ совершенно бѣлой головой; только лицо ея сильно сморщилось. Въ дѣвушкѣ же трудно было узнать ту смуглянку, образъ которой онъ только сегодня вызвалъ въ своей памяти такъ отчетливо-ясно. Лида уже не была смуглянкой; нѣжная кожа ея лица свѣтилась какой-то удивительной, перламутровой бѣлизной, незамѣтно переходившей на щекахъ въ блѣдно-розовый оттѣнокъ, словно на нихъ падалъ слабый отблескъ пот[illegible]алаго свѣта. Ярко выдѣлялись свѣжій, красный ро[illegible]

много в... ной нижней губой, черныя, чуть изогнутыя брови и большие глаза, которые оставались такими-же, какъ и въ дѣтствѣ—задумчивыми, чистыми, немного грустными и бездонно-глубокими. Ей было около двадцати лѣтъ, но она не выглядѣла вполнѣ сформировавшейся женщиной, хотя все въ ней, начиная отъ тонкой шеи и невысокой полудѣтской груди и кончая маленькими ножками—дышало самой нѣжной женственностью, очарованіе которой Каншинъ почувствовалъ съ перваго же взгляда. Онъ невольно остановился у двери, пораженный смутнымъ, смѣшаннымъ волненіемъ радости и боязни. Онъ не ожидалъ найти ее такой, и эта неожиданность вызвала въ немъ сладкую жуть необъяснимаго страха...

Въ ея взглядѣ, улыбкѣ, голосѣ, движеніяхъ сквозило для него что-то знакомое, и въ то же время она была ему невѣдомой, почти чужой. Время, которое она прожила безъ него, остававшееся для него невѣдомымъ, сообщило ей чудесную тайну своей *неизвѣстности*. Въ этомъ смѣшеніи неизвѣстнаго и *знакомаго*, памятныхъ ему чертъ дѣвочки и совершенно *новой* для него красоты дѣвушки крылось особенное обаяніе потянувшее его къ ней любопытствомъ, желаніемъ приблизиться, узнать ее, разгадать въ ней это новое очарованіе...

Въ теченіе вечера онъ часто ловилъ на себѣ ея взглядъ задумчиво-любопытный, словно и она пыталась понять происшедшую въ немъ перемѣну. Дѣвушка была немного взволнована, ея щеки то и дѣло вспыхивали, она часто смѣялась короткимъ, отрывистымъ смѣшкомъ, которымъ старалась скрыть свое смущеніе...

Какъ-то по-дѣтски конфузясь, она сказала ему:

— Я все же узнаю въ васъ маленькаго Витю, хотя мнѣ сильно мѣшаютъ въ этомъ ваши усы... А въ первый разъ вы мнѣ показались совершенно чужимъ...

—Когда—въ первый разъ?—удивился Каншинъ.

Дѣвушка смутилась, покраснѣла и должна была объяснить: она смотрѣла на него изъ окна квартиры своей подруги Смущенно, словно оправдываясь, она прибавила:

— Я часто думала о васъ: гдѣ вы и что съ вами?..

2*

Такъ это она смотрѣла на него изъ-[illegible]!.. Въ груди Каншина что-то дрогнуло, словно [illegible] его какой-то большой радостью. Онъ тихо [illegible] своему неожиданному открытію. А онъ мечталъ о какомъ-то таинственномъ приключеніи!..

Отъ Лиды вѣяло, какъ отъ перваго снѣга, свѣжестью нетронутой чистоты, немного холодной, но нѣжной и привлекательной, ласкающей глаза и душу. Онъ испытывалъ къ Лидѣ почти родственное чувство, которому придавала особенную прелесть эта неожиданная встрѣча послѣ долгой разлуки, въ чужомъ городѣ. Онъ сразу почувствовалъ, не смотря на внѣшнее несходство ея дѣтства и дѣвичества, эту связь съ ней, сохранившуюся съ дѣтскихъ лѣтъ и дававшую ему право называть ее по имени...

Вечеръ прошелъ въ веселой, живой, молодой болтовнѣ, казавшейся пустой и непринужденной, но Каншинъ все время чувствовалъ себя насторожѣ, испытывалъ легкое безпокойство и волненіе, которое онъ замѣчалъ и въ Лидѣ. Они все время тайно, тревожно наблюдали другъ друга, пряча свое безпокойство и волненіе въ разговорѣ и смѣхѣ, взглядывая временами одинъ на другого съ такимъ выраженіемъ, словно спрашивали другъ друга: можетъ-быть, это судьба, что мы встрѣтились съ тобой?..

Каншинъ ушелъ отъ Лиды смущенный, радостно взволнованный. Онъ самъ себя разубѣждалъ: „Глупости! Она не могла найти во мнѣ ничего интереснаго, и объ этомъ нужно бросить думать!“... И ему стало обидно, грустно и почему-то жаль себя, своей молодой жизни...

VI.

Ночью огромные, многоэтажные дома казались совсѣмъ иными, чѣмъ днемъ—мрачными, грозными, таящими въ себѣ, въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ темную, тревожную даже [illegible] ночномъ снѣ, непонятную жизнь. Безконечныя улицы, то п[illegible]

нимавшіяся въ гору, то неожиданно спускавшіяся куда-то, точно въ пропасть, были полны, несмотря на безлюдье, неяснаго шороха, шопота, жужжанья, скрытаго движенія, словно сутолока дневной жизни оставила въ воздухѣ эхо своего гула, не смолкавшее до утра. На самомъ же дѣлѣ это была ночная жизнь большого города, когда, пользуясь сумракомъ, просыпаются и поднимаютъ свои головы пьяный разгулъ, развратъ, безудержная жажда развлеченій и наслажденій. Часто, изъ внезапно раскрывшейся двери или окна на улицу вырывались голоса, крики, пьяный шумъ, кухонный чадъ, ресторанные запахи, винныя испаренія, женскій визгъ и смѣхъ, жалкіе звуки разбитаго рояля или маленькаго оркестра, пѣніе охрипшихъ отъ пьянства и ночного разврата голосовъ, гулъ скандала или драки. Неожиданно изъ темныхъ впадинъ воротъ появлялись женщины, загораживали Каншину и Сенѣ дорогу, хватали ихъ за руки и платье, тащили за собой, предлагали себя и, отвергнутыя, отставъ отъ нихъ, долго провожали ихъ насмѣшками и грубой бранью...

Улица, по которой они шли, вдругъ оборвалась, и съ моста, перекинутаго черезъ глубокій оврагъ, Каншинъ увидѣлъ подъ собой другую, тускло освѣщенную улицу, лежавшую на днѣ этого оврага и вздымавшую до краевъ обрыва крыши своихъ громадныхъ домовъ... За мостомъ повѣяло рѣзкой свѣжестью моря и запахомъ древесной листвы. Они подходили къ парку...

Въ главной аллеѣ парка еще горѣли на высокихъ столбахъ большіе лиловатые электрическіе фонари; отсюда было видно море, вѣрнѣе—оно угадывалось только подъ чернымъ, звѣзднымъ небомъ, въ которомъ здѣсь и тамъ мигали желтые, красные и зеленые огни невидимыхъ въ темнотѣ судовъ и пароходовъ. Въ загороженной, заставленной столиками части аллеи и на эстрадахъ уже было темно и пусто, гулянье давно окончилось. Только откуда-то издали доносились звуки струннаго оркестра и глухой гулъ аплодисментовъ. Сеня увлекъ Каншина въ темную, глухую аллею, въ глубинѣ которой вдругъ засверкало множество мелкихъ электрическихъ лампочекъ...

Шантанъ для Каншина былъ новостью, онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Занявъ съ Сеней столикъ недалеко отъ сцены, онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на пѣвицъ, смѣнявшихъ одна другую и какъ-будто старавшихся перещеголять другъ друга блескомъ и откровенностью своихъ костюмовъ. Обнаженныя женскія плечи, руки, груди, открытыя до колѣнъ ноги въ изящныхъ туфляхъ и ажурныхъ чулкахъ, сверкающій стеклярусъ и блестки платьевъ, легкая, игривая музыка шансонетокъ, острота двусмысленныхъ куплетовъ, сопровождаемыхъ дразнящей, горячей игрой глазъ и движеній—отъ всего этого у Каншина кружилась голова, онъ былъ ошеломленъ и даже подавленъ. Онъ ѣлъ и пилъ машинально, не отрывая глазъ отъ сцены, усиливая виннымъ опьяненіемъ горячій дурманъ возбужденія, испытывая нѣкоторую неловкость и стыдъ, отъ которыхъ у него горѣли лицо и уши...

Сеня съ удивленіемъ смотрѣлъ на стыдливо краснѣвшаго Каншина. Его смѣшилъ этотъ высокій, плечистый, по сложенію—почти атлетъ, юноша, съ розовымъ, дѣвическимъ лицомъ, съ довѣрчивыми и наивными, какъ у дѣвушки, голубыми глазами. Какъ можно быть такимъ чистымъ въ двадцать лѣтъ! Любая гимназистка пятаго класса знаетъ о жизни больше, чѣмъ онъ. И это было вѣрно: жизнь для Каншина была полна невѣдомыхъ чудесъ, и каждый новый день сулилъ открытіе какой-нибудь новой тайны-сказки въ родѣ этого шантана...

Пѣвицъ и танцовщицъ было много; онѣ выходили одна за другой, пѣли, плясали, кланялись, стрѣляли глазами, посылали воздушные поцѣлуи, насыщая атмосферу сада удушливымъ, горячимъ туманомъ чувственнаго женскаго очарованія, ночного возбужденія, любовнаго дурмана. Одна—въ мужскомъ, гусарскомъ костюмѣ, плотно обтягивавшемъ ея формы, расшитомъ золотомъ, съ маленькимъ барабаномъ у пояса, въ который она колотила, маршируя въ промежуткахъ между куплетами; другая—въ сверкающемъ блестками платьѣ, расходившемся у колѣнъ сборчатымъ колоколомъ, отливавшимъ съ одной стороны—краснымъ, съ другой—го-

лубымъ свѣтомъ, взвивавшимся при быстрыхъ круговыхъ поворотахъ кверху и открывавшимъ до пояса ея тонкія ноги въ красныхъ кружевныхъ панталонахъ; третья—въ узкомъ полупрозрачномъ нарядѣ, съ просвѣчивающимъ сквозь легкую ткань розовымъ животомъ, которымъ она, закинувъ за голову руки и выпятивъ грудь, поводила въ обѣ стороны, изображая такимъ образомъ индусскій танецъ живота; четвертая—въ лиловомъ трико, едва прикрытомъ голубымъ, затканнымъ золотыми звѣздами газомъ, распускавшимся во время танца на подобіе крыльевъ бабочки и открывавшимъ все тонкое и стройное тѣло танцовщицы; четыре сестры-англичанки, въ короткихъ, бѣлыхъ платьяхъ бебе, стоя рядомъ, пѣли въ униссонъ по-англійски, вытянувъ впередъ, на уровнѣ плечъ, руки и вскидывали вверхъ ногами, высоко подбрасывая платье и касаясь носками своихъ бѣлыхъ туфель пальцевъ рукъ..

Но вотъ—на сцену вышла молодая женщина, скорѣй—дѣвушка, въ длинномъ темномъ платьѣ, скромно закрывавшемъ ея шею до подбородка и руки—почти до пальцевъ. На ней не было ни блестокъ, ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней; волосы причесаны по-дѣвичьи просто—толстыми косами, положенными на головѣ большой, тяжелой короной. При взглядѣ на ея лицо Каншинъ тотчасъ же вспомнилъ голубыя, кружевныя занавѣски, запахъ пармскихъ фіалокъ, черную шляпу съ бѣлымъ перомъ, низкій, грудной, волнующій голосъ и ослѣпительную улыбку своей сосѣдки. Это была она—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія!..

То, что онъ увидѣлъ ее здѣсь—было неожиданно, непонятно, и Каншинъ долго не могъ притти въ себя отъ удивленія. Эти женщины, пѣвшія и плясавшія здѣсь, казались ему существами иного, чужого, невѣдомаго міра—и странно было увидѣть среди нихъ обыкновенную женщину, живущую въ той же квартирѣ, гдѣ и онъ, проводящую свой день въ своей комнатѣ, а вечеромъ вдругъ появляющуюся здѣсь на подмосткахъ, при яркомъ, электрическомъ свѣтѣ—съ невиннымъ, какъ будто немного испуганнымъ лицомъ и недо-

умѣвающими глазами. На ней было и обыкновенное платье, которое она, можетъ быть,носитъ и у себя въ комнатѣ, такъ рѣзко отличающее ее отъ другихъ пѣвицъ, словно она только что вышла изъ публики, случайно, въ первый разъ, очутилась на эстрадѣ...

Но публика, повидимому, хорошо знала ее. Едва она показалась изъ-за кулисъ—раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій и криковъ:

— Ренати!.. Браво!..

Она, улыбаясь, кивала головой и, пока оркестръ игралъ ритурнель—разсматривала публику чуть прищуренными глазами...

Каншинъ сидѣлъ такъ близко къ сценѣ, что она не могла не увидѣть его; ея взглядъ скользнулъ по немъ, отошелъ и тотчасъ же вернулся къ нему, словно что-то вспомнивъ. Она внимательно посмотрѣла на него—и вдругъ улыбнулась, показавъ зубы и чуть замѣтно кивнула ему головой. Она узнала его...

Каншинъ всталъ и, растерявшись, отвѣтилъ ей поклономъ приподнявъ надъ головой шляпу. Въ публикѣ раздался смѣхъ. Ренати, широко улыбаясь, вторично поклонилась ему...

Каншинъ сѣлъ, обливаясь горячимъ потомъ. Опьянѣвшій Сеня хохоталъ во все горло, хлопая его по плечу рукой...

VII.

Ренати запѣла. Это были крайне двусмысленные, или вѣрнѣе, почти не двусмысленные по грубой откровенности куплеты, но ея скромное платье, почти дѣтская прическа, ея лицо, сохранявшее выраженіе самой чистой, нѣжной невинности, ея наивные жесты и робкія, какъ бы неумѣлыя движенія пальцевъ, приподнимавшихъ платье, чтобы показать только узенькій носокъ черной, лакированной туфельки — придавали куплетамъ невыразимую остроту, пикантность этимъ яркимъ, рѣзкимъ контрастомъ ихъ содержанія и по-

полненія. Въ самыхъ рискованныхъ мѣс[illegible]хъ она, какъ дѣвочка, смущенно улыбалась, обводя публику большими, непонимающими глазами и недоумѣнно пожимала своими узенькими плечами, словно удивляясь и спрашивая: почему ей, скромной и невинной дѣвоч[illegible] нельзя пѣть этихъ куплетовъ въ которыхъ, право же, нѣ[illegible] неприличнаго?.. Только подъ конецъ, словно [illegible] она вдругъ порывисто подняла платье до ко[illegible]е, какъ будто опомнившись, испуганно б[illegible] закрыла лицо руками быстрымъ, дѣтскимъ [illegible]ада и страха...

Публика неис[illegible]ъ атмосферу уже достаточно сгущенную п[illegible]артистками, казалось, брошенъ былъ самый [illegible] и она разрядилась, наконецъ, этимъ оглу[illegible] взрывомъ. Ренати на вызовы не вышла, отказа[illegible] бисировать. Крики и рукоплесканія продолжались еще минутъ десять, но безуспѣшно. Пѣвица вдругъ появилась въ саду, въ своемъ красномъ атласномъ пальто и въ большой черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ...

На эстрадѣ продолжалось представленіе, но уже никто не смотрѣлъ и не слушалъ. Съ появленіемъ Ренати въ саду—за столами поднялось шумное движеніе; мужчины вскакивали съ мѣстъ, кланялись, протягивали къ ней руки, издали кричали:

— Ренати!.. Къ намъ!.. Сюда!..

Одни бѣжали къ ней на встрѣчу, другіе сзади нагоняли ее, цѣловали руки, просили, убѣждали. Ренати молча, улыбаясь, отрицательно качала головой и пробиралась между столиками какъ-будто къ заранѣе намѣченному ею мѣсту...

Каншинъ всталъ, не спуская съ нея глазъ, блѣднѣя отъ волненія и необъяснимаго страха. Она смотрѣла на него черными, горячими глазами,—казалось, она шла къ нему... Вдругъ ее остановили толстые, смуглолицые греки въ цилиндр[illegible], [illegible] одномъ изъ нихъ Каншинъ узналъ управляющаго [illegible]ной конторой—Гилиса. Къ нему донесся отрыво[illegible] [illegible]вора съ пѣвицей. Гилисъ сказалъ:

— [illegible] обѣщала сегодня!..

Ренати надменно закинула голову.

— Такъ что-жъ?..

— Почему же ты [illegible]чешь?

— Я занята! Не могу...

— Тогда за[illegible]

— Не знаю...

Она пошла дальше [illegible] направленія. Сеня испуганно шепталъ Каншину:

— Вы только не [illegible] приглашать ее къ нашему столу! Это будетъ стоить [illegible]. Намъ не по карману!..

Ренати прошла мимо Каншина, [illegible] на него быстрый какъ бы спрашивающій взглядъ. [illegible] смотрѣлъ ей вслѣдъ, оцѣпенѣвъ въ какомъ-то неподвижномъ гипнозѣ. И вся публика смотрѣла на нее, слѣдя каждое ея движеніе, ожидая, гдѣ же она, наконецъ, сядетъ, кого сдѣлаетъ счастливымъ на сегодняшній вечеръ?..

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, она вдругъ рѣзко, рѣшительно повернула назадъ и подошла къ столу Каншина. Она взялась за спинку свободнаго стула и тихо спросила:

— Можно?..

Каншинъ поблѣднѣлъ, рванулся съ мѣста, опрокинулъ свой стулъ и покраснѣлъ до слезъ. Она протянула ему свой зонтикъ и сумку, и онъ стоялъ передъ ней, не зная, что съ ними дѣлать, испуганно и растерянно глядя на гречанку.

— Положите сюда! — сказала Ренати, улыбаясь его смущенію, показавъ на стулъ около себя: — И садитесь сами... Мы съ вами сосѣди — и намъ нечего церемониться другъ съ другомъ...

Сеня съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее и Каншина: когда они успѣли познакомиться?.. Греки въ цилиндрахъ враждебно оглядывали ихъ столъ; вся публика удивленно смотрѣла на этотъ капризъ своей любимицы, отдавшей предпочтеніе какимъ-то неизвѣстнымъ молодымъ людямъ, которые [illegible] по ихъ платью, вѣроятно, не въ состояніи угостить [illegible] ужиномъ, не говоря ужъ о шампанскомъ, которое [illegible] любила Ренати...

— Я ужасно обрадовалась, когда увидѣла васъ здѣсь!— сказала Ренати и прибавила, какъ бы желая ободрить Каншина, глядя на него своими горячими, лукаво смѣющимися глазами: —И вы такъ мило мнѣ поклонились!..

Каншинъ смущенно пробормоталъ:

— Это было глупо...—и попытался оправдаться:—Вы мнѣ кивнули головой, я это хорошо видѣлъ,—какъ же я могъ не отвѣтить?..

Пѣвица засмѣялась; въ ея смѣхѣ трепетали теплыя, ласкающія нотки...

— Вы довольны, что я подошла къ вамъ?—спросила вдругъ она, перегибаясь къ нему черезъ столъ:—Я вамъ нравлюсь?..

И не давъ отвѣтить ошеломленному Каншину, потупившему глаза передъ ея блестящимъ, играющимъ взглядомъ, она тотчасъ же, уже безъ смѣха, съ серьезной искренностью сказала:

— Вы мнѣ тоже нравитесь. Я люблю такихъ чистыхъ, славныхъ мальчиковъ...

Но она не могла долго оставаться серьезной. Въ ней какъ-будто сидѣлъ какой-то бѣсенокъ, зажигавшій ея глаза и сыпавшій изъ нихъ яркія искры безудержной веселости, щекотавшій ея грудь и горло чувственно вибрирующимъ смѣхомъ. Она снова громко засмѣялась, откинувшись на спинку стула:

— Вы совсѣмъ—какъ невинная дѣвушка!..

Потомъ она протянула на столѣ свои руки, маленькія, смуглыя, матово-блѣдныя, съ узкими браслетами у кистей. Каншинъ смотрѣлъ на ея руки, а она—на него, словно наблюдая, какое онѣ производятъ на него впечатлѣніе. И въ эту минуту онъ почувствовалъ подъ столомъ прикосновеніе ея колѣна къ своему. Онъ вспыхнулъ и опустилъ глаза. Ренати тихо засмѣялась—низкимъ груднымъ смѣхомъ.

— Возьмите же мои руки—сказала она, играя на скатерти своими тонкими, длинными пальцами, какъ-будто волновавшимися отъ нетерпѣнія:—Вѣдь, вамъ хочется ихъ тронуть!..

Каншинъ посмотрѣлъ на нее: не смѣется ли она на
нимъ?.. Но ея глаза ясно, горячо просили: возьми же, возьми

Онъ осторожно коснулся пальцами одной и другой
руки. Онѣ были горячи и, ему показалось—тихонько др
жали. Она сама взяла его руку и тихо сжала ее.

— Тутъ, оказывается, знакомые люди!..—раздался око
нихъ чей-то рѣзкій, сиплый отъ пьянства голосъ:—Мож
мнѣ присѣсть къ вамъ?..

Это былъ экспортеръ Гилисъ. Онъ пренебрежител
оглядѣлъ Сеню, и Каншина, пожалъ плечами, словно уд
вляясь выбору Ренати и, не дожидаясь приглашенія, сѣл
Ренати приняла со стола свои руки, грекъ взялъ одну и
нихъ и хотѣлъ поцѣловать, но пѣвица выдернула руку
строго нахмурившись, сказала:

— Оставьте!..

Экспортеръ смущенно и обиженно засмѣялся.

— Почему такая немилость?

Ренати отвернулась, ничего не отвѣтивъ.

Гилисъ презрительно оглядѣлъ столъ, на которомъ стоя
только бутылка дешеваго вина, подозвалъ официа
сказалъ:

— Устрицъ, разныхъ закусокъ, шампанскаго, фруктов
Живо!..

Ренати пожала плечами, какъ-будто хотѣла сказать: н
чего тебѣ не поможетъ!.. А грекъ смотрѣлъ на нее
ными глазами и тихо постукивалъ золотымъ набалдашн
своей палки о край стола, словно приговаривалъ: пос
посмотримъ!..

VIII.

Ренати, однако, не отказалась отъ предложенн уг
щенія, непринужденно, весело ѣла и пила вино, чок с
Каншинымъ и намѣренно не замѣчая п
Гилисомъ бокала. Грекъ начиналъ се

круглое лицо краснѣло, глаза злобно косились на Каншина въ рукахъ у котораго снова лежала рука Ренати. Онъ дѣлалъ видъ, что готовъ примириться съ присутствіемъ Каншина и какъ-будто милостиво разрѣшалъ ему пользоваться временно расположеніемъ пѣвицы.

— Мы не будемъ ссориться и мирно подѣлимся!—сказалъ онъ, беря другую руку Ренати, въ которой она держала бокалъ.

Но та снова выдернула свою руку, расплескавъ изъ бокала вино на цвѣтную манишку его сорочки, гнѣвно блеснувъ глазами.

— Если будете приставать,—сказала она, отодвигаясь отъ него:—я васъ прогоню!..

Экспортеръ побагровѣлъ, но смолчалъ. Сеня, блѣдный, сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Онъ боялся, что его принципалъ, кипѣвшій гнѣвомъ на его пріятеля, перенесетъ этотъ гнѣвъ и на него. Улучивъ минуту, онъ отозвалъ Каншина въ сторону и торопливо, шопотомъ, сказалъ:

— Это не кончится добромъ! Нужно поскорѣй уѣхать отсюда?..

Каншинъ ничего не успѣлъ ему возразить, потому что къ нимъ подошелъ Гилисъ. Съ пренебреженіемъ начальника къ подчиненному, онъ безцеремонно отодвинулъ плечомъ Сеню въ сторону и взявъ Каншина за руки выше локтей, вращая налитыми кровью глазами, грубо сказалъ:

— Сколько возьмете, чтобы оставить мнѣ ее и сейчасъ уѣхать отсюда?..

Каншинъ вспыхнулъ и отодвинулся отъ него, сбросивъ съ себя его руки. Какъ онъ посмѣлъ предложить ему эту гнусную сдѣлку! Точно Ренати—неодушевленная вещь, которой каждый можетъ торговать!..

Онъ не сказалъ ни слова, повернулся и пошелъ къ столу. Ренати взволнованно спросила:

— Онъ предлагалъ вамъ деньги? Вы не взяли? Остаетесь со мной?..

Она вдругъ схватила его руку, нагнулась и прижалась къ

ней губами. Каншинъ растерялся, отдернулъ руку, но та неловко, что поцарапалъ ей ногтемъ палецъ. Она прижа къ царапинѣ платокъ, на которомъ тотчасъ же отпечатал красный слѣдъ крови. И при этомъ она смотрѣла на не полными нѣжной благодарности глазами...

Вернувшійся къ столу грекъ, замѣтивъ эту безмолвну сцену, въ безсильной злобѣ ревности яростно стукнулъ п столу кулакомъ и закричалъ бѣжавшему къ нему официант

— Полдюжины шампанскаго!..

Онъ грузно опустился на стулъ и вызывающе посмотрѣл на Ренати. Пѣвица только презрительно пожала плечами...

Сени за столомъ уже не было; онъ незамѣтно улизнулъ чтобы не быть на глазахъ разгнѣваннаго начальства... Н столѣ появилось шесть бутылокъ шампанскаго, два официант торопливо ихъ раскупоривали. Ренати вдругъ поднялась и коротко сказала Каншину:

— Пойдемъ!..

Каншинъ всталъ. Экспортеръ исподлобья, мрачно посмотрѣлъ на нихъ, и молча, отодвинувшись, пропустилъ мимо себя Ренати. Но тотчасъ же за ихъ спиной раздался звонъ бьющагося стекла; пьяный, взбѣсившійся грекъ, схвативъ за уголъ скатерть, сбросилъ на землю все, что стояло на столѣ—тарелки съ закусками, вазы съ фруктами, бокалы и всѣ шесть бутылокъ шампанскаго. Вслѣдъ за этимъ послышался гулъ начинавшагося скандала, возмущенные крики и брань облитыхъ виномъ сосѣдей Гилиса...

Въ паркѣ Ренати сама просунула руку подъ локоть Каншина и прижалась къ нему, глубоко затихнувъ. Въ главной аллеѣ уже было потушено электричество, и на небѣ отчетливо, ясно выступали яркія звѣзды. Низко надъ черной бездной моря висѣла, хвостомъ внизъ, Большая Медвѣдица—было близко утро. Приближеніе разсвѣта ощущалось въ свѣжести воздуха, уже успѣвшаго ост[illegible] отъ [illegible] въ тихомъ шелестѣ древесныхъ листьевъ, [illegible] бѣгалъ легкій, предутренній вѣтерокъ..

Каншинъ боялся взглянуть на Ренати, [illegible]

слушивался къ звуку ея легкихъ шаговъ, поскрипывавшихъ рядомъ съ его ногами гравіемъ, къ шороху ея платья, бившаго краемъ по его ногѣ. Онъ былъ растерянъ, полонъ, недоумѣнія, не зналъ, что думать обо всемъ этомъ, и съ замираніемъ сердца ждалъ, что будетъ дальше...

Ренати вдругъ сказала, прижавъ къ своей груди его локоть:

— Теперь вы отвезете меня домой. Вѣдь намъ по дорогѣ!..

У воротъ парка они сѣли въ извозчичью пролетку. Ренати взяла руку Каншина, положила ее вокругъ своей таліи съ ласковой строгостью сказавъ:

— Нужно держать даму...

И тѣсно приникла къ нему плечомъ...

У Каншина шумѣло въ головѣ отъ вина, сильно стучало въ вискахъ. Было страшно и сладко сидѣть рядомъ съ этой странной, красивой, незнакомой женщиной, чувствовать ея волнующую, кружащую голову, живую близость, запахъ пармскихъ фіалокъ, смѣшанный съ ароматомъ ея тѣла, ѣхать съ ней по спящимъ, пустымъ улицамъ чужого города, гдѣ на каждомъ углу, казалось, могла встрѣтиться какая-нибудь неожиданность, въ родѣ шантана, случиться что-нибудь непонятное, въ родѣ этой внезапно возникшей у него близости съ Ренати... Онъ вздрагивалъ, встрѣчая живой, черный блескъ ея глазъ, такъ нѣжно ласкающій и обѣщающій въ этомъ тускломъ полумракѣ ночной улицы... Сердце въ немъ падало, холодѣли пальцы рукъ и ногъ...

Когда проѣзжали по мосту, перекинутому черезъ улицу-оврагъ—Ренати вдругъ поддалась впередъ и перегнувшись къ нему, почти касаясь губами его губъ, обвила его шею руками и заглянула ему въ глаза. О, какіе горячіе, сумасшедшіе глаза! Каншину жутко было смотрѣть въ нихъ. Они какъ-будто вливали въ него огонь, зажигали въ немъ безуміе.

— Любишь?.. Любишь меня?..—горячо шептала она:—Я о тебѣ цѣлую недѣлю думала съ того дня, какъ ты только пріѣхалъ и я встрѣтила тебя въ концертѣ... Мечтала о тебѣ...

Ты такой красивый, молодой, сильный!.. Я пришла извиняться, тогда, ночью, а мнѣ хотѣлось просто броситься къ тебѣ на шею и крѣпко тебя цѣловать!.. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тебя цѣловать!..

Она крѣпко прижалась своими горячими губами къ его губамъ, какъ-будто пила изъ него какой-то сладостный напитокъ. Оторвавшись отъ него, она нѣсколько секундъ молчала, закрывъ глаза; потомъ сказала, тяжело дыша:

— Я всѣ эти дни была какъ въ лихорадкѣ... Если бы ты не пришелъ сегодня туда—я завтра пришла бы къ тебѣ... Я уже рѣшила...

Она снова цѣловала его крѣпкими, горячими поцѣлуями, и опять нетерпѣливо спрашивала:

— Любишь?.. Любишь меня?..

Или просила въ страстномъ изнеможеніи:

— Люби... Я хочу, чтобы ты любилъ!.. Я не могу...

Она задыхалась, начинала плакать, потомъ вдругъ вся затихала, словно теряла сознаніе и, спустя минуту, неожиданно встрепенувшись, снова тянулась къ нему и искала его губъ. Разъ она укусила его въ губу такъ сильно, что онъ вскрикнулъ отъ боли. Она тихо засмѣялась—своимъ низкимъ, короткимъ смѣшкомъ.

— Больно? Больно тебѣ?.. Ничего. Пусть будетъ сладко и больно. Когда ты поцарапалъ мнѣ палецъ—мнѣ тоже было сладко и больно!..

Каншинъ видѣлъ передъ собой черный, горячій блескъ ея глазъ, чувствовалъ на своемъ лицѣ ея жаркое дыханіе, отдающее шампанскимъ—и терялъ разсудокъ, сознавая только близость какой-то сладкой гибели, наполнившую все его существо мучительнымъ и вмѣстѣ блаженнымъ страхомъ. Онъ испуганно, по-дѣтски, жалобно умолялъ ее, самъ не зная, о чемъ:

— Ренати... Ренати...

IX.

Пока она зажигала лампу — онъ стоялъ у двери, оглядывая ея комнату, всю устланную мягкимъ, пушистымъ ковромъ, походившую на нарядную бонбоньерку. Воздухъ здѣсь былъ теплый, густо насыщенный духами, запахомъ женскихъ косметикъ и женщины. Разлившійся изъ-подъ голубого абажура лампы мягкій свѣтъ придалъ комнатѣ видъ глубокаго зимняго уюта.

Ренати нетерпѣливо сбрасывала съ себя пальто, шляпу, платье. Она рвала на себѣ шнурки, застежки, пуговицы, крючки, наполняя воздухъ горячимъ дыханіемъ своего юнаго тѣла.

— Я хочу, чтобы ты сталъ такимъ же сумасшедшимъ, какъ и я!—сказала она, прерывисто дыша, съ безумной, кривой улыбкой: — Я буду сейчасъ танцовать!..—Ты еще не видѣлъ такого танца!..

Она выскочила изъ спустившейся къ ея ногамъ груды платья и бѣлья—ослѣпительная, страшная въ своей нѣжной, золотой наготѣ... Каншинъ поблѣднѣлъ, въ его глазахъ поплылъ красный туманъ. Онъ не могъ двинуться съ мѣста, какъ бы парализованный ужасомъ передъ непобѣдимой силой красоты и чувственнаго очарованія...

Она стояла передъ нимъ съ закинутыми за голову руками, изгибаясь, тихонько, почти беззвучно смѣясь. Вдругъ она бросилась къ шкафу, распахнула дверцу, отразилась на мгновеніе въ зеркалѣ всѣмъ тѣломъ отъ ногъ до головы; выхвативъ какое-то облако розоваго газа, накинула его на себя—фантастическое съ блестками и золотомъ платье—и босая, полунагая, дикая, съ упавшими на плечи, спину и грудь волосами, стала плясать передъ нимъ, то удаляясь въ углы комнаты, точно въ страхѣ убѣгая отъ него, то приближаясь къ нему... Ея гибкое тѣло, просвѣчивавшее сквозь легкую ткань платья своей золотисто-смуглой кожей, медленно извивалось, сгибаясь и выпрямляясь, или она внезапно откидывалась назадъ своей прекрасной грудью, вскинувъ кверху

руки, и застывала на мгновенiе. Потомъ вдругъ дико срывалась съ мѣста и съ поднятыми надъ головой руками неслась къ нему въ стремительномъ танцѣ... Каждое движенiе ея обнаженныхъ рукъ звало и обѣщало, каждая линiя опьяненнаго пляской тѣла, казалось, звучала этими безконечными измѣненiями бѣшенаго ритма. Эта пляска безъ музыки, почти неслышная на мягкомъ коврѣ, сопровождаемая лишь ея прерывистымъ дыханiемъ — сама была музыкой, отъ которой у Каншина въ головѣ и крови стоялъ горячiй звонъ, огненная пѣсня крови...

Она, казалось, не видѣла его, забыла о немъ, въ своемъ увлеченiи, опьяненiи танцемъ, ритмъ котораго становился все быстрѣй и горячѣй. Она какъ-будто вся куда-то унеслась, и передъ его глазами кружился только легкiй вихрь нѣжной розовой ткани... Каншину казалось, что онъ самъ попалъ въ этотъ вихрь и закружился вмѣстѣ съ нимъ, охваченный его жгучимъ дыханiемъ...

Ренати вдругъ остановилась, пошатнулась—и упала къ нему на руки, закрывъ глаза, съ блѣдной улыбкой изнеможенiя...

— Не смѣйся... я такая сумасшедшая!..—сказала она слабымъ, умирающимъ голосомъ, прижимаясь къ нему:—Цѣлуй!.. Я заслужила тебя...

* *
*

Проснулся онъ отъ мучительнаго кошмара: что-то горячее зажало ему ротъ, навалилось на грудь. Онъ задыхался, стоналъ, тщетно пытаясь высвободить свою голову изъ какихъ-то тисковъ, сбросить съ своей груди придавившую ее тяжесть. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ близко передъ со[illegible] черные, горящiе глаза и, какъ-будто вымазанныя кро[illegible] красныя губы Ренати. Она [illegible] его, чтобы разбу[illegible], и теперь просила, чтобы онъ [illegible]

— Крѣпко!..

У Каншина было блѣдное, [illegible]

павшими, утонувшими въ темной синевѣ глазами. Онъ былъ разбитъ, подавленъ всѣмъ тѣломъ, что случилось съ нимъ ночью. Эти первыя въ его жизни ласки женщины, которую онъ еще не любилъ, которой почти не зналъ—потрясли его, вызвавъ въ немъ только стыдъ, отвращеніе къ себѣ и къ ней, къ своему и ея тѣлу...

Ренати внушала ему страхъ своимъ блѣднымъ, снова искаженнымъ страстью лицомъ, своимъ горячимъ, крѣпко пахнущимъ духами и женщиной, тѣломъ. Онъ безсильно отстранялъ отъ себя ея грудь, прижимавшуюся къ нему, мѣшавшую ему дышать, безпомощно отворачивалъ лицо отъ ея жарко дышащаго рта. Онъ стоналъ, задыхаясь:

— Оставь... Не надо... Уйди!..

И отталкивая ее отъ себя, уже прислушивался къ начинавшей звучать въ немъ огненной пѣснѣ, къ занимавшемуся въ его тѣлѣ горячему звону крови...

Ренати осыпала его сумасшедшими поцѣлуями, въ изступленномъ полузабвеніи повторяя:

— Мой! Мой! Мой!..

Она бросилась къ окнамъ, въ которыя заглядывало уже склонившееся къ западу солнце, быстро опустила шторы и вернулась къ нему...

* * *

По ночамъ Каншинъ не могъ больше спать, ждалъ ея возвращенія изъ шантана, дрожа и пугливо вздрагивая каждый разъ, какъ въ коридорѣ раздавались шаги. Онъ весь былъ налитъ лихорадочной дрожью, страхомъ, тоской. Ренати какъ-будто загипнотизировала его и держала въ этомъ гипнозѣ даже въ своемъ отсутствіи, на разстояніи...

Она возвращалась поздно ночью, одна, дрожащая и нетерпѣливая и тотчасъ же врывалась въ его комнату и увлекала его къ себѣ... Каншину казалось, что онъ сходитъ съ ума. Онъ отталкивалъ ее,—и самъ тянулся къ ней, какъ тянется цвѣтокъ къ сжигающему его лепестки солнцу. Она пугала его, эта странная и страшная въ своей любовной

изобрѣтательности женщина, придававшая каждому поцѣлую новый оттѣнокъ, вливавшая въ каждое объятіе какой-нибудь новый ядъ...

Ея пляски, къ которымъ она прибѣгала въ минуты его утомленія и охлажденія, никогда не походили одна на другую, каждый разъ выливаясь въ новыя формы, окрашиваясь новыми тонами женскаго очарованія. Она вся казалось сотканной изъ однихъ чувственныхъ порывовъ, и ея танецъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ огненнаго вихря, въ которомъ—изъ тысячи отдѣльныхъ языковъ пламени—ни одинъ не былъ похожъ на другой и ни одинъ не повторялъ дважды своего движенія. Ея тѣло пріобрѣтало въ танцѣ мягкую, почти змѣиную гибкость, вызывавшую въ немъ изумительную, непонятную быстроту и плавность движеній; оно участвовало въ пляскѣ все, ни одинъ мускулъ не оставался безъ участія въ этомъ сумасшедшемъ праздникѣ. Только ея лицо казалось неподвижнымъ, застывшимъ въ своей мучительной искаженности страсти, съ устремленными въ одну точку безумными глазами, полураскрытымъ улыбкой ртомъ и сверкающими изъ-за красныхъ губъ зубами.

Эти пляски сводили Каншина съ ума, доводили до изступленія, подобныя пляски Саломеи съ головой Іоанна, отличающіяся отъ той лишь тѣмъ, что Ренати, танцуя, какъ бы держала въ рукахъ человѣческое сердце, а не голову, и это сердце было — Каншина... На разсвѣтѣ, оставаясь одинъ, Каншинъ плакалъ, полный тоски и жалости къ себѣ, къ своей молодой жизни, казалось, утратившей навсегда ту свѣтлую радость, которую даютъ мечты о чистой, благоговѣйной любви, теперь такъ грубо разсѣянныя плотской страстью Ренати. Ему приходило въ голову: откуда у нея эта изощренность ласкъ? Несомнѣнно, у нея было до него много любовниковъ, научившихъ ее этимъ тонкостямъ любви, причудамъ страсти, и мысль о нихъ вызывала въ немъ брезгливость къ ея тѣлу, зацѣлованному множествомъ губъ, заласканному множествомъ рукъ, на которомъ, казалось, не осталось ни одного уголка, гдѣ бы не оставили эти губы и руки сво-

ей отвратительной печати. Какъ въ эти минуты отрезвленія онъ ненавидѣлъ ее! Какъ боялся снова увидѣть ее около себя, съ ея красными губами, дѣлавшими ее похожей на вампира, высасывающаго изъ него кровь и жизнь, съ ея страшнымъ въ своей неутолимой жаждѣ ласкъ и объятій тѣломъ!..

X.

Но такъ долго продолжаться не могло. Каншинъ чувствовалъ, что погибаетъ, и въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Разъ, когда Ренати пришла къ нему и разбудила его своими поцѣлуями, онъ, не проснувшись еще какъ слѣдуетъ, но уже весь охваченный страхомъ,—оттолкнулъ ее съ такой силой, что она упала на колѣни и ударилась лицомъ о край кровати. Изъ ея разсѣченной губы потекла на подбородокъ тонкая струйка крови...

Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ и испугомъ, не зная, какъ принять это—за шутку или въ серьезъ. Она имѣла жалкій видъ—съ упавшими на плечи волосами, раскрытой грудью, раненой губой и этой алой струйкой крови на подбородкѣ. Каншинъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее.

— Вытри... вытри кровь!..—испуганно сказалъ онъ:— Я не хотѣлъ... Я нечаянно...

Тогда Ренати вдругъ улыбнулась, и ея лицо снова жутко озарилось любовью. И эта улыбка съ обнаженными зубами надъ окровавленной губой, это выраженіе страсти, были ужасны, отвратительны. Она протянула руки и вся потянулась къ нему, а онъ невольно отодвигался къ стѣнѣ, повторяя въ страхѣ:

— Кровь... Вытри кровь!..

— Не надо!—сказала Ренати, продолжая улыбаться своей кривой, сумасшедшей улыбкой: — Поцѣлуй!.. Пусть такъ — съ кровью!...

Она вся дрожала и хватала его руками, стараясь притянуть къ себѣ.

Каншинъ не могъ больше противиться...

Онъ смутно видѣлъ, какъ дверь внезапно открылась и на порогѣ появился Сеня Линъ. Сквозь опущенныя шторы пробивалось послѣполуденное солнце, и комната была наполнена золотистымъ полумракомъ, въ которомъ Линъ, должно быть, не сразу разсмотрѣлъ Канщина и Ренати. Каншинъ сдѣлалъ порывистое движеніе, стараясь высвободиться изъ объятій Ренати, но силы оставили его, и онъ только безпомощно, большими отъ страха и тоски глазами смотрѣлъ на Сеню, не понимая, дѣйствительно ли онъ видитъ его, или это ему только кажется...

Сеня щурилъ глаза, не рѣшаясь войти, и вдругъ испуганно, сконфузившись, попятился назадъ, въ коридоръ и тихо прикрылъ дверь...

Ренати ничего не слыхала и не видѣла. У Каншина же появленіе Сени скользнуло какъ-то по поверхности сознаніе,не затронувъ его, оставшись въ памяти только смутнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ, похожимъ нагаллюцинацію или сонъ...

Уходя, Ренати нѣжно ласкалась къ нему, спрашивая:

— Любишь меня?.. Любишь?..

Каншинъ молчалъ...

* * *

Онъ сидѣлъ у окна одинъ. Ренати давно ушла въ шантанъ....

Лиловыя сумерки спускались въ улицу, затушевывая дома, многооконныя громады которыхъ уже начинали принимать свой мрачный ночной видъ. Но воздухъ былъ еще душенъ, почти горячъ, рѣзко ощущалась идущая снизу теплота, отдаваемая стѣнами домовъ и камнями мостовой...

Когда Ренати, уже въ пальто и въ шляпѣ, пришла къ нему проститься, онъ ей сказалъ:

— Это нужно кончить... Я больше не могу...

Она засмѣялась, обративъ его слова въ шутку, и бросилась его цѣловать. А потомъ сказала:

— Ты совсѣмъ ребенокъ и ничего въ такихъ дѣлахъ не понимаешь!..

И она не захотѣла дальше его слушать и ушла. Но оставшись одинъ, онъ вдругъ ощутилъ въ себѣ приливъ силъ, рѣшимость и твердо сказалъ себѣ: да, это нужно кончить!..

И это рѣшеніе наполнило его чувствомъ глубокаго отдыха...

Это было въ первый разъ со дня его сближенія съ Ренати, что онъ не томился страхомъ ожиданія ея, ощущая какую-то сладкую тишину и покой, подобные тишинѣ и покою вечерняго неба, искрившагося первыми, еще блѣдными звѣздами. Казалось, онъ сразу и внезапно освободился отъ ея гипноза, словно съ него спали какіе-то путы. Всю эту недѣлю онъ какъ-будто былъ боленъ какой-то тяжелой болѣзнью, полной бредовыхъ ощущеній и кошмарныхъ представленій и теперь наступилъ кризисъ, поворотъ къ выздоровленію. Онъ вдругъ почувствовалъ себя внѣ Ренати, самимъ собой, существующимъ отдѣльно отъ ея существа, внѣ ея чувствъ, которыя она заставляла и его переживать вмѣстѣ съ ней...

Въ окнахъ противоположнаго дома попрежнему было темно и оттуда неслись звуки рояля. Тамъ, какъ всегда—сумерничала въ темной комнатѣ молодежь, кто-то пѣлъ, слышался женскій смѣхъ, звучали голоса... „Вѣроятно, и Лида тамъ!"—подумалъ Каншинъ, и въ нёмъ шевельнулась какая-то тихая нѣжность къ вставшему передъ его глазами образу чистой, нетронутой жизнью юности молодой дѣвушки...

Въ дверь кто-то тихо постучался. Каншинъ вздрогнулъ: „Ренати!" Онъ съ тоской, безпомощно посмотрѣлъ вокругъ себя. Почему сегодня она пришла такъ рано?..

Стукъ повторился, и кто-то тихо спросилъ за дверью:

— Можно?..

Это былъ голосъ не Ренати, но тоже женскій и какъ-будто знакомый Каншину. Онъ не могъ сразу вспомнить—чей. Открылъ дверь и увидѣлъ—Лиду. Онъ узналъ ее не сразу. Она была въ свѣтломъ платьѣ, безъ пальто, въ наброшенномъ наскоро на голову платочкѣ, въ которомъ ея нѣжно-округленное лицо выглядѣло совсѣмъ дѣтскимъ...

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, вс[illegible] ручку двери, какъ-будто не рѣшаясь впуст[illegible] къ себѣ въ комнату. Она тихо засмѣялась [illegible] ему руку.

— Не узнали?..

Лида переступила порогъ и сказала, улыбаясь его растерянности:

— Я увидѣла изъ окна, что вы сидите одинъ и скучаете. Хотите пойти со мной туда?—она кивнула на окна противоположнаго дома...

Знаетъ ли она что-нибудь о его связи съ Ренати? Сеня могъ ей разсказать о томъ, что видѣлъ сегодня у него въ комнатѣ!..

Каншинъ мучительно думалъ объ этомъ, вглядываясь въ ея лицо и прислушиваясь къ ея голосу. Можно было подумать, что она все знала—такъ тревожно она смотрѣла въ его осунувшееся, темное лицо. Она тихо сказала:

— Вы плохо глядите... Что съ вами?..

Каншинъ отвернулся въ смущеніи.

— Мало сплю...—сказалъ онъ и усмѣхнулся тому, что хотѣлъ солгать, а сказалъ правду, утаивъ только причину своихъ безсонныхъ ночей.

Но ему показалось, что Лида знаетъ эту причину: ея лицо слабо порозовѣло, и теперь—уже она смущенно потупилась. Не поднимая глазъ, она съ упрекомъ сказала:

— Отчего вы къ намъ не приходите?...

— Занятъ былъ...—онъ опять усмѣхнулся тому, что и эта ложь была въ то же время и правдой: развѣ онъ не былъ занятъ Ренати и ея любовью?..

— А теперь?—снова спросила дѣвушка, поднявъ на него свои чистые глаза, въ которыхъ вдругъ замелькало безпокойство:—Вы свободны?..

Похоже было на то, что она спрашивала име[illegible] связи съ Ренати и только не хотѣла называть [illegible] Каншинъ отвѣтилъ утвердительно:

—Да, теперь я—вольная птица...

— И будете приходить къ намъ?..

— Буду...

Дѣвушка застѣнчиво отвернулась, посмотрѣла по сторонамъ, словно собираясь съ силами, чтобы спросить еще о чемъ-то очень важномъ — и вдругъ густо покраснѣла. Каншинъ взглянулъ въ ту сторону, куда она смотрѣла—и его лицо тоже залила горячая краска стыда. На стулѣ около алькова лежала красная блузка Ренати...

— Пойдемте же...—сказала Лида, отводя глаза, чтобы не встрѣтиться съ нимъ взглядомъ:—Насъ ждутъ...

Каншинъ колебался: какъ пойти къ незнакомымъ людямъ что онъ будетъ тамъ дѣлать?.. Но вспомнивъ о Ренати, которая должна была скоро вернуться изъ шантана, онъ рѣшительно сказалъ:

— Хорошо, я пойду!..

Свѣтъ, проникавшій съ улицы отъ фонаря черезъ занавѣси, смягчалъ мракъ, но все же Каншину трудно было что-нибудь разглядѣть въ этой большой, темной комнатѣ, куда вела его Лида. Чувствовалось только по нѣкоторымъ, едва уловимымъ штрихамъ, что это была богатая гостиная большой барской квартиры. Поблескивали хрусталь и бронза люстры и канделябръ, свѣтились золотые багеты картинъ и бѣлыя стекла зеркалъ, на полу, подъ ногами чувствовалась мягкость пушистыхъ ковровъ и въ промежуткахъ между ними блестѣлъ скользкій, вылощенный паркетъ, руки скользили по атласу и бархату мягкой мебели и въ воздухѣ вѣяло какимъ-то особеннымъ ароматомъ свѣжести и чистоты, свойственнымъ только большимъ, тщательно убираемымъ, комнатамъ барскихъ помѣщеній...

Гдѣ то въ отдаленномъ углу, въ темнотѣ слышались голоса, кто-то перебиралъ пальцами клавиши рояля, кто-то тихо напѣвалъ... Къ Каншину подходили, жали ему руку, и

онъ не видѣлъ лицъ, а только по рукѣ угадывалъ женщин и мужчинъ. Потомъ Лида усадила его и тихо сказала:

— Я сейчасъ приду...

И нырнула въ темноту...

У рояля слышалось какое-то движеніе, о чемъ-то шепта лись, какъ будто спорили; потомъ кто-то сильно ударилъ п клавишамъ рояля, прошелся по всей клавіатурѣ—и всѣ за тихли. И полилась тихая, задумчивая и грустная мелоді прелюдіи, къ которой скоро присоединился чистый, молодо женскій голосъ:

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было...

Лида куда-то исчезла, словно растаяла въ этомъ теплом полумракѣ гостиной: остальные тоже притаились по разным угламъ, никого не было ни видно, ни слышно, точно здѣс никого и не было, кромѣ Каншина, и тѣхъ, кто игралъ пѣлъ. Нѣжная мелодія романса и полные трогательнаго лю бовнаго лиризма стихи звучали какъ-то одиноко и безра достно, гулко разносясь по большой залѣ, грустно замира въ отдаленныхъ, темныхъ углахъ.

Это было какое-то тихое, сладкое и вмѣстѣ печально воспоминаніе, печальное потому, что это „было“, осталос въ далекомъ прошломъ и больше никогда не будетъ, воспо минаніе о юности, давно минувшей о любви, давно утраченной Это была жалоба, слезы о дорогомъ, юномъ, погасшемъ вмѣстѣ съ юностью, счастьѣ.

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды...
О, жизнь! О лѣсъ! О, солнца свѣтъ!
О, юность! О, надежды!..

И дальше лилась печальная жалоба упивающагося слеза ми воспоминанія:

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый...
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было...

Каншинъ слушалъ, поникнувъ въ своемъ углу, и тяжело думалъ: Зачѣмъ Лида позвала его сюда? что заставило ее сдѣлать это? Развѣ она не знаетъ, какъ онъ низко упалъ какъ онъ грязенъ? Эта музыка—не о его юности, и не для него эта свѣтлая, чистая любовь, о которой плачетъ нѣжная мелодія...

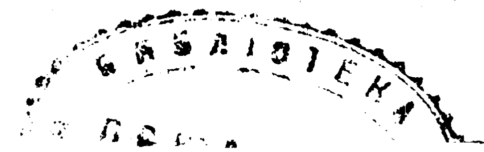
Онъ вспомнилъ о красной блузкѣ Ренати, которую увидѣла у него Лида, и кровь снова залила его лицо. Если она не знала ничего, то теперь знаетъ, что у него бываетъ женщина, которая раздѣвается въ его комнатѣ. Она даже можетъ подумать, что эта женщина была спрятана у него за занавѣской алькова, когда онъ разговаривалъ съ Лидой. Хорошо, что въ гостиной было темно и онъ могъ не видѣть ее: ему было бы трудно смотрѣть ей въ глаза!

Женскій голосъ поднимался, росъ, разливаясь по комнатѣ широкой, ясной волной весеннихъ, какъ бы освобожденныхъ отъ задумчивой дымки воспоминанія, звуковъ,—точно это было уже не воспоминаніе, а сама, воскрешенная силой глубокаго чувства, юность, одаренная, по неисповѣдимой милости Бога, любовью. И теперь мелодія звучала уже не жалобой и грустью сожалѣнія о прошломъ счастьѣ, а восторженной радостью и торжествомъ празднующей любовь юности:

То было въ утро нашихъ лѣтъ,—
О, счастье! О, слезы!
О, жизнь! О, лѣсъ! О, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!..

И такой нѣжной чистотой первой, молодой любви вѣяло отъ этихъ строкъ и сопровождавшихъ ихъ звуковъ, слитыхъ съ ними въ единомъ чувствѣ очарованія лѣса, жизни, солнца, молодой дѣвушки и благодарности за несказанное счастье—жить, видѣть, дышать, любить!.. Каншинъ долго прислушивался къ умиравшимъ въ воздухѣ звукамъ, такимъ знакомымъ и близкимъ, напоминавшимъ ему его томленіе въ маленькомъ городкѣ и мечты именно о такой—чистой, немного пе-

чальной, благоговѣйной любви, отъ которой можно было сладко плакать...

Къ нему кто-то подошелъ и сѣлъ рядомъ. На Канши[illegible] пахнуло той особенной свѣжестью, присущей только чисты[illegible] молодымъ дѣвушкамъ. Это была Лида. Она спросила, бли[illegible] наклоняясь къ нему лицомъ, такъ что онъ почувствова[illegible] запахъ ея волосъ и слегка припудренныхъ отъ жары щекъ:

— Нравится?..

Каншинъ взволнованно сказалъ:

— Я не знаю—можетъ ли быть что-нибудь лучше!..

— Это я пѣла...—просто сказала Лида:—Хотите, я сп[illegible] еще?..

Она поднялась и снова скрылась въ темнотѣ. И чере[illegible] минуту опять раздались аккорды рояля и тотъ же женск[illegible] голосъ запѣлъ:

> Мой голосъ для тебя и ласковый и томный,
> Тревожитъ позднее молчанье ночи темной...

Но теперь Каншинъ уже не слушалъ ее. Его внима[illegible] привлекъ вдругъ замигавшій черезъ улицу въ [illegible] комнаты свѣтъ. Уходя оттуда съ Лидой, онъ потуши[illegible] лампу; кто же снова зажегъ ее?..

Вдругъ онъ увидѣлъ въ окнѣ Ренати, она была въ паль[illegible] и шляпѣ. Она только что вернулась изъ шантана и, вид[illegible]мо, была въ большомъ недоумѣніи, что не застала его. О[illegible] перегнулась изъ окна и посмотрѣла въ обѣ стороны улиц[illegible] какъ-будто все еще не вѣрила, что его нѣтъ и думала—[illegible]ходятъ ли онъ здѣсь гдѣ-нибудь около дома. Потомъ о[illegible] откинулась назадъ и долго стояла въ растерянной задумч[illegible]вости, соображая—что ей дѣлать... Вдругъ она метнула[illegible] внутрь комнаты и исчезла. Каншинъ услыхалъ, какъ хлоп[illegible]ла гдѣ-то въ домѣ дверь...

Черезъ нѣсколько минутъ она появилась въ парадно[illegible] двери. Она снова посмотрѣла въ обѣ стороны улицы, р[illegible]шительно подобрала платье и пошла быстрыми, неровным[illegible] заплетающимися шагами. Достигнувъ угла, она остановила[illegible]

я стала смотрѣть во всѣ стороны—не идетъ ли онъ ей на встрѣчу откуда-нибудь?..

Дальше она не пошла и вернулась медленной, разслабленной походкой, словно внезапно лишилась силъ. У парадной двери постояла, поглядѣла направо и налѣво, растерянно покачала головой и вошла въ домъ...

Каншинъ зналъ—она на этомъ не успокоится. Она, вѣроятно, не ляжетъ спать, будетъ ждать его и придетъ къ нему, какъ бы поздно онъ ни вернулся. И какъ-будто въ подтвержденіе этой мысли—онъ увидѣлъ—Ренати снова вошла въ его комнату, уже безъ шляпы и пальто, сѣла у окна и, облокотившись на подоконникъ, приняла позу терпѣливаго ожиданія...

Въ гостиной лампы такъ и не зажигали. Лида нѣсколько разъ подходила къ Каншину, перебрасывалась съ нимъ двумя-тремя словами и снова исчезала, ныряя въ темноту гостиной. Каншинъ тоскливо сжимался, когда она уходила отъ него, испытывая глубокое одиночество, и радостно оживалъ, заслышавъ около себя шорохъ ея платья. Она казалась ему родственно близкой, почти какъ сестра; онъ чувствовалъ какую-то нѣжную теплоту въ ея отношеніи къ нему...

Еще долго пѣли и играли, но Каншинъ не слушалъ, занятый своей тревогой, которую возбудила въ немъ Ренати, не покидавшая своего мѣста у окна въ его комнатѣ. Она упорно ожидала его, и Каншинъ съ тоской и страхомъ думалъ о необходимости рано или поздно вернуться домой и встрѣтиться съ ней. И онъ уже зналъ, что это будетъ послѣдняя встрѣча...

Только въ передней, уходя со всѣми, Каншинъ разсмотрѣлъ лица Лидиной подруги и ея гостей. Отецъ Марины, или какъ ее называла Лида—Рины былъ богатый хлѣботорговецъ Акулай, молдованинъ, которому и принадлежалъ этотъ домъ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ, едва лишь зналъ грамоту и въ гостиной, среди гостей своей дочери никогда не показывался. Сама же Рина была маленькая, нѣжная, золотоволосая блондинка, съ розовымъ лицомъ и свѣтлыми

глазами, которые какъ-будто лучились, какъ маленькія голубыя солнца, благодаря окружавшимъ ихъ длиннымъ стрѣлкамъ золотистыхъ рѣсницъ. У нея была какая-то особенная улыбка, которой ея лицо освѣщалось часто, каждый разъ, какъ только кто-нибудь къ ней обращался или смотрѣлъ на нее,—какая-то интимно-откровенная улыбка, открывавшая не только ея мелкіе, ровные, бѣлые зубы, но, казалось, и ея душу тому, кому она улыбалась. Отъ нея вѣяло такой же чистотой, какъ и отъ Лиды, только яркія, немного рѣзко очерченныя губы придавали ея лицу чувственный характеръ... Она просила Каншина бывать у нихъ почаще, если ему не показалось скучно...

Въ числѣ гостей, къ своему удивленію, Каншинъ увидѣлъ экспортера Гилиса. Грекъ также удивился и коротко сказалъ:

— А! Это вы!—и отвернулся отъ него, презрительно шевельнувъ своими черными, торчащими кверху усами...

Двѣ дѣвушки—Роза и Геня, обѣ брюнетки, почти одного роста и сложенія, живыя, подвижныя, играющія глазами, полныя неудержимаго стремленія къ флирту, кокетничали со студентами— Дерновымъ и нѣмцемъ Фликке, затянутыми въ мундиры, изъ-подъ которыхъ торчала шпага; у нихъ были такіе же, какъ и у экспортера, загнутые кверху усы, и они по-офицерски выпячивали грудь и щелкали каблуками. Глядя на нихъ и на обѣихъ дѣвушекъ, Каншинъ невольно подумалъ о томъ, что въ темной гостиной они едва ли ограничивались однимъ флиртомъ на словахъ...

А около Рины увивался Виневичъ, молодой человѣкъ въ смокингѣ, англійскаго склада, съ узкимъ, блѣднымъ лицомъ выродженца и ровнымъ проборомъ посреди головы. Онъ смотрѣлъ на Рину влюбленными глазами и, казалось, каждую минуту, тутъ же, при всѣхъ, былъ готовъ упасть къ ея ногамъ и цѣловать край ея платья. Рина же, какъ-будто стараясь сдержать его порывъ, была съ нимъ серьезна, немного холодна, и въ ея улыбкѣ, обращенной къ нему, не было той интимной открытости, съ какой она улыбалась, обык-

новенно, всѣмъ. Ее, повидимому, отталкивалъ отъ него его масляный взглядъ, которымъ онъ точно ощупывалъ все ея тѣло, а можетъ быть, и его изможденный видъ, потасканное лицо и рано начавшая лысѣть голова, говорившіе о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ въ кутежахъ и развратѣ...

Каншинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Рину и Лиду, вращавшихся въ такомъ неподходящемъ для нихъ обществѣ. И еще болѣе удивительнымъ было то, что обѣ дѣвушки ничего не восприняли отъ этого общества, не подпали подъ его вліяніе, какъ-будто замкнулись въ своей чистотѣ, огородились своей невинностью. Онѣ были со всѣми одинаково милы и любезны, но въ ихъ отношеніи къ своимъ знакомымъ проглядывалъ, можетъ быть, противъ ихъ воли, легкій холодокъ ихъ чистоты, выдѣлявшій ихъ, заставлявшій и студентовъ, и Гилиса, и Виневича относиться къ нимъ, какъ къ дѣтямъ, которымъ далеко не все еще можно говорить...

Когда вышли на улицу—Каншинъ замѣтилъ, что Ренати, все еще сидѣвшая въ его комнатѣ, встала, высунулась въ окно и долго всматривалась, провожая ихъ глазами. Онъ невольно втянулъ голову въ плечи, словно стараясь спрятаться, уменьшиться, стать незамѣтнымъ, чтобы она его не узнала. Онъ смущенно отвернулся отъ Лиды, которая посмотрѣла на Ренати и потомъ перевела на него вопросительно-недоумѣвающіе глаза...

Гилисъ взглянулъ въ ту же сторону и, узнавъ Ренати, вскинулъ на носъ пенснэ, чтобы лучше разглядѣть; потомъ онъ, такъ же какъ и Лида, перевелъ глаза на Каншина.

— Кажется, это ваши окни освѣщены?—язвительно спросилъ онъ, сдернувъ пенснэ и крутя его на шнуркѣ кругомъ пальца.

У Каншина нестерпимо горѣло лицо. Онъ низко нагнулъ голову и ничего не отвѣтилъ...

На углу остановились, стали прощаться. Гилисъ, задержавъ руку Лиды, хмуро сказалъ:

— Я васъ провожу.

— Меня провожаетъ господинъ Каншинъ,—холодно проговорила Лида:—онъ предложилъ раньше...

Каншинъ не говорилъ съ ней объ этомъ и удивленно посмотрѣлъ на нее. Она улыбнулась однимъ уголкомъ рта, словно хотѣла сказать: такъ мнѣ нужно...

Экспортеръ бросилъ на Каншина мрачный взглядъ, грозно топорща усы. Его лицо выражало презрительное недоумѣніе. Похоже было на то, что этотъ молокососъ какъ-будто задался цѣлью всюду становиться ему поперекъ дороги!.. Онъ сказалъ съ кривой усмѣшкой:

— Господина Каншина, кажется, ждутъ!..

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на Каншина, у котораго лицо загорѣлось еще ярче. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ замѣчанія Гилиса, отвѣчая только Лидѣ на ея безмолвный вопросъ:

— Да, я могу проводить васъ...

Гилисъ пожалъ плечами, но не сказалъ больше ни слова, точно считая для себя униженіемъ соперничать съ какимъ-то Каншинымъ. Оставивъ руку дѣвушки, онъ съ небрежной снисходительностью протянулъ ему два пальца...

Оставшись вдвоемъ съ Каншинымъ, Лида сказала, низко опустивъ голову:

— У него въ конторѣ служилъ отецъ и теперь служитъ Сеня, вотъ онъ и думаетъ, что мы должны молиться на него...

Она еще хотѣла что-то сказать, но запнулась, словно не рѣшаясь продолжать. Потомъ вдругъ подняла на него глаза и улыбнулась откровенной, довѣрчивой улыбкой, какъ-будто говорившей: ты—свой, тебѣ можно сказать. И она просто проговорила:

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... мѣсяцъ тому назадъ...

У Каншина вырвалось испуганно:

— Онъ? Вамъ?..

Лида покачала головой.

— Я ему отказала... Онъ ужасно противный и потомъ... постоянно съ такими женщинами...

Она снова запнулась, и Каншинъ понялъ—почему. Она смутилась, потому что такой же брезгливости заслуживалъ и онъ, Каншинъ. Вѣдь, она видѣла у него красную блузку Ренати!.. Какъ-будто оправдываясь, она прибавила, потупившись:

— Я чувствую, что онъ и на меня смотритъ такъ же, какъ и на тѣхъ женщинъ...

Она сконфуженно улыбнулась, смущенная своей откровенностью и затихла... Каншинъ тревожно прислушивался къ ея молчанію, которымъ, казалось, она осуждала, вмѣстѣ съ Гилисомъ, и его. Онъ искоса посмотрѣлъ на ея лицо; оно было завѣяно тѣнью тихой, грустной задумчивости...

Остановившись у своихъ воротъ, Лида вдругъ подняла на него глаза—такіе выразительные, говорящіе, что Каншинъ невольно опустилъ голову, какъ-будто она уличила его въ чемъ-то постыдномъ, и онъ сразу сознался, не пытаясь даже оправдываться. Между ними произошелъ какой-то тайный разговоръ, въ которомъ ни она, ни онъ не могли отдать себѣ отчета, но оба почувствовали, что сказано что-то важное, онъ что-то обѣщалъ ей, и она что-то простила ему...

XII.

Возвращаясь домой, онъ еще издали увидѣлъ, что Ренати уже не сидѣла въ окнѣ его комнаты. Онъ облегченно вздохнулъ: она, повидимому, ушла спать!.. Видѣла ли она его съ Лидой?..

Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что непріятное объясненіе можно было оттянуть до завтра. Какъ бы только она не услыхала, что онъ вернулся!.. И онъ осторожно поднимался по лѣстницѣ, стараясь ступать легко, чтобы не слышно было его шаговъ. Безшумно крадучись, онъ пробрался къ своей комнатѣ и уже хотѣлъ открыть ее, какъ вдругъ ему показалось, что за дверью что-то пошевелилось. Онъ замеръ, долго стоялъ и слушалъ. Но ничего не было слышно. Онъ тихо открылъ дверь и вошелъ въ комнату...

Когда онъ съ улицы смотрѣлъ на свое окно—оно было освѣщено лампой,—теперь же въ комнатѣ было совершенно темно. Онъ сдѣлалъ два шага и наткнулся на какой-то большой, мягкій предметъ, который вдругъ зашевелился у его ногъ. И въ эту минуту онъ услыхалъ тихія всхлипыванья, похожія на плачъ маленькаго, обиженнаго ребенка... Онъ спросилъ пресѣкшимся отъ волненія голосомъ:

— Ренати?.. Ты?..

Она обвила руками его ноги и прижалась къ нимъ лицомъ. Онъ услыхалъ шопотъ, сопровождаемый глубокими, прерывистыми вздохами:

— Ты больше не любишь меня?.. Ты бросаешь меня?.. Ты уходишь куда-то и оставляешь меня одну биться здѣсь головой о полъ!.. Это я потушила лампу и легла на полъ, чтобы обнять твои ноги, когда ты наступишь на меня!.. О, я такъ тебя люблю!..

Каншинъ старался отнять отъ своихъ ногъ ея руки и поднять ее съ полу, но она упиралась и горько говорила:

— Раздави же меня ногами, если ты больше не любишь меня!..

Каншинъ смущенно повторялъ:

— Встань! Встань!..—и неожиданно для себя прибавилъ:— Намъ нужно объясниться... поговорить...

Ренати сразу поднялась, словно ее что-то подбросило кверху. Онъ, даже въ полумракѣ комнаты, освѣщенной только съ улицы фонаремъ, увидѣлъ блескъ ея внезапно загорѣвшихся глазъ. Она вся изогнулась, какъ кошка, собирающаяся сдѣлать прыжокъ, и задыхающимся шопотомъ сказала:

— Ты хочешь объясняться?.. Уже?... Такъ скоро?.. Ты... ты мальчишка!..

И тутъ, въ гнѣвѣ, какъ и въ страсти, тотчасъ же сказалась ея кипучая натура южанки, не умѣвшей сдерживать своихъ мгновенныхъ взрывовъ. Она рѣзко отклонилась назадъ и съ неожиданной для женщины силой ударила его рукой по лицу...

Нѣсколько секундъ они стояли другъ противъ друга, пора-

... тѣмъ, что случилось. Потомъ Каншинъ молча ото... къ окну, ... вая жгучій стыдъ, тяжелую тоску... Ренати тоже ... какъ-будто пристыженная его покорностью, съ ка... принялъ пощечину. Онъ чувствовалъ, что она смотр... го удивленно и испуганно...

Вдругъ та... мнотѣ, гдѣ она осталась, послышались тихія рыданія. Каншинъ не двинулся съ мѣста и только опустилъ голову, съ мученіемъ прислушиваясь къ ея всхлипываньямъ и вздохамъ...

Ренати плача заговорила:

— Я знала, что это случится... Только я не думала, что такъ мало ты будешь любить меня... Почему ты меня не ... больше?.. Я тебѣ надоыла? Стала противна?..

... ожидая его отвѣта. Каншинъ тихо сказалъ.

... Я не виноватъ...

... —гнѣвно, со слезами въ голосѣ вскричала ...! Ты нашелъ другую!.. Помоложе! Почище!..

Она сд... нему нѣсколько шаговъ и снова вся изогнулась, ка... шка... Голосъ у нея совсѣмъ упалъ, она говорила хри... потомъ:

— Дѣву... ось? Чистоты? Невинности?... А меня — прочь? Какъ ... пку?..

— Я не з... это было...—чуть слышно, какъ-будто самому себѣ, с... Каншинъ:—Ты меня захватила, закружила, я не успѣлъ о...иться...

Ренати выпрями... и откинула назадъ голову.

— Это было то, ч... хотѣла: чтобы ты былъ моимъ! И ты былъ моимъ!..—... она, топнувъ ногой:—Что Ренати захочетъ, то и ...тъ!.. Теперь можешь мнѣ плюнуть въ лицо и назвать ... послѣднимъ словомъ—мнѣ всѣ равно!.. Ты видѣл... я женщина—и ты самъ со мной былъ не лучше меня ... хотѣла тебя, потому что ты былъ чистый, а теперь ... же, какъ и я,—и тебѣ тоже понадобились чистыя!.. Я ... хорошо понимаю!.. Чистота привлекаетъ—тѣмъ, что ее ... загрязнить!.. Ну, что жъ, иди къ своей невинной, ... тѣмъ же ... какимъ я

-ебя напоила!.. А когда она отшв... ...какъ ты меня отшвырнулъ—ты долженъ будешь ... ко мнѣ! И тогда посмотримъ!.. Ты увидишь, ... тебѣ не найти женщины... Тогда я не буду ... ...яться у твоихъ ногъ... Тогда я скажу... тебѣ...

Спазмы схватили ей горло, ...охнулась, дернула рукой воротъ платья и разорвала ... ...нажива грудь. Она безпомощно водила руками въ возд..., раскрывъ ротъ, глядя на Каншина жалкими, какъ бы молящими о помощи глазами,—и вдругъ повалилась къ его ногамъ и ра...лась громкими рыданіями. Она захлебывалась слезами, ... свою грудь, полную бурнаго, мучительнаго клокота...

— Останься!.. Только на эту ночь!..— ... она, рыдая, обнимая и цѣлуя его ноги:—Въ послѣдній ...

Каншинъ молчалъ. Она была ему жалка и ... ...вна. Онъ отвернулся и молча кусалъ усы. У него дрожали руки...

Тогда Ренати вдругъ умолкла, поднялась и подошла ближе къ окну, гдѣ онъ стоялъ. Онъ увидѣлъ ея лицо, искаженное, обезображенное гнѣвомъ, съ судорожно искривленными губами и неподвижными, безумными глазами. Она сказала совсѣмъ тихо, хрипящимъ шопотомъ:

— Не хочешь? Брезгаешь мной?.. Такъ вотъ-же тебѣ!..

Она раскрыла ротъ, шумно втянула въ себя воздухъ—и плюнула ему въ лицо...

Это было такъ грубо, вульгарно, безобразно. Не помня себя, Каншинъ схватилъ ее руку и въ безсильномъ гнѣвѣ трясъ изо всей силы. А Ренати, съ дикой улыбкой, похожей на гримасу, со страхомъ и мученіемъ почти сладострастнаго трепета, просила, извиваясь передъ нимъ всѣмъ тѣломъ:

— Ну, ударь! ударь!.. Крѣпко! Чтобъ было больно!...

Каншинъ съ отвращеніемъ отбросилъ ее отъ себя. Она выбѣжала въ коридоръ, и онъ заперъ за ней дверь...

XIII.

Старуха Линъ, полагая, что онъ пришелъ къ ея сыну, съ сожалѣніемъ сказала:

— А Сени нѣтъ дома... Онъ рано уходитъ...

Каншинъ держалъ въ рукахъ шляпу и не зналъ, что съ ней дѣлать. Ему нужно было видѣть Лиду, а не Сеню; онъ пришелъ только для нея...

Старуха какъ-будто догадалась, спохватилась:

— Вы не уходите. Сейчасъ выйдетъ Лида. Она уже встала и умывается...

Она предложила ему стаканъ чаю. Возясь у самовара, она качала своей бѣлой головой и нараспѣвъ говорила, съ легкой грустью въ голосѣ:

—Добрая была женщина ваша мама. Она помогала намъ чѣмъ только могла... И отецъ вашъ тоже былъ прекрасный человѣкъ. Онъ часто игралъ съ Лидой въ кости и нарочно проигрывалъ, чтобы дать ей мелочь на сласти... Что бы они сказали, если бы увидѣли, что вы съ Лидой теперь встрѣтились!

Она сѣла и задумчиво облокотилась о столъ, подперевъ по-старушечьи щеку рукой, и продолжала качать головой, погрузившись въ свои воспоминанія...

Каншинъ помѣшивалъ ложечкой въ стаканѣ и тихо улыбался, испытывая какой-то глубокій покой, необыкновенно сладкую тишину во всемъ своемъ существѣ. Ему было пріятно, что эта милая, старая женщина такъ хорошо вспомнила его отца и мать, о которыхъ онъ хранилъ самую нѣжную память, что она, въ воспоминаніи о нихъ, невзначай соединила его и Лиду, какъ онъ былъ соединенъ съ ней въ дѣтствѣ...

Тихо шумѣлъ на столѣ самоваръ; въ сосѣдней комнатѣ, за неплотно закрытой дверью слышался плескъ воды въ умывальникѣ и потомъ—легкіе шаги одѣвавшейся тамъ дѣвушки. Эти звуки какъ-то углубляли тишину, овладѣвшую Каншинымъ, сгущали ея сладость, и ему невольно приходило въ голову: какъ хорошо, что онъ порвалъ съ Ренати!..

Старуха вдругъ встрепенулась, и лицо ея приняло озабоченное выраженіе. Она сказала, какъ-будто разговаривая сама съ собой:

— Сеня вернулся въ три часа ночи... И гдѣ онъ только пропадаетъ такъ поздно!..

Она внимательно, немного подозрительно посмотрѣла на Каншина и такъ же, про себя, продолжала:

— Бѣда мнѣ съ нимъ!.. Каждую ночь, каждую ночь!.. И спать-то ему нѣтъ времени!..

Потомъ она заговорила шопотомъ, словно повѣряя ему секретъ большой важности:

— Мнѣ передавали, что онъ ходитъ въ шантанъ, увлекается какой-то пѣвицей... Ренати, что ли, называется. Есть тамъ такая?..

Каншинъ опустилъ глаза въ свой стаканъ и тихо сказалъ:

— Не знаю...

— Боюсь я за него...—разговорилась старуха:—Хочу я васъ попросить—поговорили бы вы съ нимъ, онъ васъ послушаетъ, можетъ, образумится... Совсѣмъ мальчикъ извелся, на себя сталъ непохожъ...

Вышла Лида—вся въ черномъ, съ бѣлымъ воротничкомъ и манжетами на рукавахъ, изъ которыхъ нѣжно выглядывали ея маленькія, еще розовыя отъ умыванья руки. Отъ нея пахло свѣжестью воды, душистымъ мыломъ, полотенцемъ, и сквозь эти запахи едва пробивалось теплое дыханье ея молодого тѣла, только что покинувшаго постель. И въ глазахъ ея какъ-будто еще стояла легкая, прозрачная мгла сновидѣній, словно она не совсѣмъ еще проснулась и, здороваясь съ Каншинымъ, старалась досмотрѣть свой послѣдній, утренній сонъ...

— Вамъ тутъ мама жаловалась на Сеню, я слыхала!—сказала дѣвушка, наливая себѣ чай, низко потупившись:—И, правда, онъ ведетъ себя очень плохо...

Придвинувъ къ себѣ чашку, она сѣла и, поднявъ на Каншина глаза съ тѣмъ же выраженіемъ тайнаго, безмолвнаго разговора, какой они вели вчера вечеромъ у воротъ, сказала,

— Но я думаю, что въ этомъ ничего серьезнаго нѣтъ...

Она при этомъ значительно посмотрѣла на него, и Каншинъ понялъ ее. Она снимала съ него этими словами тя-

жесть, разсѣивала его мучительное сознаніе нечистоты и низкаго паденія. Она какъ-будто хотѣла этимъ сказать, что и его связь съ Ренати нельзя считать дѣломъ серьезнымъ, а его самого—погибшимъ...

Лида торопливо допила свой чай, ушла въ спальню и черезъ нѣсколько минутъ вернулась уже въ шляпѣ, натягивая на руки черныя, ажурныя перчатки. Каншинъ вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ ее уже въ этой большой, желтой шляпѣ съ вѣнкомъ изъ мелкихъ розъ на поляхъ.

— Я встрѣтилъ васъ на улицѣ, когда въ первый разъ шелъ въ контору!—радостно сказалъ онъ:—Тогда было такое чудесное утро!..

И ему припомнилась та радость ощущенія жизни, какую вызывали въ немъ тогда небо, свѣжій, пахнущій моремъ воздухъ, солнечный блескъ и эта ангелоподобная дѣвушка, съ лучившимся отъ ясности и чистоты взглядомъ. И та встрѣча съ ней, когда ни онъ, ни она еще не знали другъ друга, представилась ему теперь какимъ-то таинственнымъ предзнаменованіемъ, словно онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ только для того, чтобы найти ее здѣсь. Мысль объ этомъ наполнила его радостнымъ и вмѣстѣ тревожнымъ волненіемъ...

И вотъ—опять было солнечное утро, и въ воздухѣ рѣзко пахло моремъ, и эта дѣвушка, которая тогда только кивнула ему головой, какъ незнакомому человѣку, поблагодаривъ за то, что онъ уступилъ ей дорогу—теперь шла рядомъ съ нимъ, и ему казалось, что онъ никогда съ ней не разставался, и она была ему близка какъ сестра, а можетъ быть—и больше, чѣмъ сестра...

По пути Лида разсказывала ему себѣ, о тѣхъ своихъ годахъ, которые провела вдали отъ него, почему-то торопилась открыть ему себя, показать, что дали ей эти годы и что они сдѣлали изъ нея... Это были мелкіе факты, незначительныя событія, которыми всегда такъ полна дѣтская жизнь, которые сами по себѣ какъ-будто не представляютъ ничего интереснаго и значительнаго, но изъ того или иного сочетанія которыхъ создается извѣстное вліяніе на характеръ

ребенка и отрока, какъ бы орошеніе почвы, [illegible] выростаетъ человѣкъ. Изъ мелочей складывается [illegible] ленное отношеніе ребенка къ жизни, которое и [illegible] навсегда ядромъ его міропониманія...

И образъ Лиды вырисовывался передъ Каншинымъ во [illegible] яснѣй, до самой глубины ея души, гдѣ было свѣтло, чисто, спокойно, гдѣ, казалось, не было ни одного тайнаго уголк[illegible] который ей нужно было бы, изъ стыда или страха, прята[illegible] отъ него...

У Каншина, въ томъ маленькомъ городкѣ, откуда онъ пріѣхалъ сюда, было много знакомыхъ дѣвушекъ, нѣкоторы[illegible] изъ нихъ ему нравились, онъ даже мечталъ о нихъ,—но онѣ оставались для него чужими, онъ боялся подойти къ нимъ близко, потому что онѣ стояли передъ нимъ, какъ глух[illegible] дверь, за которую нельзя было проникнуть взглядомъ, чтобы узнать, что за ней находится. Ему предоставлялось ходит[illegible] у этой двери, не имѣя ключа къ таинственному замку, и н[illegible] одна изъ этихъ дѣвушекъ не выказывала желанія приг[illegible] ему на помощь и хоть немножко пріоткрыть для него себ[illegible] Такъ какъ онъ не обладалъ ни смѣлостью, ни [illegible] чтобы просто перешагнуть эту преграду, какъ дѣлаютъ мно[illegible]гіе—онъ отходилъ въ сторону, говоря себѣ: Богъ съ ней, съ этой дѣвушкой! Она не хочетъ, чтобы онъ любилъ ее...

Теперь же, здѣсь, эта дверь была пріотворена дѣтск[illegible] дружбой съ Лидой, и она не захлопнула ее передъ нимъ п[illegible] встрѣчѣ черезъ много лѣтъ, а, напротивъ, сама помогала е[illegible] раскрыть ее... Онъ шелъ рядомъ съ ней, по залитой со[illegible] цемъ улицѣ, смотрѣлъ на ея прекрасное лицо, съ таки[illegible] ясными, прозрачными до дна глазами и нѣжными, почти дѣ[illegible]скими губами, на ея маленькія руки, дорогія и близкія е[illegible] еще по дѣтскимъ воспоминаніямъ, на ея маленькія но[illegible] старавшіяся еще въ дѣтствѣ не отставать отъ него въ и[illegible] чудесныхъ прогулкахъ—и былъ уже готовъ, но еще боял[illegible] сказать себѣ: кажется, онъ полюбитъ эту дѣвушку; кажет[illegible] она позволитъ ему полюбить ее... И при этомъ онъ не исп[illegible]тывалъ ни малѣйшаго волненія крови, какъ-будто совершен[illegible]

не чувствовалъ въ ней женщины. Она вызывала въ немъ только восхищеніе ея красотой, благоговѣніе передъ ея чистотой, ...нѣжность къ ея женской безпомощности. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ—Ренати была неправа, когда говорила о его ... чистой, невинной дѣвушки! Не загрязнить ея чистоту ...нъ, а очиститься черезъ нее, если только это еще ...о для него!..

...и разстались у дверей библіотеки, гдѣ Лида служила, ...овились: въ пять часовъ онъ придетъ за ней, чтобы ...ти съ ней въ паркъ слушать музыку...

XIV.

Каншинъ пошелъ дальше по улицѣ. Около городского театра, красиво развернувшаго надъ деревьями сквера свою широкую, куполообразную крышу, онъ безцѣльно свернулъ на бульваръ, тянувшійся надъ моремъ, по краю высокой горы, посреди которой, по ея склону, сбѣгала внизъ, прямо въ море, безчисленными ступенями широкая каменная лѣстница. Здѣсь, въ этотъ ранній, утренній часъ было тихо и пусто; только чуть слышно журчали фонтанныя струйки, изливавшіяся изъ раскрытыхъ пастей черныхъ дельфиновъ, расположенныхъ по угламъ гранитнаго пьедестала памятника Пушкину, да снизу доносился гулъ суетливой лихорадочной портовой жизни, покрывавшійся иногда рѣзкими свистками береговыхъ поѣздовъ и грузовыхъ пароходовъ. Слышалась музыка духового оркестра, игравшаго гдѣ-то недалеко—не то въ морѣ, на какомъ-то пароходѣ, не то въ одномъ изъ огромныхъ зданій, тянувшихся вдоль бульвара, отражавшихъ въ стеклахъ своихъ оконъ густую лазурь неба и моря...

Ниже бульвара, въ узкихъ аллеяхъ молодого, недавно разбитаго по склону горы сада, небольшими террасками, спускавшагося къ порту, маленькія дѣти оглашали воздухъ звонкими криками радостнаго ощущенія себя, жизни, солнца; громко щебетали въ вѣтвяхъ птицы; на карнизахъ домовъ гулко ворковали голуби. А еще ниже—загроможденное у бе-

рега пароходами, судами, катерами, лодками, сіяюще...
ломъ чистой бирюзой море уходило въ безконечно...
неба и тамъ, золотисто-голубое, неясное въ своемъ с...тельномъ блескѣ, струилось, переливалось, качая тан... ныя очертанія внезапно появлявшихся и такъ же вн... исчезавшихъ судовъ...

Солнце заливало бульваръ еще несильнымъ, утр... ласковымъ зноемъ, и воздухъ, пахнувшій моремъ и на...ми зноемъ древесными листьями, медленно насыщался ...кимъ-то теплымъ, сладкимъ ароматомъ, словно гдѣ-то к...ли необыкновенно душистымъ ладаномъ. Каншинъ долго ... могъ понять—откуда шелъ этотъ запахъ... Онъ опустился ... скамью, лицомъ къ морю, чтобы любоваться этимъ широк... полнымъ ослѣпительнаго блеска, просторомъ моря и ... но голова у него слегка кружилась—отъ безсонной, по... объясненія съ Ренати, ночи и еще, должно быть, отъ этого страннаго аромата—и глаза его невольно смыкались. Съ усиліемъ разжимая вѣки, онъ водилъ глазами по сторонамъ, и вдругъ увидѣлъ, что высокія деревья на протяженіи всего бульвара, засыпаны бѣлыми цвѣтами. Какъ онъ не замѣтилъ это сразу? Онъ впервые видѣлъ цвѣтущую акацію. Какіе красивые, нѣжные, бѣлые грозди, подобные тѣмъ символическимъ цвѣтамъ, какими украшаетъ свою голову невѣста въ знакъ своей чистоты и невинности!.. Каншину представилась Лида съ бѣлыми цвѣтами акаціи на головѣ: ея нѣжное лицо и чистые глаза должны сливаться съ этими пушистыми кистями цвѣтовъ, давая образъ чистѣйшей женской юности и красоты!..

Между тѣмъ солнце становилось горячѣй, и цвѣты акаціи начинали дышать все гуще—горячимъ, удушливымъ ароматомъ, отъ котораго голова наливалась какимъ-то пьянымъ дурманомъ. Воздухъ, напитанный теплыми испареніями моря и знойнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, вливалъ въ тѣло Каншина блаженное изнеможеніе, сладостное безсиліе, томленіе полудремоты, полузабвенія. Онъ невольно снова закрылъ глаза; его слабо покачивало и какъ-будто несло куда-то вверхъ

...ымъ колыханьемъ. Онъ склонилъ голову и за-

...ѣлъ во снѣ какой-то садъ, залитыя зноемъ цвѣ-
...вья и среди нихъ — бѣлую дѣвушку, блуждающую
... всюду куда бы она ни пошла—окруженную этими
...ми, бѣлоснѣжными кистями цвѣтовъ, словно онѣ шли
съ ней вмѣстѣ, увлекаемыя очарованіемъ ея свѣтлой, чистой
женской юности... Лицо у дѣвушки печальное—съ этими не-
доумѣнно приподнятыми бровями и полураскрытымъ, слов-
но отъ жажды ртомъ. Она кого-то ищетъ—и не знаетъ ко-
го, и не знаетъ—гдѣ и когда найдетъ. Смотритъ по сторо-
намъ большими, ясными, дѣтскими глазами: между стволами
деревьевъ притаились зеленыя тѣни; въ просвѣтахъ мелко-
листныхъ акацій искрится голубое пламя весенняго неба,—
никого не видно. Слушаетъ, остановившись, подавшись впе-
редъ грудью; вытянувъ тонкую, бѣлую шею: пчелы жужжатъ
бѣлыми цвѣтами акацій, теплый вѣтеръ съ звенящимъ ше-
лестомъ идетъ по вершинамъ деревьевъ,—никого не слышно...
Но вотъ—откуда-то издалека бредетъ юноша; онъ уже у
высокой садовой ограды, надъ которой шумятъ тополи, изъ-
за которой плыветъ теплый вѣтеръ, насыщенный сладкимъ
запахомъ акаціи. Это онъ—Каншинъ, котораго привели сю-
да невѣдомыя, таинственныя силы, управляющія человѣче-
ской жизнью. Его томитъ желаніе проникнуть въ этотъ садъ,
словно тамъ, за этой каменной стѣной спрятано его счастье,
... хоть разъ въ жизни да ждетъ гдѣ-нибудь каждаго
... Онъ волнуется и самъ не понимаетъ своего вол-
... нерѣшительно открываетъ калитку и входитъ,
... дыша, съ замирающимъ отъ сладкаго страха серд-
цемъ... онъ—Каншинъ, пришелъ въ этотъ садъ за своимъ
...

... цвѣтъ деревьевъ указываетъ на то, что онъ по-
... туда, гдѣ должна совершиться его судьба. Эта
... бы символизируетъ его счастье: оно должно
... же бѣлымъ, сіяющимъ и благоуханнымъ, какъ
...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ — и остановился. Бѣлая дѣвушка стояла передъ нимъ, и они смотрѣли другъ на друга удивленные, немного испуганные, неподвижными, какъ-бы грезящими глазами. Ихъ глаза въ самомъ дѣлѣ были такими, потому что она была его мечтой, онъ—ея; они узнали другъ въ другѣ свою грезу, воплотившуюся въ реальный образъ—и не вѣрили своимъ глазамъ, полагая, что все еще продолжаютъ грезить...

Онъ какъ-будто давно знаетъ ее, онъ давно ищетъ эту дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, съ такой нѣжной полудѣтской грудью, скромно облеченной легкой тканью, открывавшей только нѣжную шею и бѣлыя, узкія, какъ лиліи, кисти рукъ, съ этой ясной глубиной невѣдающихъ жизни глазъ, съ этимъ сіяющимъ ореоломъ волосъ, мягко спускающихся на плечи и спину... Онъ съ такимъ восхищеніемъ смотритъ на нее, полный боязни неизвѣданной близости—и какая сладость въ этомъ страхѣ, какая блаженная мука—въ желаніи этой близости!..

Онъ только тихо спрашиваетъ:

— Ты?..

И она отвѣчаетъ удивленно, немного испуганно, еще не понимая всего значенія этой встрѣчи:

— Я...

Впереди нея лежитъ на травѣ ея тѣнь,—онъ опускается на колѣни и цѣлуетъ ея тѣнь на этой травѣ, теплой и душистой отъ солнца...

Она страдальчески поднимаетъ брови:

— Зачѣмъ?..

Она спрашиваетъ: зачѣмъ онъ пришелъ и смутилъ ея дѣвическій покой, наполнивъ ея душу смятеніемъ любви.

— Люблю тебя!..—говоритъ онъ и поднимаетъ къ ней, какъ къ небу, полные благоговѣйнаго восторга глаза...

Она закрываетъ лицо руками, со страхомъ отступаетъ отъ него — все дальше и дальше,—и вдругъ совсѣмъ исчезаетъ, словно растворяется въ горячемъ, сине-золотомъ воздухѣ лѣтняго полдня. И вмѣсто нея—передъ нимъ стоитъ Ренати,

... сильно, остро пахнетъ фіалкой... Пѣвица—въ своемъ платьѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ шан... той же скромностью въ нарядѣ и движеніяхъ, но ...искажено страстью, и то, что она говоритъ, наполняетъ его ужасомъ и отвращеніемъ. А она только повторяетъ ... послѣднія слова, которыя онъ сказалъ бѣлой дѣвушкѣ:

— Люблю тебя...

Но какъ она ихъ повторяетъ! Каждый звукъ этихъ двухъ словъ, точно капля расплавленнаго свинца, падаетъ на его сердце, пронизывая его насквозь острой болью. Эти слова въ ея устахъ кажутся величайшимъ, чудовищнымъ кощунствомъ. Они исходятъ изъ ея губъ въ видѣ отвратительныхъ, черныхъ, скользко извивающихся гадовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—говоритъ онъ, въ отчаяньѣ озираясь во всѣ стороны:—Я не хочу тебя! Я не хочу твоей любви!.. Гдѣ та, которая была только что со мной, которая вызываетъ во мнѣ одно только благоговѣніе, которую зовутъ...

Ахъ, онъ не помнитъ, не знаетъ, какъ ее зовутъ, онъ когда-то зналъ и забылъ и теперь никакъ не можетъ вспомнить!..

Ренати отвратительно смѣется и, нагнувшись къ нему, потому что онъ все еще стоитъ на колѣняхъ, хрипящимъ шопотомъ говоритъ ему въ лицо:

— Ее зовутъ—ж е н щ и н а! Во всѣхъ насъ ты хочешь только женщины! Ее зовутъ Ренати и многими другими именами, но у нея только одно настоящее имя—Женщина, и ты любишь меня и другую и всѣхъ, носящихъ мое имя—потому что ты м у ж ч и н а! Въ этой любви нѣтъ благоговѣнія, нѣтъ чистаго восторга, все это ложь, прикрывающая желаніе тѣла! Прежде ты хотѣлъ одну—съ блѣднымъ лицомъ и смугло-золотистой кожей, теперь ты хочешь другую—съ розовыми щеками и бѣлоснѣжнымъ тѣломъ!.. И въ этомъ вся разница твоего отношенія къ той или другой женщинѣ!.. Побольше разнообразія!.. Такъ говорятъ мужчины, переходя отъ одной женщины къ другой И тебѣ нужно это разнообразіе. Подумай, развѣ я не права?..

...инъ въ ужасѣ кричалъ:

— Ты лжешь!.. Молчи!..

Но она смѣялась и продолжала:

— И ты опять будешь моимъ! Ты не откажешься меня, хотя тебя влечетъ теперь другая! Я это вижу по глазамъ, которые уже тянутся ко мнѣ. Ну такъ что же ты забылъ, какъ сладки мои поцѣлуи? какъ жарки и томительны мои объятія?.. Вѣдь я, женщина, цѣловала и ласкала тебя!.. И я, женщина, снова буду цѣловать и ласкать тебя!.

Она смѣется, горячимъ, чувственнымъ смѣхомъ, обнимаетъ и прижимаетъ его лицо къ своимъ колѣнямъ. И онъ задыхается, загораясь. Онъ слышитъ въ своемъ томительно напряженномъ тѣлѣ горячій звонъ снова поющей крови, отталкиваетъ ее и тянется къ ней, и безпомощно бьется въ ея рукахъ, отдаваясь ея поцѣлуямъ и ласкамъ, отвратительно знакомымъ и неодолимо-желаннымъ...

А въ сторонѣ кто-то плачетъ, и удушливо сладко пахнетъ акація, и горячій вѣтеръ льнетъ къ лицу, блуждая съ сонно-звенящимъ шелестомъ по древеснымъ листьямъ...

XV.

Когда Каншинъ очнулся—солнце стояло высоко и сильно припекало. По бульвару сновали люди... Рядомъ съ нимъ сидѣла какая-то женщина въ красной шляпѣ; отъ нея сильно пахло рѣзкими, непріятными духами—фіалкой самаго дешеваго сорта. Отъ этихъ духовъ ему, вѣроятно, и приснилась Ренати, отъ которой всегда пахло фіалкой...

У женщины лицо было лиловое отъ бѣлилъ и румянъ. Это была одна изъ тѣхъ, которыя ночью ходятъ по улицамъ и предлагаютъ себя мужчинамъ за небольшую плату. Она съ боязливой ласковостью улыбнулась ему, и это жалкое подобіе улыбки, походившей скорѣй на гримасу забитой собаки, которая боится, что ее прогонятъ, вызвало въ немъ брезгливое состраданіе, заставившее его отвернуться. Женщина льстиво подобострастно сказала:

— Вотъ, вы и поспали... На воздухѣ хорошо спится...

Каншинъ молчалъ, разморенный сномъ, зноемъ, густымъ

тяжелымъ ароматомъ акаціи... Подождавъ немного, женщина ...сказала:

— Здѣсь жарко... Пойдемъ лучше ко мнѣ!..

Она ударила его по колѣну ладонью и безстыдно засмѣя... Но тотчасъ же умолкла, испуганно посмотрѣвъ на него: не разсердился ли онъ на нее?..

Каншинъ всталъ и быстро пошелъ прочь. Женщина по... ...ла за нимъ и, нагнавъ его, съ отчаяньемъ, перекосив...имъ ея ротъ, сказала:

— Одолжите что-нибудь! Я сегодня еще не ѣла...

Но когда онъ протянулъ ей рубль—она сразу успокоилась и съ тѣмъ же безстыднымъ смѣхомъ сказала:

— Меня зовутъ Клара. Если нужно будетъ — я всегда здѣсь. Останетесь довольны...

«Ее зовутъ—Женщина!»—вспомнилъ онъ свой сонъ. Онъ покраснѣлъ и поспѣшилъ уйти...

Пообѣдалъ онъ въ маленькой, душной греческой кухмистерской, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ, наполненной смуглыми греками и турками въ красныхъ фескахъ. И вернулся домой съ сильной изжогой отъ незнакомыхъ ему пряныхъ блюдъ греческой стряпни. Потомъ лежалъ у себя въ альковѣ, съ горящей отъ солнца головой, съ поющей во всемъ тѣлѣ кровью и думалъ все о томъ же: «ее зовутъ—женщина, нѣтъ ни благоговѣнія, ни чистаго восторга, есть только желаніе тѣла!..» И непонятный страхъ передъ самимъ собой, передъ своимъ тѣломъ сжималъ его сердце...

Еще издали онъ увидѣлъ на балконѣ библіотеки, гдѣ служила Лида, бѣлую женскую фигуру, кивавшую ему головой. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Утромъ Лида ушла изъ дому въ черномъ платьѣ,—когда она успѣла переодѣться?..

Онъ снялъ шляпу, — дѣвушка сдѣлала ему знакъ рукой чтобы онъ подождалъ, и скрылась. Каншинъ сѣлъ на скамью подъ балкономъ и сталъ ждать. «Вотъ кто—эта бѣлая дѣвушка!» подумалъ онъ. И опять ему показалось какимъ-то таинственнымъ предзнаменованіемъ, уже вторымъ, то, чт

Лида надѣла бѣлое платье какъ-будто нарочно для того, чтобы онъ понялъ, что она и есть его мечта, воплощеніе которой онъ только сегодня видѣлъ во снѣ. Во всемъ этомъ, казалось, ими руководила какая-то сверхъестественная, высшая, сила...

Лида скоро вышла къ нему. Онъ почти не узнавалъ ее—въ этомъ бѣломъ, газовомъ платьѣ, обнимавшемъ ее легкимъ, воздушнымъ облакомъ. Въ ней теперь было что-то новое для него, какая-то особенная нѣжность въ линіяхъ фигуры, мягкая пластичность въ движеніяхъ, тонкая, волнующая игра глазъ и улыбки. Она какъ-будто переродилась, налившись настоящимъ солнечнымъ зноемъ жизни, оживившимъ ее подобно тому, какъ Пигмалліонъ оживилъ свою мраморную Галатею, вдохнувъ въ нее жизнь своей любовью. Отъ нея вѣяло сладкимъ очарованіемъ молодой, хорошенькой женщины, принарядившейся для того, чтобы нравиться. Или это ему только казалось, и она была такой же, какъ и прежде, а онъ смотрѣлъ на нее другими глазами, подъ вліяніемъ того, что ему снилось на бульварѣ? Неужели онъ хочетъ только тѣла этой прекрасной дѣвушки?..

Каншинъ съ досадой отогналъ отъ себя эту мысль, но онъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что въ эту минуту онъ смотрѣлъ на Лиду впервые какъ на женщину, и она волновала его...

Всѣ продольныя улицы города спускались къ морю, оканчиваясь обрывомъ, надъ которымъ съ одной стороны былъ расположенъ бульваръ, съ другой—паркъ. Лида повела Каншина, еще плохо знакомаго съ городомъ, ближайшимъ путемъ, по главной улицѣ. Каншинъ только теперь замѣтилъ, что и на всѣхъ улицахъ акаціи покрыты гроздями мелкихъ, бѣлыхъ цвѣтовъ, и всюду, куда не пойдешь—воздухъ насыщенъ ихъ густымъ, сладко-прянымъ благоуханіемъ. Отъ этихъ цвѣтущихъ деревьевъ и плывущаго отъ нихъ аромата улицы приняли праздничный, нарядный видъ, словно по нимъ долженъ былъ пройти кто-то—отмѣченный высокимъ саномъ или знаменьемъ неба...

Каншину казалось, что это для Лиды принарядился такъ го-

родъ. Эта юная дѣвушка, въ своемъ бѣломъ нарядѣ съ вѣнкомъ розъ на шляпѣ, съ сіяющими въ тѣни отъ шляпы, какъ черныя звѣзды, глазами, походила на маленькую королеву или королевскую дочь, шествующую по убраннымъ въ честь ея улицамъ къ своему дворцу...

У воротъ парка цвѣточницы продавали розы и другіе цвѣты, спрыснутые водой, мокрые, свѣжіе, отъ влажнаго аромата которыхъ вспоминались сырыя, притихшія въ вечернихъ сумеркахъ, аллеи сада съ клумбами политыхъ на закатѣ цвѣтовъ. Каншинъ купилъ Лидѣ двѣ розы—и она красную приколола стеблемъ у пояса, такъ что самый цвѣтокъ приходился около лѣвой груди, какъ бы символизируя ея расцвѣтшее и раскрывшееся для любви сердце; бѣлую она держала въ рукахъ, и это былъ символъ ея невинности, который она какъ-будто готовилась вручить тому, для кого расцвѣла ея нѣжная юность и раскрылось ея чистое сердце.

Послѣ зноя улицъ, гдѣ стѣны, мостовыя, желѣзныя крыши были налиты солнечнымъ тепломъ, паркъ показался раемъ съ его прохладной тѣнью аллей, влажностью недавно политаго гравія и свѣжимъ вѣтромъ, вѣявшимъ съ моря. Гулянье еще не начиналось, хотя оркестры на эстрадахъ въ загороженной части уже гремѣли. Въ главной аллеѣ бѣгали нарядныя дѣти, щебеча, какъ птицы, играя мячомъ, гоняя обручи, прыгая; два мальчика вперегонку неслись на велосипедахъ, оставлявшихъ колесами на мокромъ гравіи узкія, глубокія колеи. На скамьяхъ, лицомъ къ морю, разстилавшемуся подъ горой безконечной, тихой, изумрудной равниной, сидѣли бонны и няньки, наблюдавшія за дѣтьми...

— Мы, какъ дѣти, забрались сюда спозаранку!—сказала, смѣясь, Лида.

— Дѣти гуляютъ здѣсь въ самые лучшіе часы!—проговорилъ Каншинъ, съ восхищеніемъ глядя по сторонамъ, на залитыя солнцемъ деревья, боскеты, цвѣточныя клумбы, ярко раскрашенные рѣзные кіоски:—Вообразите, что и мы съ вами—такіе же малыши, какъ-будто до сихъ поръ такъ и не разставались, и намъ вмѣстѣ—не больше шестнадцати лѣтъ...

— Это очень трудно! —снова засмѣялась Лида:—У васъ усы, а у меня...—она скользнула по своей груди и бедрамъ глазами и, порозовѣвъ, закончила:—длинное платье...

Каншинъ уловилъ ея взглядъ и смущеніе, и та... нувъ по ея груди и всей фигурѣ глазами, тихо ...

— Да, трудно...

Онъ поймалъ себя на этомъ нечистомъ в... кой подумалъ: Ренати! Это она сдѣлала его такимъ!..

Оркестры поочередно, на двухъ эстрадахъ, играли бравурные марши, одинъ—военный, другой—румынскій, стру... ный. Казалось, весь воздухъ, пронизанный горячими лучами вечерняго солнца, дрожалъ отъ музыки, уносившейся далеко въ море, гдѣ ее звучно отражала тихая, стеклянная поверхность водной равнины...

Каншинъ и Лида расположились за столомъ въ отгороженной части парка, какъ разъ противъ румынскаго оркестр... Румыны, въ бѣлыхъ, расшитыхъ цвѣтнымъ шелкомъ, коро... кихъ курткахъ и бѣлыхъ же шароварахъ, повязанныхъ ... животѣ широкимъ краснымъ поясомъ, играли сонно, нехот... закрывая глаза, точно засыпая, а въ антрактахъ переговаривались и о чемъ-то пересмѣивались между собой. У нихъ были самые разнообразные инструменты: цѣвницы, окарины, цимбалы, волынки, гусли, какія-то маленькія, трехструнныя не то мандолины, не то гитары, съ короткимъ, пузатымъ корпусомъ и длиннымъ, тонкимъ грифомъ, на которыхъ одни играли пальцами, другіе—почему-то смычкомъ. Сочетаніе звуковъ всѣхъ этихъ инструментовъ получалось неожиданно мелодичное и нѣжное, какъ-будто отражавшее тихое, теплое угасаніе дня, полное послѣдняго золотого сіянья...

Отсюда были видны и море и главная аллея, на которой позднѣе происходитъ гулянье. Вниманіе Каншина привлекала появившаяся тамъ дама—въ красномъ пальто, ярко загорѣвшемся на солнцѣ. Это была Ренати, ее не трудно было узнать по ея танцующей, характерной, для шантанной пѣвицы, походкѣ. Каншинъ весь сжался, въ его глазахъ, провожа-

гречанку, бѣгали безпокойныя искорки страха. Лида лицу догадалась, кто эта женщина...

...и шла прямо по аллеѣ, видимо, направляясь къ ... Позади нея, въ нѣсколькихъ шагахъ, шелъ молодой ...къ въ котелкѣ, торопившійся, замѣтно ускорявшій шаги, старавшійся ее нагнать. Разстояніе между ними быстро сокращалось, онъ скоро нагналъ ее и что-то сказалъ, приподнявъ надъ головой котелокъ. Ренати остановилась и сдѣлала энергичный, отрицательный жестъ рукой, распахнувшій полы ея пальто, какъ-будто хотѣла сказать: оставьте меня въ покоѣ!..

Молодой человѣкъ продолжалъ что-то говорить, волнуясь, съ горячей жестикуляціей, съ выраженіемъ покорности и просьбы во всей, низко согнувшейся, фигурѣ. Ренати снова сдѣлала тотъ же отрицательный жестъ, но еще болѣе энергично, повернулась и быстро пошла дальше. Онъ пошелъ съ ней рядомъ, не переставая говорить, съ робостью въ жестахъ и походкѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ, пѣвица остановилась, какъ-будто потерявъ терпѣніе и, топнувъ ногой, гнѣвно, громко, на всю аллею, такъ, что даже Каншину и Лидѣ было слышно, сказала:

— Подите прочь!.. Я васъ не знаю!..

— Это Сеня!—вдругъ сказала Лида, и ея лицо покрыла мертвенная блѣдность...

Эта сцена заинтересовала и румынъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ туда же. Почувствовавъ, что на нее смотрятъ, Ренати обернулась, бросивъ быстрый взглядъ на Лиду и Каншина. Видно было, что она ихъ узнала: она застыла и нѣсколько мгновеній не отрывала отъ нихъ глазъ... Сеня невольно посмотрѣлъ по направленію ея взгляда—и, увидѣвъ сестру, сконфуженно отвелъ глаза къ морю...

Гречанка пошла въ одну сторону, онъ—въ другую, и скоро оба скрылись...

XVI.

Румыны на эстрадѣ смѣялись и громко переговаривали на своемъ звучномъ языкѣ. Лида тихо сидѣла за столомъ все еще блѣдная, глядя остановившимися глазами въ ту сторону, гдѣ скрылось красное пальто Ренати. Каншинъ не смѣлъ поднять на нее глазъ...

Вдругъ Лида выпрямилась, словно вся насторожилась; она смотрѣла черезъ его плечо остановившимися въ страхѣ глазами. Каншинъ обернулся и увидѣлъ Ренати, быстро лавировавшую между столами, направлявшуюся прямо къ нимъ. Она шла не со стороны аллеи, а отъ буфетной галлереи, въ которую, вѣроятно, проникла черезъ черный ходъ изъ шантана...

Каншинъ испугался не меньше Лиды. Что она хочетъ сдѣлать? Что задумала эта сумасшедшая женщина? Отъ нея можно было ожидать самой отчаяной выходки; въ порывѣ ревности она могла поднять скандалъ и впутать Лиду въ непріятную исторію... У него замѣтно дрожали руки...

Румыны на эстрадѣ заиграли какъ разъ въ ту минуту, когда Ренати подошла къ ихъ столу. Каншинъ, машинально уловивъ начало какой-то увертюры, безсознательно подумалъ: «Кажется—Вильгельмъ Телль»! Гречанка кивнула ему головой, зло усмѣхнувшись однимъ угломъ рта, и обратилась къ Лидѣ, съ нескрываемымъ, жаднымъ любопытствомъ разсматривая дѣвушку:

— Вы позволите?..

Каншина всего передернуло. Желаніе Ренати сѣсть за одинъ столъ съ Лидой показалось ему неслыханной дерзостью, Лида бросила на него строгій, какъ бы предостерегающій взглядъ и, указавъ пѣвицѣ глазами на стулъ, сдержанно, съ немного величавымъ спокойствіемъ, сказала:

— Пожалуйста...

Ренати кивнула головой, но не сѣла и только взялась рукой за спинку стула. Ея пальцы нервно вздрагивали, и, замѣтивъ, что Лида на нихъ смотритъ, она тотчасъ же убрала

…ула руку, спрятавъ ее въ карманъ пальто. Но это, ви… сильно раздражило ее, потому что она съ первыхъ же …въ взяла повышенный тонъ.

— Скажите вашему пріятелю,—проговорила она рѣзкимъ, …ѣняющимъ голосомъ, съ ненавистью глядя на Каншина:—чтобы онъ не приставалъ ко мнѣ! Я не желаю больше имѣть дѣло съ мальчишками!..—она сдѣлала удареніе на словѣ «больше», отъ котораго Каншинъ густо покраснѣлъ:—Онъ вздумалъ грозить, что покончитъ съ собой,—нашелъ, чѣмъ пугать!.. Пускай кончаетъ, мнѣ отъ этого мало печали!.. Лишь бы оставилъ меня въ покоѣ!..

Каншинъ видѣлъ, какъ вытянулось и побѣлѣло лицо Лиды. Дѣвушка сдѣлала движеніе, какъ-будто хотѣла подняться и не могла; ея губы задрожали, она чуть слышно произнесла:

— Онъ вамъ это сказалъ?..

Оркестръ игралъ тихо, какъ-будто любопытные румыны нарочно взяли піано, чтобы слышать этотъ разговоръ. Ренати полуобернулась къ Лидѣ и, смѣривъ ее злыми, нѣсколько …нными глазами, грубо, съ презрительной небрежностью, спросила:

— А вамъ что?..

Лида такъ же тихо, опуская глаза, сказала:

— Это мой братъ...

— Вашъ братъ?—она какъ-будто немного растерялась, но тотчасъ же жестко разсмѣялась:—Тѣмъ лучше!—бросила она съ удареніемъ злобной мести:—Теперь, по крайней мѣрѣ, я знаю, кто толкаетъ его ко мнѣ!..

Дѣвушка поняла скрытый смыслъ ея послѣднихъ словъ и покраснѣла до слезъ.

— Вы ошибаетесь...—тихо сказала она:—Мнѣ это совсѣмъ не нужно...

Ренати также поняла ее съ полуслова:

— Если кто изъ насъ ошибается, милая, такъ это—вы! Я не собираюсь съ вами соперничать, и вамъ нечего бояться за своего любовника!..

Оркестръ постепенно переходилъ въ форто, заглушая голоса, и только взволнованныя лица всѣхъ троихъ и рѣзкіе жесты стоявшей у стола Ренати указывали на повышенный тонъ ихъ разговора. Послѣднія слова пѣвицы точно ударили Каншина по головѣ, у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ ее за руку и сжалъ такъ сильно, что та даже вскрикнула отъ боли...

Въ оркестрѣ произошло замѣшательство, и музыка, сбившись въ какую-то жидкую какофонію, неожиданно умолкла. Румыны столпились у края эстрады; изъ буфетной галлереи спѣшили офиціанты съ испуганными лицами...

На большую, загорѣлую руку Каншина легла маленькая, блѣдная рука, безсильная по своимъ нѣжнымъ очертаніямъ, но въ положеніи сжатыхъ вмѣстѣ тонкихъ пальцевъ выражавшая неотразимую силу приказанія. Взглянувъ на нее, Каншинъ сразу опомнился, выпустилъ руку Ренати и смущенно опустился на свой стулъ...

Пѣвица, ни слова не говоря, повернулась и пошла прочь, извиваясь, какъ змѣя, среди столовъ, рѣзко мелькая межъ бѣлыхъ скатертей своимъ ярко кричащимъ пальто...

Солнце закатилось, и въ главной аллеѣ уже горѣли электрическіе фонари, странно выдѣлявшіеся своимъ лиловымъ свѣтомъ на зеленомъ, вечерѣющемъ небѣ. Вокругъ фонарей кружились ночныя бабочки и большіе, черные жуки, съ трескомъ ударявшіеся о стеклянные шары и падавшіе на гравій вверхъ ногами съ полусложенными крыльями; ихъ давили съ отвратительнымъ хрустомъ, отъ котораго нервные люди подпрыгивали и долго брезгливо вытирали ногу о гравій...

Въ воротахъ парка Каншинъ нечаянно коснулся руки молчаливо поникнувшей Лиды. Она вздрогнула, очнувшись отъ глубокой задумчивости, тревожно спросила:

— Что такое?

Каншинъ молча взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ. Дѣвушка не отнимала руки и смотрѣла на него большими, напряженно думающими о чемъ-то глазами...

XVII.

Ночью онъ услыхалъ въ коридорѣ шаги и голоса. Это возвратилась изъ шантана Ренати; рядомъ съ легкимъ постукиваньемъ ея каблуковъ слышался тяжелый стукъ мужскихъ англійскихъ сапогъ. Потомъ стало тихо, только едва уловимый шопотъ доносился оттуда...

Каншинъ напрягъ слухъ: шептались гдѣ-то очень близко, чуть ли не у самой его двери... Вдругъ дверная ручка зашевелилась, кто-то сильно дернулъ дверь, заколотилъ внизу ногами. Удары повторялись одинъ за другимъ, не прекращаясь, гулко разносясь по всему дому...

Каншинъ вскочилъ, отперъ дверь, высунулъ голову въ коридоръ. Опять та же картина: пьяный мужчина въ цилиндрѣ, съ карманнымъ электрическимъ фонаремъ въ рукѣ и Ренати, которая, смѣясь, тащитъ его за рукавъ отъ двери. Но теперь видно, что все это продѣлывается нарочно, съ плохо скрытымъ намѣреніемъ не то просто доставить ему безпокойство, не то, что-то доказать. Въ пьяномъ мужчинѣ Каншинъ узналъ того же экспортера Гилиса...

Ренати сказала съ дѣланнымъ желаннымъ смущеніемъ, сквозь которое проглядывало жгучее желаніе уязвить:

— Извините, мы васъ разбудили! Мнѣ ужасно совѣсно!..

— Нн-да извините...—бормоталъ экспортеръ, едва ворочая языкомъ и тараща на Каншина свои близорукіе, пьяные, злорадно смѣющіеся глаза...

Каншинъ захлопнулъ передъ его носомъ дверь...

Но онъ не спалъ всю ночь. Разыгрывалось воображеніе, рисовавшее комнату Ренати и въ ней—гречанку и экспортера, ихъ ласки, вызывавшія въ Каншинѣ отвращеніе и ревность, непобѣдимую ревность, съ которой онъ не могъ совладать, отъ которой страдалъ и приходилъ въ бѣшенство Они находились всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, казалось, онъ слыхалъ ихъ шопотъ, взволнованное дыханіе, заглушенные стѣнами поцѣлуи. Онъ зарывался головой въ подушку и стоналъ, не понимая себя, своей ревности къ женщинѣ, къ которой питалъ ненависть и отвращеніе. Онъ

старался вызвать передъ собою образъ Лиды—и вмѣсто появлялась Ренати, съ раскрытыми для поцѣлуя губами, горячо горящими глазами, обращенными къ вс... рядомъ съ ней экспортеру...

Какъ она могла такъ скоро утѣшиться, успокоит... Каншинъ испытывалъ смѣшанное чувство—ревности, о... щенія, страсти. Ему хотѣлось бить ее—и цѣловать ея р... плевать ей въ лицо—и валяться у нея въ ногахъ, моли... ея тѣлу—и рвать его ногтями и зубами. Онъ чувство... что съ Ренати у него далеко еще не все кончено...

XVIII.

Старуха, съ темнымъ, удрученнымъ лицомъ и заплакан... ми, красными глазами, открывъ ему дверь, тихо шепнула в... передней:

— Что мнѣ дѣлать съ Сеней?.. Онъ губитъ себя. Совсѣ... сталъ какъ сумасшедшій... Ночью пришелъ пьяный и плакал...

Въ столовой за столомъ сидѣлъ Сеня, низко согнувши... надъ стаканомъ чаю. Было воскресенье, и онъ свободе... былъ отъ конторскихъ занятій. При входѣ Каншина онъ по... нялъ голову и посмотрѣлъ на него тупыми, мутными глаза... Лицо у него было почти черное, щеки втянулись, око... губъ лежала глубокая, страдальческая складка. Казалось, о... съ трудомъ узналъ Каншина...

Они долго сидѣли молча за столомъ, пили чай. Стару... качала головой и что-то шептала, такъ же невнятно, какъ и самоваръ. Въ сосѣдней комнатѣ не слышно было никаког... движенія; Лида еще спала, пользуясь праздничнымъ днемъ...

Каншинъ отдыхалъ въ этомъ тихомъ уютѣ семейной о... становки. Казалось, что все, пережитое имъ ночью, оста... въ его комнатѣ, и онъ пришелъ сюда съ очистившейся, ка... бы пустой душой, чтобы наполнить ее свѣжимъ, про... нымъ покоемъ мирнаго, обыденнаго существованія, в... шимъ въ маленькой квартиркѣ Линъ. Только сумра... со... средоточенно думавшій о чемъ-то Сеня вызывалъ безпок...

...о, тревогу. Хотѣлось разсѣять поскорѣй его тяжелое, тос...ивое молчаніе, въ которомъ чувствовалась подавленность ...желаго мученья. Каншинъ осторожно спросилъ:

— Какъ дѣла, Сеня?..

Тотъ, какъ бы недоумѣвая, пожалъ плечами, вдругъ под...лся и тихо сказалъ:

— Пойдемте со мной. Нужно поговорить...

Они вышли на лѣстницу, и здѣсь Сеня, схвативъ его за ...ку, взволнованно зашепталъ:

— Она вчера оскандалила меня на весь шантанъ... Теперь ...не могу туда показаться...

Каншинъ молчалъ; ему было непріятно, что Сеня говорилъ ... Ренати, что онъ тоже желалъ этой женщины...

— Я не хотѣлъ имѣть съ ней дѣло, какъ съ продажной ...нщиной!—продолжалъ Сеня лихорадочно волнуясь:—Я... я... ... могу безъ нея... жить... — онъ всхлипнулъ, какъ ребенокъ ... отвернулся въ сторону, стыдясь своихъ слезъ:

— Я остановилъ ее и только сказалъ: «Мнѣ нужно ска...ть вамъ»... Она обернулась... и ударила меня по лицу... За ... ... ударила меня? За что она презираетъ такъ меня?.. Его лицо вдругъ исказилось злобой.

— Что она такое, чтобы держать себя такой недотро...й?—говорилъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва, тряся кулаками ...редъ лицомъ Каншина:—Понимаете ли вы тутъ что-нибудь?..

— Она просто сумасшедшая женщина!—сказалъ Каншинъ, ...лая какъ-нибудь успокоить его:—Вамъ нужно оставить ее, ...еня, забыть... Все равно ничего путнаго изъ этого не вый...тъ...

— Она подлая, продажная, самая послѣдняя женщина!—...крикнулъ Сеня, почти рыдая:—Я ее ненавижу!..

И онъ продолжалъ поносить Ренати грубыми, площадны...и словами, находя въ этомъ какое-то мучительное насла...деніе.

— Я не оставлю ее! Слышите?.. Или она будетъ моей, или я...—онъ [illegible] придвинулся къ Каншину и совсѣмъ ти... закончилъ:—убью васъ!..

Каншина удивила угроза Сени своей неожиданностью, страннымъ оборотомъ, похожимъ на сумасшествіе.

— Я тутъ не при чемъ...—глухо пробормоталъ онъ и съ кривой усмѣшкой прибавилъ:—Сегодня у нея ночевалъ Гилисъ...

Сеня поблѣднѣлъ и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на Каншина пустыми непонимающими глазами; потомъ тихо опустилъ голову, словно сразу опомнился и ему стало стыдно за себя, Ренати и даже за Гилиса...

Каншинъ воспользовался его молчаніемъ, чтобы оборвать этотъ разговоръ, и сказалъ, стараясь казаться спокойнымъ и равнодушнымъ:

— Я хочу переѣхать на другую квартиру. Не знаете ли, гдѣ можно найти недорогую комнату?..

Сеня поднялъ на него глаза, полные слезъ, и тихо проговорилъ, думая о своемъ:

— Я дуракъ, мальчишка, ничтожество!... Она должна была еще плюнуть мнѣ въ лицо!..

Онъ открылъ дверь, чтобы войти въ квартиру, и вдругъ обернулся и быстро спросилъ:

— Почему вы переѣзжаете?

— Дорого...—сказалъ Каншинъ, невольно потупляясь подъ его лихорадочно горящимъ взглядомъ...

Они вошли въ столовую. Старуха пытливо посмотрѣла на Каншина и потомъ на сына и глубоко вздохнула... Сеня написалъ Каншину адресъ своихъ знакомыхъ, гдѣ можно было снять комнату, взялъ свой котелокъ и, ни слова не сказавъ больше, ушелъ...

Лида уже встала, и теперь слышно было, какъ она умывалась и потомъ ходила по комнатѣ, тихо постукивая каблуками комнатныхъ туфель... Вдругъ дверь распахнулась, и Каншинъ, сидѣвшій противъ двери, увидѣлъ Лиду. Дѣвушка была въ сорочкѣ и нижней юбкѣ, закрывавшей немного ноги ниже колѣнъ, въ туфляхъ, одѣтыхъ на босую ногу. Бретель сорочки спустилась съ плеча, обнаживъ небольшую, круглую грудь. И эта нѣжная нагота дѣвическихъ плечъ,

рукъ, груди и розовое, немного заспанное дѣвушки лицо съ наскоро закрученными надъ лбомъ косами вызвали въ Каншинѣ глубокое волненіе. Онъ почувствовалъ въ ней женщину—такъ сильно, радостно и мучительно, что поблѣднѣлъ, ощутивъ холодокъ разливавшейся по его лицу блѣдности...

Увидѣвъ Каншина, дѣвушка слабо вскрикнула, быстро закрыла грудь, скрестивъ на ключицѣ руки и, загорѣвшись стыдомъ, съ выступившими на рѣсницахъ слезами, убѣжала и захлопнула дверь. Старуха всплеснула руками и кинулась за ней...

Каншинъ остался одинъ. Онъ сидѣлъ, закрывъ глаза руками, все еще видя передъ собой дѣвушку, отдаваясь своему томительному волненію...

Дѣвушка съ матерью тихо шептались въ спальнѣ; Лида жалобно упрекала мать:

— Отчего вы мнѣ не сказали?.. Я не знала, что онъ тамъ!.. Теперь я ни за что не покажусь ему! Мнѣ ужасно, ужасно стыдно!..

— Ну что жъ, что увидѣлъ?..—говорила старуха:—Онъ же зналъ тебя маленькой дѣвочкой...

Спустя немного времени въ столовую вышла старуха, за ней показалась и Лида—въ легкомъ утреннемъ кимоно съ открытой шеей и широками рукавами, въ которыхъ она застѣнчиво прятала свои голые локти; волосы ея оставались въ той же небрежной прическѣ, и ея лицо подъ этой тяжелой короной волосъ выглядѣло совсѣмъ дѣтскимъ. Вся розовая, потупившись, она подала руку Каншину и подняла на него глаза, сіяющіе влагой нѣжной, умоляющей стыдливости...

Каншину уже былъ знакомъ этотъ вѣявшій отъ нея ароматъ утренняго умыванья, который казался свѣжимъ благоуханіемъ ея чистоты. Теперь къ этому запаху воды и душистого мыла примѣшивался еще какой-то иной, кружащій голову запахъ, словно она стояла передъ нимъ голая и онъ ощущалъ теплое дыханіе ея тѣла... Онъ смущенно проговорилъ:

— Я пойду искать комнату... Мнѣ Сеня далъ адресъ...

Лида, казалось, обрадовалась тому, что онъ уходитъ. Она не стала удерживать его и только просила притти къ объ...

XIX

Онъ пошелъ по указанному ей адресу, нанялъ комнату и тотчасъ же переѣхалъ. Помимо бѣгства отъ Ренаты Каншина при перемѣнѣ квартиры было еще соображеніе другого рода: у него понемногу таяли деньги, и нужно было жить возможно экономнѣй, чтобы ихъ хватило на болѣе продолжительное время, пока онъ найдетъ себѣ службу, для этого необходимо было сократить расходъ на квартиру. Новая его комната оплачивалась вдвое дешевле, чѣмъ первая, но зато и была хуже рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Она помѣщалась въ подвальномъ этажѣ, окна наполовину уходили въ землю и были задѣланы снаружи желѣзной рѣшеткой. Обстановку составляли деревянные стулья, простой, обитый клеенкой столъ, старый диванъ въ парусиновомъ чехлѣ, въ красномъ углу—огромный образъ, украшенный бумажными розами, и на стѣнахъ—множество вылинявшихъ фотографій—семейныхъ группъ, солдатъ, мелкихъ чиновниковъ, жеманныхъ дѣвицъ и голыхъ грудныхъ младенцевъ...

Хозяинъ квартиры былъ молдаванинъ, лавочникъ, имѣвшій молочную торговлю въ крытыхъ рынкахъ и приходившій домой только спать; хозяйка—толстая мѣщанка, цѣлый день возившаяся на кухнѣ и наполнявшая всю квартиру противнымъ, ѣдкимъ угаромъ какого-то растительнаго, пригоравшаго на плитѣ масла. Ихъ дочь, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, малокровная, веснущатая, съ сѣрыми, отсутствующими, какъ бы о чемъ-то несбыточномъ мечтающими глазами, цѣлыми днями бренчала на гитарѣ и напѣвала вполголоса романсы, сидя подъ окномъ своей комнатки, смежной съ комнатой Каншина, и задумчиво глядя на мелькающія вверху на тротуарѣ ноги прохожихъ...

И районъ, гдѣ помѣщалась эта квартира—былъ однимъ изъ худшихъ въ городѣ, какъ-то голый, лишенный деревьевъ, безпощадно заливаемый зноемъ солнца, занятый базаромъ, лавками, торгующими всякимъ старьемъ, крытымъ рынкомъ, почему-то оставшимся недостроеннымъ, изъ дверей котораго несло спертымъ, удушливымъ зловоніемъ перегнившихъ овощей, вонючаго мяса и прогорклаго масла, дохлой рыбы и сырыхъ кожъ и всякой другой гадости, завалявшейся въ его полутемныхъ, плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ. Тутъ же помѣщалась казенная винная лавка и чайная, около которыхъ постоянно толпился народъ; здѣсь пили прямо на улицѣ, закусывали и тутъ же спали, растянувшись на землѣ, на самомъ солнцепекѣ. Въ воздухѣ висѣлъ несмолкаемый гулъ базара, въ который то и дѣло врѣзывались пьяное пѣніе, крики дракъ, площадная ругань... Здѣсь городъ какъ бы показывалъ Каншину свою изнанку, отвратительнѣй которой трудно было что нибудь придумать...

Когда Каншинъ перевезъ свои вещи и сталъ раскладываться—дверь его комнаты тихо пріоткрылась и въ щель просунулась бѣловолосая голова дѣвушки. Свѣтлые, любопытно насторожившіеся глаза нѣсколько секундъ разсматривали его, какъ невиданное чудо, съ нѣкоторымъ страхомъ и удивленіемъ. Казалось, при первомъ его движеніи дѣвушка обратится въ бѣгство. Вдругъ глаза ея засвѣтились какой-то мыслью, вызвавшей на ея сложенныя сердечкомъ губы блѣдную улыбку. Каншинъ тоже улыбнулся. Тогда дѣвушка стала смѣлѣй и, открывъ дверь шире, ступила черезъ порогъ. Видно было, что она хотѣла о чемъ-то спросить его, но стѣснялась заговорить первая. Ея веснущатое лицо горѣло, бѣлыя рѣсницы быстро мигали. Каншинъ взглянулъ на ея грудь, взволнованнымъ дыханіемъ поднимавшую бѣлую блузку съ прошивками, сквозь которыя просвѣчивала сорочка съ голубыми ленточками и розовая кожа ея шеи и плечъ, и усмѣхнулся, подумавъ: „Тоже—женщина!“ Дѣвушка, поймавъ его взглядъ, отвернулась и тихо сказала:

— Мамаша велѣла спросить, не нужно ли вамъ чего?..

Каншинъ поблагодарилъ,—ему ничего [illegible] впрочемъ, если можно—пусть ему дадутъ стаканъ [illegible].

Дѣвушка тотчасъ же вышла и черезъ нѣсколько [illegible] явилась съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ чаю, вазочка съ вареньемъ и корзинка съ печеньемъ. Поставивъ все это на столъ, она сказала:

— Меня зовутъ Агнія... Если что понадобится—кликните.

Она все еще не уходила, мялась, дѣлала видъ, что поправляетъ на столѣ скатерть и, наконецъ, спросила, конфузясь, поднявъ на него свои мечтающіе глаза:

— Васъ прислалъ къ намъ Сеня?..

Ея грудь высоко поднималась, и лицо было залито густой краской, подъ которой спрятались ея коричневыя веснянки; въ эту минуту она показалась Каншину хорошенькой въ своемъ стыдливомъ смущеніи. „Она такъ же чиста, какъ и Лида; но ея чистота уже тронута грезами; она, кажется, влюблена въ Сеню“...

Не ожидая отъ него отвѣта, она снова спросила, опустивъ глаза:

— Отчего онъ къ намъ не приходитъ?..

— Вы давно знаете Сеню?—въ свою очередь спросилъ Каншинъ.

— Они у насъ жили, въ прошломъ году, съ мамашей и сестрой. Занимали эту и сосѣднюю комнату, въ которой я теперь живу. Потомъ, когда выбрались, Сеня приходилъ къ намъ... часто... А теперь, вотъ уже мѣсяцъ, какъ не ходитъ.

Она подняла на него глаза, тронувшіе Каншина своимъ влажнымъ блескомъ и, снова опустивъ ихъ, какимъ-то звенящимъ голосомъ попросила:

— Пожалуйста... если увидите его, скажите, пусть придетъ.

Это былъ голосъ настоящаго, почти обнаженнаго чувства, котораго она не могла скрыть. Она сама поняла, что выдала себя Каншину, покраснѣла такъ, что у нея брызнули изъ глазъ слезы, и бросилась къ двери...

За стѣной тотчасъ же тихо зазвенѣла гитара, и [illegible] тоненькій, звенящій слезами, голосокъ [illegible]

Что такъ задумчиво, что такъ печально,
Другъ милый, головку склонила свою?
Иль въ часъ разлуки привѣтъ мой прощальный
Такъ убиваетъ всю душу твою?..

На минуту умолкли и гитара и голосъ, какъ-будто захлебнувшійся въ слезахъ; потомъ Агнія пропѣла, скорѣй—проплакала и еще двѣ строчки:

Нѣтъ, я не вѣрю въ твои увѣренья...
Ты мнѣ измѣняешь... ты мнѣ измѣнилъ...

Загудѣла всѣми струнами брошенная на диванъ или постель гитара и стало совсѣмъ тихо...

XX.

Каншинъ весь день просидѣлъ у себя въ комнатѣ. Его тянуло къ Лидѣ—и онъ боялся итти. Этотъ страхъ вызывала въ немъ мысль—увидѣть Лиду, не только ея лицо, глаза, но всю ее, теперь страшно желанную, съ ея нѣжнымъ тѣломъ, которое уже было неотдѣлимо для него отъ ея взгляда, улыбки, голоса. Онъ боялся своего чувственнаго влеченія къ ней, считая его низкимъ для себя, оскорбительнымъ для дѣвушки. Если бы онъ могъ подавить его въ себѣ, чтобы Лида ничего не замѣтила!..

Благодаря низкимъ окнамъ и рѣшеткамъ на нихъ—къ пяти часамъ у него уже было сумеречно; гулъ базара за окнами постепенно стихалъ, и рѣзко выдѣлялись отдѣльные голоса пьяныхъ и крики уличныхъ торговцевъ... Каншинъ лежалъ на своей кровати, глядя на окно, мимо котораго то и дѣло мелькали ноги прохожихъ—мужскія, женскія, дѣтскія, босыя, или въ старой, рваной обуви, или въ цѣлой, но грубой, какую носятъ рабочіе или мѣщане... Позднѣе за окномъ промелькнулъ изящно подобранный подолъ чернаго женскаго платья, изъ-подъ котораго выглянули маленькія ножки въ узенькихъ сѣрыхъ туфелькахъ и розовыхъ чулкахъ. Каншинъ даже приподнялся на постели отъ удивленія. Какъ эти ножки могли попасть въ этотъ районъ? Что нужно было ихъ об-

ладательницѣ въ этой улицѣ, кишащей пьяными, босяками, гдѣ на каждомъ шагу ее могли затронуть, оскорбить?.. Онъ вскочилъ съ постели и съ непонятнымъ волненіемъ бросился къ окну, раскрылъ его и высунулъ на тротуаръ голову...

Но на улицѣ уже никого не было; онъ долго с[illegible] въ одну и другую сторону, и вдругъ услыхалъ позади [illegible] чей-то голосъ; кто-то за дверью тихо спрашивалъ:

— Дома?..

Въ этихъ ножкахъ, мелькнувшихъ за окномъ, и въ этомъ голосѣ была какая-то связь, наполнившая все тѣло Каншина странной дрожью... Онъ открылъ дверь; въ темнотѣ за дверью онъ замѣтилъ только блескъ черныхъ глазъ изъ-подъ знакомой шляпы съ вѣнкомъ розъ. Онъ весь дрогнулъ, узнавъ Лиду, и отступилъ назадъ въ нѣмомъ замѣшательствѣ. Какъ она могла рѣшиться пойти къ нему одна, вечеромъ, по этимъ улицамъ?..

Лида вошла въ комнату и съ какимъ-то тихимъ недоумѣніемъ обвела глазами стѣны, посмотрѣла на раскрытое окно и потомъ на него. Въ сумеркахъ ея лицо казалось совсѣмъ бѣлымъ и глаза въ тѣни шляпы выглядѣли необыкновенно большими и грустно, глубоко ушедшими въ себя. Когда она заговорила—ея голосъ оказался чуть дрожащимъ, и что-то въ немъ тонко, едва замѣтно звенѣло, какъ и въ голосѣ Агніи, но скрытно, боязливо...

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросила она, все еще бѣгая по комнатѣ глазами:—Почему не пришли обѣдать?..

Каншинъ забылъ, что онъ не обѣдалъ; онъ даже не могъ объяснить, что онъ дѣлалъ въ своей комнатѣ весь день: кажется, лежалъ, курилъ, думалъ, смотрѣлъ въ окно. Онъ прибавилъ смѣясь:

— Такъ странно было увидѣть среди босыхъ и бѣдно одѣтыхъ ногъ чьи-то маленькія, изящныя ножки въ сѣрыхъ туфелькахъ и розовыхъ чулкахъ!..

Лида посмотрѣла на свои ноги, и, онъ тоже опустилъ на нихъ глаза: въ темнотѣ чуть бѣлѣли узенькіе носки ея туфель. Она тихо засмѣялась, и въ ея смѣхѣ былъ тотъ же

едва уловимый звонъ какого-то скрытаго чувства. По этому тону въ голосѣ онъ почувствовалъ, что она покраснѣла, и подумалъ съ какой-то тайной радостью: «Это были ея ножки!..»

Лида подошла къ окну, выглянула на улицу и, не оборачиваясь, сказала:

— Довольно вамъ сумерничать... Пойдемте, я васъ покормлю...

Но Каншину не хотѣлось ѣсть; имъ овладѣло какое-то странное возбужденіе, ему хотѣлось двигаться, говорить, смѣяться, даже пѣть. Мысли вихремъ вертѣлись у него въ головѣ: это были ея ножки, и она сама вотъ стоитъ у него въ комнатѣ, и говоритъ съ нимъ. А въ комнатѣ темно, и если бы онъ сейчасъ поцѣловалъ ее—никто не увидѣлъ бы. Но это страшно—поцѣловать дѣвушку ни съ того, ни съ сего!.. Что она подумаетъ о немъ?.. Ахъ, отчего у нея такъ звенитъ голосъ? Кажется, что и онъ весь налитъ этимъ звономъ и у него голова идетъ кругомъ!..

Онъ все же взялъ шляпу и пошелъ за Лидой. Онъ разсказывалъ по дорогѣ, какъ Агнія спрашивала его о Сенѣ, какъ у нея дрожалъ голосъ и подъ конецъ изъ глазъ брызнули слезы, и какъ она пѣла за стѣной и потомъ бросила гитару и затихла уже на весь день. Онъ смѣялся, хотя отъ души жалѣлъ дѣвушку, смѣялся не надъ ней, а потому что хотѣлось смѣяться, потому что въ груди и въ горлѣ что-то щекотало, и онъ чувствовалъ, что самъ становится похожъ на Агнію, и что у него тоже вотъ-вотъ брызнутъ слезы изъ глазъ... Лида шла съ опущенной головой, казалось, понимала его состояніе и какъ-будто боялась поднять на него глаза. Она тихо сказала, когда онъ умолкъ:

— Сегодня пріѣзжалъ Гилисъ...—и продолжала, словно повинуясь какому-то тайному желанію, говорить о чьей бы то ни было любви:—Онъ снова хотѣлъ о томъ же говорить со мной, но я убѣжала... къ вамъ... къ вамъ...

Каншину хотѣлось тутъ же на улицѣ опуститься къ ея ногамъ и цѣловать эти маленькія, сѣрыя туфельки и край платья,

изъ-подъ котораго они выглядывали такъ трогательно-наивно. Онъ смотрѣлъ на нихъ, съ глубокимъ волненіемъ, слѣдя ихъ неувѣренный шагъ, обрисовывавшій складками мягкой ткани колѣни дѣвушки и какъ бы дразнившій его этими узенькими носками и шуршащей волной шелка и кружевъ нижней юбки, подобранной сбоку вмѣстѣ съ платьемъ...

— Онъ просилъ поѣхать съ нимъ завтра на бой цвѣтовъ,—говорила Лида, взглянувъ на него и тотчасъ же боязливо отведя глаза въ сторону:—Мнѣ было ужасно непріятно!..

Но Каншинъ улыбался. Какое ему дѣло до какого-то Гилиса?.. Лида нетерпѣливо передернула плечами.

— Что мнѣ дѣлать?—ея голосъ вдругъ зазвенѣлъ слезами:—Мама боится, что изъ-за меня онъ откажетъ Сенѣ отъ должности. Она постоянно плачетъ...

Помолчавъ немного, дѣвушка рѣшительно прибавила, упрямо откинувъ назадъ голову:

— Я все-таки не поѣду!..

И вдругъ улыбнулась—такъ свѣтло, что, казалось, даже тѣнь подъ ея шляпой на мгновенье растаяла отъ ея просіявшихъ глазъ. Каншинъ снялъ шляпу и, растерянно улыбаясь, провелъ рукой по волосамъ. Его пальцы дрожали, и онъ весь былъ налитъ этой теплой томительной дрожью...

Они подошли къ дому, гдѣ жила Лида; пропустивъ впередъ дѣвушку. Каншинъ вошелъ за ней въ калитку. Въ глубокой аркѣ воротъ было темно, онъ не разсчиталъ своихъ шаговъ и въ темнотѣ наткнулся на Лиду. Она почему-то остановилась и тихо спросила съ легкимъ испугомъ въ голосѣ:

— Что вы?..

Каншинъ вздрогнулъ отъ прикосновенія къ ея платью руками и оттого, что она испугалась этого неожиданнаго прикосновенія. Неловко шаря въ темнотѣ, онъ нашелъ, наконецъ, ея руки и, держа ихъ, наступалъ на нее, растерянно повторяя:

— Лида... Лида...

Дѣвушка старалась высвободить свои руки и тоже

дрожала и все такъ же испуганно, упавшимъ голосомъ, спрашивала:

— Что вы?.. Что вы?..

Она забилась, какъ пойманная птица, отталкивая его руками, отворачивая отъ него лицо, умоляя:

— Пустите!.. не надо!.. Ради Бога!..

Каншинъ выпустилъ ея руки и взялъ ея голову въ свои ладони. Теперь она не могла отвести отъ поцѣлуя свои губы — его усы уже касались ихъ. Она уронила руки и съ тихимъ стономъ, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, приняла первое прикосновенiе его губъ къ своимъ губамъ...

Со двора доносился гулъ голосовъ, пѣнiя, звуки рояля, мандолины; звенѣли, раскрываясь, оконныя рамы, хлопали двери... Кто-то быстро шелъ по двору и неожиданно вступилъ въ темную арку воротъ. Каншинъ и Лида прижались къ стѣнѣ и замерли, затаивъ дыханiе... Въ калиткѣ мелькнулъ чей-то темный силуэтъ и скрылся за воротами на улицѣ...

Каншинъ опустился на землю и прижался лицомъ къ Лидинымъ колѣнямъ; съ его головы свалилась шляпа, и онъ почувствовалъ на своихъ волосахъ теплую руку дѣвушки, ощутилъ тихую, едва уловимую ласку...

Онъ съ горячей благодарностью цѣловалъ ея платье...

Въ столовой уже горѣла лампа; когда они вошли—оба смущенные и даже немного подавленные случившимся. Глаза Лиды были полны слезъ; она казалась потрясенной и какъ будто недоумѣвала: дѣйствительно ли это случилось съ ней?.. Слезы побѣжали у нея по щекамъ. Она улыбнулась Каншину, какъ-будто оправдываясь: это такъ, отъ счастья. И не вытирала слезъ...

Мать испуганно спрашивала ее:

— Что съ тобой? Лида?..

И смотрѣла въ недоумѣнiи на Каншина, который тоже улыбался съ полными слезъ глазами... Вдругъ старуха, угадавъ чутьемъ женщины, всплеснула руками:

— Неужели, Лидочка?..

Лида, улыбаясь и плача, кивнула головой и отвернулась, вся розовая отъ смущенiя...

XXI.

Лида только что вернулась изъ библіотеки въ сопровожденіи Каншина, какъ пріѣхалъ Гилисъ. Экспортеръ былъ принаряженъ—въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, съ подвернченными внизу брюками и открытымъ жилетомъ, надъ которымъ болтался пестрый легкій галстукъ, въ лакированныхъ туфляхъ и блестящемъ цилиндрѣ. Онъ былъ сильно возбужденъ, красенъ, обливался потомъ и безпрерывно вытиралъ лицо и шею краснымъ шелковымъ платкомъ... Поцѣловавъ Лидѣ руку, онъ смѣрилъ Каншина презрительно прищуренными глазами и процѣдилъ сквозь зубы:

— А, и вы здѣсь!..

И зашевелилъ своими по-тараканьи торчащими усами съ видомъ крайняго недовольства... Поставивъ на столъ свой цилиндръ, онъ сѣлъ, не дожидаясь приглашенія, развалившись, закинувъ ногу на ногу и запустивъ руку въ боковой карманъ, чтобы достать портсигаръ... Лида съ тонкой усмѣшкой, однимъ уголкомъ глазъ, переглянулась съ Каншинымъ и закусила губу, чтобы не засмѣяться...

Закуривъ папиросу, грекъ пренебрежительно сказалъ Каншину:

—Черезъ мѣсяцъ вы можете притти ко мнѣ. Будетъ работа...

Сказавъ это, онъ отвернулся отъ Каншина, словно желая дать понять, что ему здѣсь дѣлать больше нечего и обратился къ Лидѣ, осматривая ее съ ногъ до головы:

— Вы не готовы?... Нужно поторопиться...—онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана большіе золотые часы и поднесъ ихъ къ своимъ близорукимъ глазамъ:—Сейчасъ половина шестого, а начало ровно въ шесть...

Лида потупилась, едва сдерживая дергавшую ея губы усмѣшку, и тихо сказала:

— Я не поѣду...

Экспортеръ вскочилъ со стула, какъ ужаленный. Лицо его стало еще краснѣе и усы поднялись совсѣмъ торчкомъ.

— Почему вы не поѣдете?..

Лида пожала плечами.

— У меня гость... Я не могу его оставить...

Экспортеръ бросилъ на Каншина негодующій взглядъ и дѣланно засмѣялся.

— Ну, если только въ этомъ дѣло—то это пустяки!.. Молодой человѣкъ вамъ извинитъ. Онъ придетъ къ вамъ завтра...

Каншинъ смущенно сказалъ:

— Я могу уйти...

— Конечно!—подхватилъ грекъ снисходительно трепля его по плечу:—Онъ же понимаетъ, что такой исключительный случай...

— Мнѣ не хочется ѣхать!—проговорила Лида, вспыхнувъ до корней волосъ и съ упрекомъ глядя на Каншина:— Я хочу, чтобы вы остались!..

Гилисъ пыхтѣлъ, отдуваясь, усиленно вытирая свою красную шею за высокимъ твердымъ воротникомъ сорочки, видимо, невыразимо мучившимъ его. Усы его угрожающе шевелились, глаза наливались кровью. Онъ смотрѣлъ на Лиду почти съ такою же ненавистью, какъ и на Каншина, начиная уже подозрѣвать какой-то заговоръ противъ него, и наконецъ, не выдержалъ и прорвался съ грубостью коммерсанта, привыкшаго все сводить къ денежнымъ расчетамъ:

— Я нанялъ моторъ, купилъ цвѣты!... Что я съ ними буду теперь дѣлать?.. Наконецъ, можно взять и господина Каншина, если ужъ иначе нельзя!.. Въ глазахъ Лиды блеснулъ лукавый огонекъ и она бросила на Каншина быстрый, выразительный взглядъ:

— Вы поѣдете?

— Разумѣется, поѣдетъ!—отвѣтилъ за него экспортеръ:— Даже странно спрашивать!..

Каншину было неловко и смѣшно; грекъ, конечно, ничего не зналъ о томъ, что произошло между нимъ и Лидой, и велъ себя такъ, словно уже имѣлъ какія-то права на дѣвушку, не подозрѣвая, что этими правами обладалъ другой. Каншинъ испытывалъ невольное чувство превосходства надъ

экспортеромъ и готовъ былъ простить ему даже самую буую выходку...

Лида ушла въ спальню одѣваться, притворивъ за со дверь, Каншинъ занялся разсматриваньемъ альбома се ныхъ фотографій, а грекъ долго возбужденно ходилъ комнатѣ, все еще отдуваясь и вытирая уже соверше мокрымъ платкомъ лобъ и шею... Изъ спальни доносился хій шопотъ и смѣхъ Лиды, разговаривавшей съ матерью...

Экспортеръ вдругъ остановился передъ Каншинымъ сердито вытаращенными глазами и тихо, злобно сказалъ:

— Уберетесь ли вы когда-нибудь къ чорту?..

Каншинъ растерялся отъ неожиданности этого вопр не зная, какъ принять его — въ шутку или въ серьезъ только смущенно улыбнулся... Гилисъ снова заходилъ по комнатѣ, ворча что-то себѣ подъ носъ...

Лида вышла въ своемъ бѣломъ, похожемъ на облако платьѣ, въ шляпѣ и длинныхъ, выше локтей, бѣлыхъ пер чаткахъ. Между короткимъ рукавомъ платья и краемъ пер чатки оставалась открытой около плеча узенькая, наподобі браслета, розовая съ голубой жилкой полоска руки. Каншин отвелъ глаза въ сторону, замѣтивъ, что экспортеръ смотрѣлъ на этотъ кусочекъ дѣвичьяго тѣла съ противной, сластолюби вой жадностью...

Лида всплеснула руками, увидѣвъ ожидавшій ихъ на улицѣ автомобиль, убранный весь, съ колесами и кузовомъ со всѣхъ сторонъ, бѣлыми розами, лиліями, маргаритками цвѣтами акацій, ландышемъ. Это былъ какой-то фантасти тескій, сказочный свадебный экипажъ для самой невиннѣй шей изъ королевъ!.. Лида даже порозовѣла отъ восхищені и волненія, охватившаго ее при видѣ этой чудесной машині какъ-будто сдѣланной изъ однихъ цвѣтовъ и предназначенн для брачнаго кортежа... Каншинъ поймалъ ея стыдливо по меркшій подъ рѣсницами взглядъ и, понявъ взволновавшее ее чувство, самъ въ глубокомъ, радостномъ волнен потупился...

Гилисъ открылъ дверцу автомобиля, пригл... Лид...

Дѣвушка поставила было ногу на подножку, но, увидѣвъ, что автомобиль двухмѣстный, тотчасъ же отошла, сказавъ:

— Я лучше сяду съ шофферомъ...

Экспортеръ побагровѣлъ.

— Это неприлично—дамѣ сидѣть съ шофферомъ!... Тамъ сядетъ молодой человѣкъ!..

Лида упрямо качала головой:

— Намъ лучше остаться... Я не подумала...

Она не хотѣла сидѣть рядомъ съ Гилисомъ и не могла допустить, чтобы Каншинъ занималъ мѣсто, предоставляемое обыкновенно лакею...

Грекъ выходилъ изъ себя. Онъ весь дрожалъ въ негодованіи и, казалось, если бы могъ—разорвалъ бы Каншина на клочки...

Съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ онъ схватилъ за руку Каншина и потащилъ его къ автомобилю:

— Садитесь же, наконецъ!—сказалъ онъ, хрипя отъ бѣшенства, толкая его на мѣсто, гдѣ долженъ былъ сидѣть самъ:

— И вы!—онъ потащилъ за руку и Лиду:—Впереди сяду я!..

Дѣвушка пробовала протестовать, но грекъ не хотѣлъ больше ничего слушать и почти насильно втолкнулъ ихъ въ автомобиль. Захлопывая дверцу, онъ сказалъ, съ явнымъ намѣреніемъ уколоть Лиду:

— Совсѣмъ какъ женихъ и невѣста!..

Лида засмѣялась и, покраснѣвъ, сказала:

— Мы, въ самомъ дѣлѣ, женихъ и невѣста!..

Лицо грека изъ круглаго вдругъ стало длиннымъ и мгновенно перемѣнило красный цвѣтъ на зеленый. Даже усы его какъ-то сразу опустились, придавъ его лицу видъ крайней растерянности и недоумѣнія.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ съ кривой, кислой усмѣшкой.—Поздравляю!..

И вдругъ, бросившись къ шофферу, во все горло злобно заоралъ:

— Трогай!...

Машина загудѣла, затрещала, качнулась назадъ, рван… впередъ и. словно сорвавшись съ державшихъ ее цѣ… быстро, плавно понеслась по улицѣ. Мимо Каншина и Л… мелькнуло искаженное злобой лицо оставшагося на тротуарѣ экспортера...

XXII.

Первыя нѣсколько минутъ было непріятно, и они оба молчали, растерявшись отъ такого неожиданнаго оборота дѣла. Но быстрая ѣзда по залитымъ вечернимъ солнцемъ улицамъ, прохладный, обвѣвавшій ихъ лица вѣтеръ, поднимавшійся по обѣимъ сторонамъ машины отъ ея стремительнаго движенія, и сладкій, возбуждающій ароматъ цвѣтовъ, въ которыхъ утопали ихъ ноги до колѣнъ—скоро сгладили впечатлѣніе непріятной сцены и заставили ихъ забыть о злосчастномъ экспортерѣ. Они сидѣли плечо къ плечу, затаивъ дыханіе, глубоко притихшіе отъ счастья этого неожиданнаго приключенія, дѣйствительно, походившаго на сказочное, ...дебное путешествіе въ фантастической, самодвижущейся каретѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ...

Каншинъ видѣлъ сбоку розовую, дѣтски округлую щеку дѣвушки и надъ ней—черные волосы, изъ-подъ которыхъ выглядывалъ кончикъ маленькаго ушка съ бирюзой висѣвшей въ немъ серьги; опуская глаза ниже, онъ проникалъ взглядомъ въ неглубокій разрѣзъ платья около шеи, гдѣ чуть намѣчалась верхняя часть груди.

Онъ наклонялся къ ея плечу, осторожно, слегка касался губами ея руки между перчаткой и рукавомъ платья—и это прикосновеніе, вызывая въ немъ горячую дрожь, все же какъ-будто оставалось чистымъ, благоговѣйнымъ, … святымъ въ своемъ таинственномъ трепетѣ настоящей, … человѣческой любви...

Лида выбрала изъ лежащихъ у ея кол… распустившійся бутонъ розы и, вдѣвая ему …

склонила голову на бокъ и смотрѣла на него, улыбаясь—той особенной улыбкой, въ которой любящая женщина умѣетъ отдаваться вся, полно и беззавѣтно. Ея глаза, затѣненные полями шляпы, влажно сіяли, прозрачные до дна, и этимъ сіяніемъ было озарено все ея нѣжное, юное существо, отъ котораго вѣяло такой же свѣжестью и благоуханіемъ, какъ и отъ окружавшихъ его цвѣтовъ... Каншину казалось, что они летятъ надъ землей въ какомъ-то чудесномъ снѣ, и улицы, по которымъ мчался автомобиль, какъ-будто проносились гдѣ-то глубоко внизу, подъ ними, оставляя впечатлѣніе какихъ-то, золотящихся отъ солнца, туманныхъ, дрожащихъ миражей...

Примыкавшая къ парку широкая, свѣтлая улица, куда, замедливъ ходъ, въѣхалъ автомобиль—кишѣла каретами, моторами, экипажами, колясками, убранными цвѣтами и зеленью, декорированными коврами и цвѣтными шелкомъ, атласомъ и бархатомъ. Сидѣвшія въ нихъ нарядныя, въ свѣтлыхъ бальныхъ платьяхъ, дамы и по бальному же одѣтые мужчины, утопали въ цвѣтахъ. Гдѣ-то игралъ духовой оркестръ, спрятанный въ деревьяхъ парка, и подъ музыку вереницы экипажей, каретъ и автомобилей медленно двигались взадъ и впередъ, а сидящіе въ нихъ перебрасывались цвѣтами—одни лѣниво, или снисходительно, или серьезно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, другіе по-дѣтски весело, со смѣхомъ, или ожесточенно, обращая эту забаву въ настоящій бой, швыряя цвѣты съ силой, стараясь угодить ими противнику прямо въ лицо... Стоявшая стѣной съ обѣихъ сторонъ на тротуарахъ публика также принимала въ битвѣ дѣятельное участіе, подбирая съ земли пыльные, грязные цвѣты и, къ негодованію настоящихъ участниковъ боя, бросая ихъ въ нарядныхъ дамъ, оставляя на ихъ блестящихъ свѣтлыхъ туалетахъ грязныя пятна. Между каретами и автомобилями шныряли мальчишки, тоже подбиравшіе съ земли цвѣты и тутъ же продававшіе ихъ тѣмъ, у кого изсякалъ запасъ... Въ воздухѣ стоялъ безпрерывный гулъ говора, смѣха, визга, треска автомобилей, музыки; пахло прибитой водой пылью,

цвѣтами, духами, нагрѣтой листвой деревьевъ и теплой влажностью моря, широко и густо дышавшаго за паркомъ...

Бой былъ уже въ полномъ разгарѣ. Цвѣты летѣли со всѣхъ сторонъ. Многіе дрались стоя, изогнувшись и закрывая одной рукой лицо. Въ Каншина и Лиду попало нѣсколько цвѣтовъ, и они, смѣясь, стали отвѣчать. Рядомъ съ ними медленно подвигалось огромное ландо, все сплошь засыпанное незабудками, изъ котораго, изъ-за груды цвѣтовъ, кто-то весело крикнулъ:

— Лидочка!.. Вотъ хорошо!..

И вслѣдъ за этимъ на Лиду посыпался цѣлый градъ незабудокъ, ландышей, розъ, анютиныхъ глазокъ, флоксовъ. Лида закрыла лицо руками и, смѣясь, кричала:

— Кто это?.. Господи!.. Перестаньте!.. Не могу!..

— Это я!..—кричалъ изъ ландо тоненькій женскій голосокъ, и ему со смѣхомъ вторили три мужскихъ голоса:

— Это я!.. Это я!.. Это я!..

И на Лиду продолжалъ сыпаться пестрый цвѣточный дождь...

На голубое ландо кто-то напалъ съ другой стороны, и оттуда стали отвѣчать, оставивъ Лиду и давъ ей, наконецъ, возможность поднять голову и осмотрѣться. Она увидѣла Рину, въ украшенной свѣжими незабудками шляпѣ и въ голубомъ, цвѣта незабудокъ же, платьѣ. Ея дѣтски круглыя щеки пылали, глаза сверкали такъ, какъ-будто были налиты синимъ пламенемъ, чувственныя, ярко красныя губы безпрерывно смѣялись, раскрываясь и обнажая мелкіе, блестящіе зубы... Съ ней въ ландо сидѣли уже знакомые Каншину студенты Дерновъ и Фликке и дегенератъ Виневичъ. Всѣ трое не спускали глазъ съ Рины и подавали ей цвѣты съ торопливой влюбленной готовностью, стараясь опередить одинъ другого...

Каншинъ взглянулъ на Рину и потомъ на нихъ—и ему стало непріятно, что эта красивая дѣвушка находится въ ихъ обществѣ, что они смотрятъ на нее такими жадными, влюбленными глазами, что она, беря у нихъ цвѣты, касается

своими пальцами ихъ рукъ. Это было чувство, похожее на ревность, и онъ самъ удивился, поймавъ себя на немъ. „Я люблю Лиду", думалъ онъ: „какое мнѣ дѣло до всѣхъ остальныхъ женщинъ въ мірѣ, которыхъ жизнь проводитъ передъ моими глазами!.." Но онъ чувствовалъ, что, любя Лиду, онъ все же не можетъ равнодушно проходить мимо другихъ красивыхъ женщинъ, изъ которыхъ каждая хороша по-своему, каждая имѣетъ свой собственный ароматъ, свою прелесть, свое очарованіе. Въ каретахъ, автомобиляхъ, экипажахъ сидѣли нарядныя, юныя, красивыя женщины, съ черными, золотыми, каштановыми, рыжими волосами, съ глазами разныхъ цвѣтовъ, съ цвѣтомъ лица различныхъ оттѣнковъ, съ различной манерой сидѣть, говорить, смотрѣть, улыбаться. Каждая любитъ по-своему, по-своему цѣлуетъ, ласкаетъ, отдается; у каждой, при всемъ однообразіи формъ—иное тѣло, дающее иное, новое, еще неиспытанное наслажденіе. Всѣ онѣ кому-то принадлежатъ или будутъ принадлежать, и онъ, Каншинъ, не только не будетъ обладать ими, но даже, можетъ быть, никогда ихъ больше не увидитъ, и ихъ красота, юность, благоуханіе, очарованіе пропадутъ для него такъ же, какъ пропадаютъ образы сновидѣній, оставляющіе только смутныя неопредѣленныя ощущенія...

XXIII.

На Рину со всѣхъ сторонъ сыпались цвѣты. Она стояла въ ландо, нагнувъ голову, громко хохоча, закрывая лицо руками, поворачиваясь во всѣ стороны, чтобы уклониться отъ этого благоухающаго дождя цвѣтовъ. Наконецъ, въ изнеможеніи, опустилась на свое мѣсто, откинувшись на спинку сидѣнья, закрылась широкимъ голубымъ вѣеромъ, продолжая хохотать и кричать:

— Довольно!.. Пощадите!..

Каншинъ отвелъ отъ нея глаза и, какъ будто продолжая вслухъ думать о томъ же, сказалъ, сжимая пальцы дѣвушки:

— Если бы я не зналъ васъ маленькой дѣвочкой—я никогда не зналъ бы васъ. Вы не существовали бы для меня, какъ не существуютъ всѣ эти женщины...

Лида удивленно посмотрѣла на него, сжала брови и, подумавъ, серьезно сказала:

— Я вѣрю въ судьбу... Каждый находитъ то, что долженъ найти... Когда я узнала отъ Сени, что вы здѣсь—я почувствовала, что въ этомъ есть что-то отъ судьбы... И съ того дня жила въ какомъ-то непонятномъ, безпрерывномъ волненіи... Даже плакала... Это не могло быть иначе...

Ея губы задрожали; она подняла на него повлажнѣвшіе, грустные глаза и сказала совсѣмъ тихо:

— Даже то, что вы... съ Ренати... нужно было...

Она еще что-то прибавила, но Каншинъ не разслышалъ ея послѣднихъ словъ: внезапно раздался какой-то оглушительный взрывъ криковъ, аплодисментовъ; поднялось необычайное оживленіе—всѣ экипажи, кареты, автомобили и вся пышная публика на тротуарахъ устремились въ одну сторону, словно охваченные какимъ-то безуміемъ или паническимъ страхомъ... Каншинъ приподнялся съ мѣста и посмотрѣлъ въ ту сторону: оттуда, прямо на нихъ, двигалось ландо, все красное отъ густо облѣпившихъ его розъ, которыми были украшены и колеса, и дышла, и вся упряжь на лошадяхъ, казавшихся запряженными въ гирлянды изъ розъ. Въ ландо стояла женщина въ огненно-красномъ платьѣ, сильно декольтированная, съ обнаженными плечами и руками, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ. Карета до верху была наполнена красными розами, въ которыхъ женщина утопала по колѣна; она лишь слегка нагибалась, чтобы брать цвѣты, которые бросала во всѣ стороны... Ландо и лошади были въ тѣни, но женщина вся горѣла, какъ снопъ краснаго пламени, въ послѣднихъ лучахъ солнца, падавшихъ на нее изъ-за деревьевъ парка. И ослѣпительно сверкала золотая нагота ея плечъ, рукъ, груди...

Позади нея сидѣлъ мужчина—въ цилиндрѣ, въ бѣломъ костюмѣ. Каншинъ узналъ въ немъ Гилиса и въ красной жен

...ъ—Ренати. У него подогнулись колѣни и онъ, въ глубо...ъ волненіи, опустился на свое мѣсто...

Кто-то около нихъ взволнованно сказалъ:

— Ренати!.. Смотрите, это Ренати!..

Лида быстро поднялась, и Каншинъ почувствовалъ, какъ задрожала ея рука, которой она придерживалась за его плечо. Она впилась глазами въ красное ландо, сразу сдѣлавшееся центромъ всего движенія и всеобщаго вниманія...

Со всѣхъ сторонъ сыпались на Ренати цвѣты густымъ дождемъ, которому не предвидѣлось конца. Ренати, улыбаясь, спокойно, съ какимъ-то царственнымъ величіемъ, поднимая и опуская свои тонкія, золотистыя руки, бросала розы направо и налѣво, не уклоняясь отъ летѣвшихъ на нее цвѣтовъ, даже какъ-будто нарочно подставляя подъ ихъ дождь свою грудь, плечи, лицо, голову... У Гилиса задорно торчали усы, и сидѣлъ онъ, развалясь, позади пѣвицы съ такимъ гордымъ, побѣдоноснымъ видомъ, словно всѣ эти знаки восхищенія и восторга относились не къ ней, а только къ нему...

Ренати, казалось, еще издали узнала Лиду. Улыбка вдругъ погасла на ея губахъ, она выпрямилась и какъ-будто вся напряглась въ нервномъ ожиданіи, не спуская съ дѣвушки горячо заблестѣвшихъ глазъ. Поравнявшись, она замерла съ поднятымъ въ рукѣ пучкомъ розъ; ея горячій взглядъ на мгновеніе скрестился съ испуганнымъ взглядомъ Лиды, и лицо пѣвицы какъ-будто покрылось тѣнью и стало некрасивымъ отъ опустившихся книзу угловъ рта. Она вдругъ усмѣхнулась кривой, злой усмѣшкой и опустила глаза на Каншина, сидѣвшаго съ опущенной головой. Почувствовавъ на себѣ ея взглядъ, онъ безпокойно забѣгалъ по сторонамъ глазами въ мучительномъ желаніи избѣжать встрѣчи съ ея взглядомъ — и невольно, словно загипнотизированный ею, поднялъ голову и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза...

Ея темные зрачки зажглись, расширились, засіяли такъ ярко, что становилось почти невыносимо смотрѣть на нихъ, отъ нихъ какъ-будто исходило проникавшее въ него и разливавшееся по его тѣлу горячее пламя. Она кивнула ему го-

ловой, и ея зубы снова блеснули веселой, широкой улыбкой.
Она взмахнула рукой съ пучкомъ розъ,—и влажный, [illegible]
ударъ цвѣтами оставилъ на его щекѣ холодокъ и с[illegible]
запахъ лепестковъ розы... и она проѣхала дальше...

Провожая глазами Ренати, Каншинъ вдругъ замѣтилъ,
она бросила цвѣты какимъ-то новымъ жестомъ—небрежнымъ
и вмѣстѣ негодующимъ, какимъ бросаютъ подачку надоѣвшей собакѣ—и увидѣлъ Сеню, опрометью бросившагося съ тротуара на мостовую. Онъ поймалъ цвѣты на лету, уронивъ съ головы шляпу, и держа ихъ въ обѣихъ ладоняхъ, нагнулся и прижался къ нимъ лицомъ. Потомъ выпрямился и посмотрѣлъ вслѣдъ Ренати съ дикимъ видомъ сумасшедшаго или пьянаго человѣка...

— Поѣдемъ домой...—упавшимъ голосомъ сказала Лида, опустившись на свое мѣсто...

Ея руки дрожали и нервно дергались губы. Она вдругъ наклонилась и подобравъ у ногъ красныя розы, брошенныя пѣвицей, выкинула ихъ на мостовую. Потомъ долго брезгливо вытирала платкомъ руку...

Ихъ обогнало голубое ландо Рины. Дѣвушка, перегнувшись къ нимъ, крикнула:

— Домой!.. Къ намъ!..

XXIV.

Солнце зашло. Каншинъ и Лида возвращались въ сумеркахъ. Теплый воздухъ улицъ, наполненный тихимъ жужжаніемъ голосовъ, вырывавшихся изъ раскрытыхъ оконъ, запахъ цвѣтовъ, украшавшихъ автомобиль, и волнующая близость дѣвушки, молчаливо прижавшейся къ его плечу, вмѣстѣ съ впечатлѣніями этого дня сливались въ какую-то горячую музыку, струившуюся въ крови густымъ, раздражающимъ звономъ... Онъ наклонился и сталъ осыпать поцѣлуями руки Лиды и платье на ея колѣняхъ. Онъ былъ весь налитъ горячимъ ядомъ—чувствомъ женщины и терялъ разсудокъ отъ прикосновенія къ ея рукамъ и платью...

Дѣвушка испуганно и смущенно прикрыла руками свои колѣни, защищая ихъ отъ его поцѣлуевъ,—и отдергивала назадъ руки, къ которымъ тотчасъ же жадно прилипали его горячія губы. Она наклонилась къ нему и взволнованно, со слезами на глазахъ, просила:

— Перестаньте... Успокойтесь...

И вдругъ сама взяла его руку и прижалась къ ней губами...

Автомобиль остановился у подъѣзда дома, гдѣ жила Рина... Каншину пришлось отдать за автомобиль двѣ трети своихъ сбереженій; онъ машинально отсчиталъ деньги и отдалъ ихъ шофферу, торопясь пойти за Лидой, уже вошедшей въ подъѣздъ... Нагнавъ ее на лѣстницѣ, онъ взялъ ея руку, остановилъ ее и, заглянувъ ей въ лицо, тихо, какъ-то изъ глубины сердца, сказалъ:

— Я люблю тебя... Лида!..

Въ первый разъ онъ сказалъ ей о своей любви и въ первый разъ обратился къ ней на ты. Онъ повторилъ, гдѣ-то глубоко внутри себя наслаждаясь этимъ звукомъ:

— Тебя...

Это коротенькое и такое странное и милое слово было какимъ-то внезапнымъ откровеніемъ близости, нашедшей себѣ, наконецъ, выраженіе, символомъ любви, открывающимъ одну изъ запретныхъ дверей, за которыми таинственно заключено ея великое чудо—обладаніе любимымъ существомъ...

Въ какомъ-то полузабвеніи, держа Лиду за руки и погружаясь взглядомъ въ ея, какъ-будто разверзшіеся для него до дна, глаза, онъ тихо, проникновенно спрашивалъ:

— Ты любишь меня?.. Любишь меня ты?..

И дѣвушка блѣдная, и глубоко затихшая въ неожиданномъ постиженіи тайны близости, открывавшейся въ этомъ, какъ-будто совершенно новомъ для нея, до сихъ поръ не слышанномъ ею, словѣ, беззвучно шевелила губами, словно училась произносить его и всѣмъ своимъ существомъ прислушивалась къ его звуку и къ вызываемому имъ въ ней томительно сладкому ощущенію страха и радости... Ея руки чуть дрожали, грудь почти не дышала, она была словно во снѣ и

смотрѣла въ его глаза какъ-бы глазами самой души, внезапно обнажившейся передъ лицомъ любви...

Но вотъ—ея щеки покрылись нѣжной розовой краской, и она, смущенно, стыдливо улыбаясь, тихо сказала:

— Только при другихъ... не говори—ты...

Внизу съ шумомъ раскрылась дверь и послышался топотъ нѣсколькихъ паръ ногъ, сопровождаемый громкимъ женскимъ смѣхомъ и мужскими голосами. Лида, обернулась и увидѣла поднимавшуюся по лѣстницѣ Рину и за ней—двухъ студентовъ и Виневича. Рина еще снизу закричала:

— У насъ сегодня вечеръ съ большимъ сюрпризомъ!.. Сейчасъ не скажу!..

Но поравнявшись съ Лидой, она подхватила ее подъ руку и, увлекая за собой, что-то быстро, горячо зашептала. Отставшій отъ нихъ Каншинъ замѣтилъ только, что Лида вдругъ замедлила шаги, какъ-будто внезапно лишилась силъ. Она безпокойно оглянулась на него—и онъ испугался блѣдности, залившей ея лицо. Стараясь замаскировать охватившее ее безпокойство, она улыбнулась ему блѣдной, страдальческой улыбкой...

Въ передней, помогая ей снять шляпу, онъ тихо спросилъ:

— Что съ тобой?..

Дѣвушка коснулась его руки холодными пальцами и, неожиданно вспыхнувъ, горячо шепнула:

— Ничего... Только ты люби меня!.. О д н у меня!.. Что бы ни случилось!..

Въ гостиной, по обыкновенію, было темно, и Рина со своими спутниками сразу потонули въ темнотѣ огромной залы, въ одномъ изъ угловъ которой тотчасъ же загремѣлъ рояль и кто-то сладкимъ теноромъ запѣлъ:

Растворилъ я окно,—стало думать невмочь,—
Опустился предъ нимъ на колѣни...

Лида, держа Каншина за руку, тихонько шла куда-то въ темноту, увлекая его за собой. Вотъ она остановилась, сѣла и потянула его къ себѣ. Онъ опустился рядомъ съ ней на

диванъ и почувствовалъ около своего лица ея горячее дыханіе. Она снова тихо сказала:

— Только меня одну! Слышишь?..

Это было странно и начинало Каншина безпокоить. Онъ нащупалъ на диванѣ ея руку и сжалъ ее, спросивъ шопотомъ:

— Что должно случиться? О чемъ ты говоришь?..

Его лица коснулись холодные пальцы дѣвушки, тихо скользнули по его лбу, глазамъ и остановились на губахъ. Онъ неслышно поцѣловалъ ихъ—и тогда, словно испугавшись, они отклонились въ темноту, и онъ почувствовалъ ихъ на своей головѣ. Они скользили по его волосамъ едва ощущаемымъ прикосновеніемъ, и онъ замеръ, отдаваясь этой первой нѣжной ласкѣ, на какую рѣшилась дѣвушка...

А теноръ сладко, упиваясь своими собственными звуками, заливался въ глубокомъ мракѣ гостиной:

И въ окно мнѣ пахнула весенняя ночь
Благовоннымъ дыханьемъ сирени...

Рука Лиды упала, и онъ самъ потянулся къ ней. Дѣвушка откинулась на спинку дивана, и онъ наткнулся лицомъ на ея ладони, которыми она какъ-будто защищалась отъ него. Онъ поцѣловалъ ихъ, тихо отвелъ въ сторону и приникъ губами къ кружеву ея платья на груди, вздымавшемуся частымъ, взволнованнымъ дыханьемъ... Лида выскользнула изъ его рукъ и нырнула куда-то въ темноту...

Пѣніе умолкло. Около рояля шелъ тихій разговоръ; Каншинъ не вслушивался и съ волненіемъ ждалъ возвращенія Лиды...

Вдругъ кто-то прошелъ около него, пахнувъ ему въ лицо слабымъ вѣтромъ, тронувъ его колѣни платьемъ. Онъ протянулъ руки—и почувствовалъ подъ пальцами легкую ткань женскаго платья.

— Пустите... Кто это?..—услыхалъ онъ тихій, испуганный шопотъ:—Пустите...

Холодные пальцы цѣплялись за его руки, стараясь оторвать ихъ отъ платья; онъ соединилъ руки за таліей, сильно

потянулъ къ себѣ—и въ его ноги уперлись мягкія женскія колѣни. Нѣсколько мгновеній продолжалась борьба—молчаливая, съ затаеннымъ дыханіемъ... Вдругъ снова загремѣлъ рояль какую-то бравурную ритурнель; дѣвушка въ его рукахъ забилась, затрепетала и подъ давленіемъ его рукъ какъ-то сразу опустилась внизъ. Его лица коснулась нѣжная, атласистая щека, и онъ уловилъ уже знакомое ему, очаровательное движеніе головы, которымъ Лида, когда онъ цѣловалъ ее въ первый разъ, отводила свое лицо отъ его губъ. Онъ взялъ, какъ и тогда, въ свои ладони ея голову и овладѣлъ ея сжатыми губами, за которыми замеръ тихій стонъ стыдливаго страха...

Но тутъ Каншинъ вдругъ услыхалъ голосъ Лиды, раздавшійся въ томъ углу, гдѣ гремѣлъ рояль; она пѣла арію Карменъ:

Любовь свободна и горда...

Кто же былъ у него въ рукахъ? Кого онъ поцѣловалъ?. Въ гостиной были только двѣ дѣвушки,—если это не Лида, то, значитъ, Рина?.. Теперь онъ узналъ полныя губы Рины, ощутилъ иной, чѣмъ у Лиды, запахъ духовъ и почувствовалъ подъ своими пальцами болѣе круглыя, чѣмъ у Лиды, щеки и болѣе пушистые волосы....

Дѣвушка вырвалась изъ его рукъ и пропала въ темнотѣ...

XXV.

Въ передней послышались голоса,—Лида умолкла, замолчалъ и рояль. Сначала раздался мужской голосъ, потомъ женскій, низкій, грудной, съ горячими, нервно вибрирующими нотками. У Каншина дрогнуло сердце при звукахъ этого голоса...

Въ залѣ вдругъ зажглись всѣ электрическія лампы. Рина побѣжала къ двери. Она мелькомъ взглянула на Каншина,— и ея лицо вспыхнуло горячимъ румянцемъ. Она догадалась, кто поцѣловалъ ее въ темнотѣ. Въ ея взглядѣ, брошенномъ

на него на ходу, былъ какой-то вопросъ, она какъ-будто спрашивала: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? что я для тебя? что будетъ дальше?..

Рина вернулась въ гостиную объ руку съ Ренати, которая была въ томъ же ярко-красномъ платьѣ, блистающая обнаженной грудью, плечами и руками...

Изъ-за плеча пѣвицы выглядывало красное съ торчащими усами лицо Гилиса...

Ренати о чемъ-то тихо говорила съ Риной, склонивъ къ ней лицо, глядя ей въ глаза съ ласковой, немного снисходительной улыбкой; дѣвушка казалась безконечно счастливой, и въ ея поднятыхъ къ Ренати голубыхъ глазахъ свѣтилось какое-то дѣтское обожаніе, почти благоговѣніе. Ее, повидимому, въ одинаковой степени восхищали и красота и слава пѣвицы, то, что мужчины изъ-за нея теряли голову—окружало ее для Рины какимъ-то особеннымъ ореоломъ волшебства и величія. Она разговаривала съ пѣвицей—какъ подданная съ королевой, присѣдая и почтительно склоняя голову...

Каншинъ всталъ и ждалъ, не сходя съ мѣста. Въ трехъ шагахъ отъ него стояла Лида—блѣдная, сосредоточенно-серьезная. Она смотрѣла не на Ренати, а на него—сжавъ брови, съ тусклымъ блескомъ страха и тревожнаго любопытства въ глазахъ. Она держалась рукой за спинку стула, точно боялась упасть, и въ ея опустившихся узкихъ плечахъ было что-то безконечно жалкое, безпомощное, какъ у птицы, волочащей подбитыя крылья...

Взглянувъ на нее мелькомъ, Каншинъ невольно сравнилъ ее съ гречанкой, и Лида, понявъ его взглядъ, улыбнулась кривой жалкой улыбкой, какъ-будто просила: не смотри на нее, пожалѣй меня, видишь, какая я несчастная!.. Но глаза Каншина, противъ его воли, тянулись къ Ренати, къ горящему блеску ея глазъ и улыбки, къ золотой наготѣ ея груди и рукъ, ко всей этой дурманящей красотѣ плѣнительной порочности, передъ блескомъ которой блѣднѣла и стушевывалась чистота Лиды... Въ черные волосы пѣвицы были во-

ткнуты сбоку двѣ красныя розы, стебель одной изъ нихъ высунулся изъ прически, и роза свѣшивалась до плеча, вися на листкѣ, зацѣпившемся за локонъ... И казалось особенно соблазнительнымъ—это сами надѣлали—это кровавое пятно цвѣтка на золотистой кожѣ плеча, какъ бы горящая рана на прекрасномъ тѣлѣ, ставленная жаломъ штуковской змѣи Грѣха...

Поравнявшись съ Лидой, Рина остановила Ренати, чтобы познакомить ихъ.

Пѣвица подняла глаза—и съ ея лица тотчасъ же сбѣжала улыбка; она сухо сказала:

— Мы, кажется, знакомы...

Протянувъ Лидѣ руку, она посмотрѣла по сторонамъ, ища глазами Каншина. Онъ поймалъ ея взглядъ и глубоко поклонился. Когда онъ поднялъ голову—Ренати объ руку съ Риной уже подходила къ нему. Ея ноздри раздувались и вздрагивали, губы дергались тонкой усмѣшкой. Она молча подала ему руку и обратилась, съ той же снисходительной улыбкой, къ Ринѣ:

— Я къ вамъ только на нѣсколько минутъ... Меня ждутъ...—она слегка запнулась и съ короткимъ смѣшкомъ кончила:—въ театрѣ...

— Какъ жалко!—сказала Рина, чуть не плача, съ повлажнѣвшими глазами:—Но вы намъ споете что-нибудь?.. Я никогда васъ не слыхала...

Ренати покачала головой и шутливо погрозила пальцемъ.

— Вамъ еще нельзя слушать моихъ пѣсенъ! — сказала она, смѣясь:—Вы и ваша подруга совсѣмъ чистыя дѣвочки!—она вдругъ обернулась къ Каншину и, хитро пришуривъ глаза, спросила:—Неправда ли?..

Ея неожиданный вопросъ, въ которомъ звучала явная насмѣшка, заставилъ Каншина покраснѣть. Но онъ выдержалъ взглядъ ея смѣющихся глазъ, смотрѣвшихъ на него съ наглымъ высокомѣріемъ, и глухо пробормоталъ:

— Я не понимаю вашего вопроса...

Ренати повернулась къ нему спиной и пошла къ ...

около котораго стояли въ почтительно-выжидательной позѣ оба студента и Виневичъ.

Слѣдовавшій за Ренати Гилисъ прошелъ, не поклонившись, мимо Лиды и Каншина, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Онъ весь какъ-то странно топорщился, поднимая плечи, выпячивая грудь, прижимая верхней губой къ носу свои торчащіе усы и походилъ на ежа, насторожившагося всей своей щетиной. Онъ былъ все въ томъ же бѣломъ костюмѣ съ подвороченными внизу брюками и выступалъ съ важностью настоящаго дэнди, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы и выпятивъ впередъ свое круглое брюшко, украшенное тяжелой зол цѣпью...

Лида подошла къ Каншину. Съ трудомъ справляясь съ своими дрожащими, жалко кривившимися губами, она тихо сказала:

— Пойдемъ отсюда... Я не могу...

— Это неудобно—такъ же тихо проговорилъ Каншинъ и, осторожно погладивъ ея руку, ласково прибавилъ:—Будь спокойна... Сядь...

Лида послушно опустилась въ кресло, а онъ продолжалъ стоять, не спуская глазъ съ Ренати. За роялемъ уже сидѣлъ одинъ изъ студентовъ и бралъ аккорды, подбирая аккомпаниментъ къ мотиву, который вполголоса напѣвала ему гречанка...

— Готово!—весело сказалъ студентъ, откинувшись назадъ и выжидательно вытянувъ надъ клавіатурой руки.

Ренати выпрямилась и сложивъ на груди ладони, какъ складываютъ на молитвѣ дѣти, запѣла, склонивъ къ плечу голову и глядя передъ собой съ какой-то странной, немного грустной, немного презрительной улыбкой. Каншину казалось, что она смотритъ на него и поетъ только для него...

Она начала тихо, какъ-будто въ глубокой задумчивости говоря сама съ собой:

Ахъ напрасно
Сердца моего влеченье!
Ахъ напрасно
Страсти моей мученье!..

Она пѣла съ тѣмъ же своимъ обычнымъ видомъ скромности и невинности, къ какимъ выступала на кафешантанной сценѣ, держа себя здѣсь еще строже, не позволяя себѣ ни малѣйшаго вольнаго жеста, какъ-будто она, дѣйствительно, стояла на молитвѣ, изливая Богу свою муку, плачась Ему на свою горькую участь. Пошлая, вульгарная шансонетка какимъ-то непонятнымъ чудомъ превращалась въ томительную, лирическую жалобу юной женской грусти и муки любви, звеня на высокихъ нотахъ чистыми слезами печали и на низкихъ—сдерживаемымъ рыданіемъ одиночества...

Слѣдующее четверостишіе она начала глубокимъ, прерывистымъ, какъ послѣ долгихъ слезъ, вздохомъ и, уронивъ руки, продолжала едва слышно:

Ахъ, все напрасно!..
Въ тоскѣ безгласной
Сгораетъ страстно
Моя любовь!..

Окончивъ пѣть, она нѣсколько мгновеній стояла еще съ опущенными руками, съ грустно склоненнымъ къ плечу лицомъ, искривленнымъ такой же, какъ у Лиды, жалкой, страдальческой улыбкой. Ея пѣніе, глубоко несчастный видъ и эта неожиданная улыбка—явно относились къ Каншину: она не сводила съ него глазъ во время пѣнія и, умолкнувъ, все еще смотрѣла въ ту сторону, словно спрашивая: понимаешь ли ты меня? чувствуешь ли ты, какъ я люблю тебя и страдаю?..

Это замѣтилъ Гилисъ, ревниво покосившійся на него. Движеніе экспортера не ускользнуло отъ Рины, и она тоже посмотрѣла на Каншина, удивленно поднявъ брови, силясь что-то понять, чувствуя, что въ воздухѣ виситъ какая-то тяжелая неловкость. И, наконецъ, Дерновъ, Фликке и Виневичъ тоже взглянули въ томъ же направленіи, съ тѣмъ же, какъ и Рина, удивленіемъ и желаніемъ понять тайну чьихъ-то отношеній, смутно зазвучавшую въ этихъ странныхъ, молчаливыхъ взглядахъ...

Каншинъ былъ потрясенъ улыбкой Ренати, улыбкой более, чѣмъ ея пѣніемъ, которое могло говорить лишь объ ея дарованіи. Если въ исполненіи шансонетки было только искусство, поддѣлка подъ истинное чувство, то ея улыбка выдавала ее съ головой: улыбнуться такъ нарочно—нельзя; такъ улыбается только настоящее, глубокое страданіе...

Уловивъ обращенные на него взгляды, онъ обернулся къ Лидѣ и смущенно сказалъ:

— Пойдемъ...

Его поразило лицо Лиды—сѣрое, вытянувшееся, какъ-будто постарѣвшее, съ опущенными углами губъ, съ ушедшими глубоко внутрь себя глазами... Она молча поднялась и пошла къ роялю, гдѣ стояла Рина; Каншинъ пошелъ за ней...

Прощаясь съ Риной, Лида слабымъ, упавшимъ голосомъ оправдывалась:

— Мнѣ нездоровится... Я устала...

Каншинъ замѣтилъ, что Рина, подавъ ему руку, слабо, нерѣшительно пожала его пальцы. Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза—они влажно блестѣли. Лицо дѣвушки загорѣлось яркимъ румянцемъ, и она, отдернувъ руку, отвернулась...

Ренати отошла въ сторону, занявшись разсматриваніемъ на стѣнѣ картинъ. Когда Каншинъ подошелъ къ ней—она тихо, не глядя на него, сказала, словно скандируя стихи:

— Завтра ночью ты придешь ко мнѣ...

Каншинъ испуганно вскинулъ на нее глаза, какъ бы спрашивая: къ нему ли относятся эти слова?—но она, обернувшись, холодно посмотрѣла на него и сухо протянула руку. Каншинъ пожалъ ея холодные пальцы и отошелъ...

Онъ простился со всѣми, не подавъ руки только Гилису. Экспортеръ, топорща усы и важно выпячивая животъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— За цвѣты не забудьте... Наличными-съ...

Каншинъ закусилъ губы и поблѣднѣлъ, но возразилъ тихо, сдержанно:

— Я считаю неудобнымъ разсчитываться съ вами здѣсь, въ чужомъ домѣ...

— Что-съ?—сказалъ экспортёръ, возвышая голосъ и багровѣя:—Вы будете меня учить приличіямъ?..—и вдругъ закричалъ тонкой фистулой: — Мальчишка!.. Невѣжа!.. Проходимецъ!..

Все мгновенно исчезло изъ глазъ Каншина; единственнымъ яснымъ ощущеніемъ слѣдующей минуты былъ жесткій ударъ его ладони о мягкую, жирную щеку экспортера. Вслѣдъ за этимъ онъ услыхалъ раздавшійся гдѣ-то въ сторонѣ громкій женскій смѣхъ, отъ котораго у него побѣжала по спинѣ холодная дрожь. Опомнившись, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ Ренати, хохотавшую такъ звонко, словно здѣсь произошло что-то очень забавное и веселое. Она смѣялась такъ заразительно, что на испуганныхъ, вытянувшихся лицахъ студентовъ, Виневича и Рины замелькала улыбка, которую они тщетно старались подавить. Гилисъ, съ негодованіемъ взглянувъ на Ренати, держась рукой за побитую щеку и другой ударяя себя въ грудь по мягкой бѣлой манишкѣ, наступалъ на Каншина съ тонкимъ, срывающимся крикомъ:

— Вы... Какъ вы смѣли?.. Меня?.. Будьте свидѣтелями, господа!—обратился онъ ко всѣмъ присутствующимъ.—Вы подтвердите на судѣ то, что видѣли!..

— Вы съ ума сошли!—сказала Ренати, переставъ смѣяться, съ злобной ноткой въ голосѣ:—Вы получили то, что вамъ слѣдовало, а если не нравится, зовите его къ барьеру.

Гилисъ фыркнулъ и весь сжался.

— Я не признаю дуэли...—мрачно сказалъ онъ уныло, держась за щеку;—Это варварскій обычай!..

Ренати презрительно засмѣялась:

— Тогда поцѣлуйте Каншину руку, которой онъ ударилъ васъ!..

XXVI.

У Лиды былъ свой ключъ, она тихо отперла дверь и пустила Каншина въ квартиру. Оставивъ его въ столовой,

..ія скрылась въ спальню, гдѣ тотчасъ же зашептала о чемъ-то съ проснувшейся матерью...

Въ комнатѣ было жарко, душно, сильно пахло прикрученной лампой. Каншинъ открылъ окно и сѣлъ на подоконникъ. Слабый вѣтеръ обвѣвалъ его горячій лобъ, закрывалъ глаза. Въ спальнѣ слышался шорохъ и шелестъ платья, постукивали каблуки Лидиныхъ туфель. Что она тамъ дѣлаетъ такъ долго?.. Шопотъ скоро прекратился, старуха, вѣроятно, снова заснула, а дѣвушка все не возвращалась...

Вдругъ онъ почувствовалъ около себя какое-то слабое вѣянье тонкаго, сладкаго аромата, обернулся—передъ нимъ стояла Лида, неслышно выскользнувшая изъ спальни. Она переодѣлась и теперь была въ легкомъ матинэ, съ открытой шеей, полуобнаженной грудью и голыми до плечъ руками, въ короткой, свѣтло-сѣрой юбкѣ, открывавшей ея маленькія ноги выше щиколокъ. Она какъ-будто рѣшила соперничать съ Ренати, обнаженными руками и грудью которой сегодня любовался Каншинъ. Она стояла передъ нимъ немного смущенная своимъ костюмомъ, но въ ея лицѣ сквозь смущеніе проглядывало что-то новое, какое-то дѣтски-женское тщеславіе, дергавшее ея губы сконфуженной, стыдливо-гордой улыбкой. Она словно сегодня только почувствовала себя женщиной, поняла силу своей женской красоты, обаяніе своихъ рукъ, шеи, груди, всего своего тѣла, и, показывая ему себя, точно говорила этой усмѣшкой: смотри, вотъ я какая! Развѣ я не лучше той, которой ты сегодня любовался? Я—юная, я—нѣжная, я—чистая!.. Ты долженъ любить только меня, одну меня!...

Она положила въ его руки свои и какъ-будто спрашивала улыбкой: понялъ? оцѣнилъ? любишь?..

Каншинъ притянулъ ее къ себѣ за руки. Она тихо, коротко засмѣялась; ея грудь дрожала близко около его груди. Она смотрѣла на него, чуть откинувъ назадъ голову, изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ, потемнѣвшими, тускло-вшими глазами; ея губы открылись, словно отъ жажды и ...и краснымъ огнемъ...

Каншинъ потерялъ голову. Онъ порывисто прижалъ ее къ себѣ, поднялъ на рукахъ, понесъ и опустилъ на диванъ, покрывая поцѣлуями ея шею, грудь, лицо, руки... Дѣвушка лежала съ закрытыми глазами, блѣдная, съ нѣжной торопливостью лаская его руки и лицо, обвивая его шею, когда онъ склонялся къ ея губамъ, задерживая и слегка отталкивая его, шепча дрожащими губами:

— Страшно...

Когда онъ коснулся пальцами на ея груди крючковъ матинэ, чтобы разстегнуть ихъ—она судорожно схватила его за руку, испуганно вскрикнувъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ!..

И тотчасъ же поднялась и сѣла... Она низко согнулась закрыла лицо руками, все еще вздрагивая, тяжело, взволнованно дыша... Каншинъ стоялъ передъ ней, смущенный, недоумѣвающій. Онъ тихо спросилъ:

— Лида, почему?..

Дѣвушка молчала...

Онъ отошелъ къ окну, и высунулъ въ него свою, точно огнемъ налитую, голову...

Спустя нѣсколько минутъ, оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ Лиду, нервно поправлявшую передъ зеркаломъ прическу. Она застѣнчиво улыбнулась ему, отошла отъ зеркала и поеживаясь, какъ-будто отъ холода, взяла съ кресла пуховый платокъ и накинула его на себя, закрывъ грудь и руки...

Каншинъ смущенно сказалъ:

— Я совсѣмъ сошелъ съ ума... Прости...

Онъ поцѣловалъ ея руку. Лида другой рукой провела по его волосамъ и ласково проговорила:

— Поди домой... Пора спать...

И вдругъ, наклонившись, шепнула ему въ ухо:

— Я до свадьбы не буду твоей... Помни это...

Въ передней она прижалась къ нему и спросила какимъ-то не своимъ, глухимъ голосомъ:

— Ты не пойдешь завтра... къ Ренати?..

Каншинъ вздрогнулъ отъ неожиданности этого вопроса. Откуда она знаетъ, что Ренати звала его къ себѣ?..

— Я слыхала, какъ она сказала тебѣ...—объяснила дѣвушка.—Но скажи—т е п е р ь ты пойдешь къ ней?

Каншинъ отрицательно покачалъ головой.

— Ты не должна спрашивать объ этомъ...—голосъ его дрогнулъ обидой.—Какъ я могу?..

Дѣвушка молчала. Онъ поцѣловалъ ее въ губы—она не отвѣтила ему на ~~поцѣлуй. Она, казалось, не вѣрила ему~~.

XXVII.

У Каншина сту~~чало въ вискахъ, сердце учащенно~~ билось; онъ вышелъ отъ Лиды отравленный чувствомъ женщины, возбужденный наготой ея рукъ, шеи, груди,—его пальцы еще дрожали отъ прикосновеній къ нимъ, его слухъ еще былъ полонъ ея взволнованнымъ дыханіемъ, его губы еще горѣли отъ ея поцѣлуевъ..

Въ тихой, пустой улицѣ гулко отдавались эхомъ его шаги. Въ прохладномъ воздухѣ ночи наплывали откуда-то теплыя струи, смѣнявшіяся дуновеніемъ свѣжаго вѣтра, пахнущаго моремъ. Ясно чувствовалось это густое, пряное дыханіе огромнаго, живого моря, окружавшаго городъ съ трехъ сторонъ. Оно не спало и, бодрствуя, охлаждало нагрѣтый за день солнцемъ воздухъ, посылая въ городъ свои легкіе, ночные вѣтры, насыщенные ароматной, соленой влагой... И все же въ улицахъ было душно—отъ каменныхъ громадъ домовъ, отъ этихъ теплыхъ струй, какъ-будто выходившихъ изъ ихъ подваловъ и словно выносившихъ на улицу тяжелый, горячій воздухъ наглухо закрытыхъ квартиръ, наполненныхъ спящими въ жарѣ и духотѣ людьми...

Изъ-за угла кто-то вышелъ и быстро пошелъ къ нему навстрѣчу. Женщина!.. Высокая, стройная, плавно колышетъ на ходу полями большой шляпы...

Каншинъ замедлилъ шаги,—подъ колѣнями что-то задро-

жало, ноги внезапно ослабѣли. Его глаза съ острой зоркостью слѣдили за ней, не пропуская ни одного движенія ея походки. Кто она?.. Видно по четкости шага и стройности фигуры—что молодая, по манерѣ держать кокетливо, немного набокъ, голову—что недурна собой и знаетъ себѣ цѣну. И еще видно, что не боится мужчинъ: идетъ прямо на него, не замедляя шага, не сворачивая въ сторону...

Она подошла совсѣмъ близко и остановилась. Онъ смотритъ на нее, она—на него. У нея—круглое лицо и большіе, южные, черные глаза. Она смѣется, и ея бѣлые, ровные зубы ему напоминаютъ улыбку Ренати. Она ласково говоритъ:

— Что, дорогой, не спится!..

Она охватываетъ его быстрымъ взглядомъ отъ головы до ногъ и хитро прищуриваетъ глаза. Опытнымъ глазомъ женщины, привыкшей имѣть дѣло съ мужчинами, она сразу опредѣляетъ его состояніе и тотчасъ же у[illegible]ываетъ его въ свою пользу: онъ долженъ дать ей столько-то, меньше она не возьметъ. Каншинъ усмѣхается и тихо спрашиваетъ:

— Что это?

И кладетъ ей руку на грудь, указывая пальцемъ на блестѣвшую у ворота брошь. Онъ чувствуетъ подъ тонкой блузкой теплоту ея тѣла, придвигаетея къ ней ближе и другой рукой обнимаетъ ее за талію. Онъ близко-близко смотритъ въ ея глаза своими горящими, сумасшедшими глазами...

Женщина сначала смѣется—дѣланнымъ, наглымъ, безстыднымъ смѣхомъ. Потомъ вдругъ умолкаетъ и боязливо говоритъ:

— Вы какой-то странный...

Онъ молчитъ и тянетъ ее къ себѣ. Смѣется и говоритъ:

— Ренати...

Она смотритъ на него съ испуганнымъ недоумѣніемъ, пробуетъ освободиться изъ его рукъ. Но онъ держитъ ее крѣпко за локти и быстро шепчетъ:

— Женщина... Ренати... Милая женщина?..

Она пугается еще больше—съ ней никто такъ не обращался. Она чувствуетъ въ его голосѣ, взглядѣ, въ дрожи его

рукъ любовь, настоящую страсть—но, вѣдь, онъ видитъ ее въ первый разъ! И почему онъ называетъ ее этимъ страннымъ именемъ? Не сумасшедшій ли—этотъ человѣкъ съ такими блестящими глазами и неровными, порывистыми движеніями?..

Она бьется, пытаясь вырваться, и вдругъ испускаетъ крикъ животнаго страха:

— Пустите! О-о!..

Онъ получаетъ сильный толчокъ въ грудь и въ недоумѣніи смотритъ на убѣгающую отъ него женщину. Она бѣжитъ какъ-то криво, зигзагами, изогнувшись въ одну сторону, не оглядываясь, въ какомъ-то паническомъ ужасѣ...

Каншинъ посмотрѣлъ на свою руку, только что лежавшую на груди женщины, и, сжавъ ее въ кулакъ, пошелъ дальше. „Я кажется, схожу съ ума!“—мелькнуло у него въ головѣ, въ хаосѣ горячаго, дурманнаго шума возбужденія..."

По противоположной сторонѣ улицы шла пьяная ватага матросовъ, прибывшихъ, вѣроятно, изъ дальняго плаванья и прогуливавшихъ сдѣланныя въ морѣ сбереженія. Они горланили на всю улицу какой-то забористый мотивъ заграничныхъ шантановъ, притопывая о землю ногами, словно радуясь, что подъ ними—не качающаяся палуба корабля, а твердая, неподвижная почва. Въ хоръ охрипшихъ голосовъ врывались англійскія, судя по выразительности произношенія, крѣпкія морскія словечки...

Они остановились и о чемъ-то горячо заспорили. Одинъ отдѣлился отъ компаніи и невѣрными шагами пошелъ черезъ улицу, прямо на Каншина, дѣлая ему руками какіе-то знаки. Каншинъ остановился и подождалъ...

Морякъ оказался англичаниномъ, не знавшимъ ни слова по-русски. Онъ что-то быстро говорилъ, спрашивалъ, но Каншинъ, не понимая его, безпомощно разводилъ руками... Тогда матросъ, засмѣявшись, вложилъ свою трубку въ зубы и сдѣлалъ руками нѣсколько выразительныхъ жестовъ, изъ которыхъ Каншинъ понялъ, что имъ нуженъ публичный домъ. [illegible] понявъ же его, онъ все же снова развелъ руками.

Матросъ вынулъ изо рта трубку, сплюнулъ, сказалъ что-то тономъ упрека и пошелъ назадъ къ ожидавшимъ его товарищамъ. Потомъ они снова пошли и загорланили. Каншинъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ и думалъ о томъ что они, въ концѣ концовъ, найдутъ женщинъ,—у моряковъ въ этомъ отношеніи какое-то особенное чутье: въ каждомъ городѣ они прежде всего находятъ публичные дома. Онъ тихо засмѣялся и пошелъ дальше...

Скоро онъ стоялъ у двери своей квартиры и дергалъ звонокъ, жалобно дребезжавшій въ передней. Послышались шлепающіе шаги босыхъ ногъ, щелкнулъ замокъ, открылась дверь. Каншинъ вошелъ въ темную переднюю, заперъ дверь и, протянувъ впередъ руки, ощупью сталъ пробираться къ своей комнатѣ... Вдругъ его пальцы коснулись чего-то теплаго, мягкаго, гладкаго. Онъ испуганно отдернулъ руку и тихо спросилъ:

— Кто здѣсь?..

— Я...—отвѣтилъ кто-то боязливымъ, почти беззвучнымъ шопотомъ.

— Агнія?

— Да...

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я открывала вамъ дверь...

Она стояла, прижавшись къ стѣнѣ, и не двигалась съ мѣста. Каншинъ тоже почему-то стоялъ, словно забылъ, что ему нужно итти въ свою комнату, и молчалъ. Онъ снова почувствовалъ ту же дрожь, какъ и на улицѣ, когда встрѣтилъ женщину. Въ пальцахъ руки, которой онъ коснулся Агніи, осталось ощущеніе ея теплаго, гладкаго тѣла...

Дѣвушка была такъ тиха, точно совсѣмъ не дышала; только дрожала мелкой дрожью... Каншинъ придвинулся къ ней и тутъ только замѣтилъ, что она была въ одной рубашкѣ...

Агнія зашевелилась, отклонилась, испуганно зашептала:

— Я пойду... Зачѣмъ вы?.. Не надо...

Каншинъ тихо засмѣялся. Онъ не могъ оторвать рукъ отъ нея.

Дѣвушка тщетно отводила отъ себя его горячія руки. Она двигалась вдоль стѣны, уклоняясь отъ него то въ одну, то въ другую сторону, прерывисто вздыхая, точно собираясь заплакать... Вдругъ, сразу обезсилѣвъ, она вся наклонилась впередъ, и ея голова упала къ нему на плечо. Ея тѣло трепетало, но она больше не отталкивала его и не боролась... Каншинъ поднялъ ее и понесъ въ свою комнату...

Когда онъ оставилъ ее—она поднялась, сѣла на постели и тихо заплакала. Каншинъ зажегъ лампу, опустился у стола и молча смотрѣлъ на нее—съ тяжелымъ недоумѣніемъ. Какъ это могло случиться. Было противно самого себя и непріятно смотрѣть на дѣвушку съ ея тщедушнымъ тѣломъ въ цвѣтной ситцевой рубашкѣ. Теперь она вызывала въ немъ только раздраженіе: почему она отдалась ему? отчего она не уходитъ?..

Агнія отняла руки отъ лица, по которому еще бѣжали слезы, и, беззвучно плача, сказала:

— Что вы со мной сдѣлали?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь, не любите меня?..

Она снова закрыла лицо руками, глубоко, жалобно вздохнувъ:

— Ахъ, что же я теперь буду дѣлать?..

Каншинъ низко опустилъ голову. Развѣ онъ самъ понималъ тутъ что-нибудь?.. Все произошло такъ, словно во всемъ этомъ его самого не было, а былъ кто-то другой, чужой и непонятный, а потомъ вдругъ оказалось, что это былъ онъ самъ. Какъ-будто онъ видѣлъ непріятный сонъ, потомъ проснулся—а сонъ продолжается на яву...

Агнія встала и пошла къ двери, вздрагивая плечами и спиной. У порога остановилась и спросила, страдальчески кривя губы:

— Отчего вы мнѣ не скажете... что-нибудь?.. Хоть слово?..

Каншинъ молча пожалъ плечами. Что онъ могъ ей сказать? Онъ не находилъ въ себѣ ничего, чѣмъ могъ бы успокоить и утѣшить ее.

— Я знаю,—продолжала дѣвушка, глотая слезы:—у васъ есть невѣста, Сенина сестра... А я вамъ не нужна... Вѣдь, правда, совсѣмъ не нужна?..

Не дождавшись отвѣта, она, уже громко рыдая, сказала.

— Зачѣмъ же вы меня... о... о...позорили... погубили?! Я была честная дѣвушка... Вы насмѣялись надо мной!..

И плача, пошла изъ комнаты...

XXVIII.

Каншинъ всталъ съ тяжелой головой, разбитый, вялымъ, несмотря на то, что спалъ всю ночь крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. Ему было стыдно, тяжело; больше всего мучило то, что случившееся представлялось совершенно непонятнымъ, необъяснимымъ. Онъ любилъ Лиду, мечталъ о близости съ ней—и вотъ, первая попавшаяся женщина, только потому, что онъ случайно, въ темнотѣ, коснулся ея тѣла, заставила его забыть о Лидѣ и совершить то, что можно оправдать только любовью, что безъ любви является чѣмъ-то грязнымъ, отвратительнымъ, постыднымъ...

Похоже было на то, что кто-то, находящійся внѣ его или сидящій въ немъ самомъ, руководилъ имъ, направлялъ его дѣйствія, совершалъ имъ поступки, не спрашивая его, Каншина, чувствовавшаго себя безсильнымъ бороться съ этимъ невѣдомымъ и незваннымъ владыкой. Онъ какъ бы не принадлежалъ самому себѣ, чей-то безграничный произволъ властвовалъ надъ нимъ...

Вошла Агнія съ чайниками и стаканомъ на подносѣ. У нея было блѣдное, до желтизны, лицо, съ темной синевой подъ красными, немного вспухшими глазами. Видно было, что она не спала всю ночь и много плакала. Ея руки дрожали, и ложечка въ стаканѣ тихо звенѣла...

Каншинъ замѣтилъ, что [illegible] всегда—въ бѣлой, прозрачной [illegible] ными шеей и руками; въ приче[illegible]

лотъ бантъ изъ широкой голубой ленты. Она показалась ему жалкой съ своими полудѣтскими покатыми плечами худыми, желтѣвшими, какъ воскъ, подъ кружевами блузки, съ просвѣчивавшей на груди лиловой ленточкой сорочки. Ея опущенныя рѣсницы трепетали, какъ крылья бабочки...

Поставивъ на столъ подносъ, она подняла на Каншина глаза,—они были полны слезъ. Она съ минуту ждала, словно онъ долженъ былъ что-то ей сказать; ея грудь вздрагивала отъ порывистыхъ вздоховъ... Каншинъ молча отвернулся...

Агнія согнулась и тихо прошла мимо него, какъ-то вся подобравшись, какъ собака, ожидающая удара...

Едва замолкли ея шаги въ коридорѣ, какъ въ комнату Каншина ворвался Гилисъ. Онъ былъ все въ томъ же бѣломъ костюмѣ и цилиндрѣ, но костюмъ былъ измятъ, грязенъ, и онъ самъ, съ опустившимися усами и сѣрымъ лицомъ, имѣлъ жалкій, потрепанный видъ, словно побывалъ въ какой-то серьезной передѣлкѣ. Онъ протянулъ Каншину руку, но тотъ спряталъ обѣ руки за спину, и экспортеръ, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ этого, забѣгалъ по комнатѣ, взволнованно жестикулируя.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Что вы хотите отъ меня, я васъ спрашиваю?—онъ остановился передъ Каншинымъ:— Что вамъ нужно?..

— Вы пришли требовать у меня удовлетвореніе?..

— Какое тамъ у чорта удовлетвореніе!—поморщился Гилисъ:—Я долженъ просить у васъ извиненія! Какъ вамъ это нравится?.. Извините, что вы ударили меня по мордѣ! А?. Она этого требуетъ, понимаете?.. Я всю ночь, какъ собака, простоялъ у нея за дверью—она не хотѣла впустить меня!.. Я даже плакалъ, чортъ возьми, а она смѣялась. Пойдите, говоритъ, ха-ха, къ Каншину и просите у него, ха-ха, извиненія!!. Что я долженъ дѣлать по-вашему?..—онъ уставился на Каншина злобно вытаращенными глазами:—Есть ли въ этомъ хоть какой-нибудь человѣческій смыслъ?.. Я долженъ извиняться передъ какимъ-нибудь...

— Потрудитесь уйти отсюда!—едва сдерживаясь, сказалъ Каншинъ:—Мнѣ не нужны ваши извиненія!..

— Не кричите, пожалуйста! Что я сказалъ вамъ такое?.. Мнѣ тоже не нужно, что-бы вы меня извиняли!.. И прежде чѣмъ гнать—отдайте мнѣ деньги за цвѣты!..

Каншинъ торопливо вытащилъ изъ кармана бумажникъ и вынувъ все, что тамъ было, бросилъ деньги экспортеру.

— Бросать незачѣмъ!—пробормоталъ тотъ, поднимая съ полу бумажки:—Тутъ и половины нѣтъ того, что стоило мнѣ украшеніе мотора! Ну, да чортъ съ вами!.. Я ничего не взялъ бы у васъ, если бы вы сказали Ренати...

Замѣтивъ угрожающее движеніе Каншина, онъ быстро выскользнулъ въ дверь...

Каншинъ швырнулъ въ коридоръ оставленный имъ на столѣ цилиндръ...

* * *

Въ чемоданѣ, среди бѣлья, Каншину бросился въ глаза ярко красный, мягкій комокъ тонкаго шелка. Въ волненіи, выкинувъ на полъ бѣлье, онъ вынулъ и развернулъ его, не вѣря своимъ глазамъ. Блузка Ренати!.. Какъ она попала къ нему въ чемоданъ?..

Его пальцы бережно расправляли мягкія складки нѣжнаго крепъ-дю-шеня, отъ котораго пахло молодой женщиной и пармской фіалкой; пахло тонко, слабо, но отъ этого запаха кружилась голова. Въ этой легкой ткани какъ-будто осталась часть существа Ренати и вѣяла ему въ лицо опьяняющимъ дыханіемъ ея молодости и красоты. Она облекала ея плечи, грудь, спину! Подъ этими складками прятались ея нѣжныя груди, въ эти разрѣзы проходили ея тонкія, такія трогательно слабыя руки, этотъ рюшъ обнималъ ея золотистую шею!..

Онъ прижалъ къ губамъ пахнущій шелкъ и его охватило забытье сладостнаго воспоминанія, сладкая и страшная пѣсня крови.

XXIX.

Это была пѣсня-пѣсней—новая и въ то же время старая, какъ міръ, пришедшая къ намъ сквозь мглу нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ и принесшая съ собой ту же силу, то же очарованіе, ту-же радость жизни, какими одарена была первая женщина, созданная для перваго мужчины...

— Дай мнѣ твои губы, онѣ для моихъ поцѣлуевъ! Дай мнѣ твою душу, она для моей любви!..

И онъ говорилъ ей:

— Женщина, да будетъ благословенно имя твое!...

И еще онъ говорилъ ей:

— Твои волосы—черная, насыщенная пьяными ароматами тьма южной ночи! Въ ихъ тускломъ блескѣ—мерцаніе предутреннихъ звѣздъ, въ ихъ медленныхъ извивахъ—колыханіе морскихъ волнъ, въ ихъ пряномъ запахѣ—дыханіе почекъ древесныхъ, таящихъ въ себѣ юную жизнь зарождающихся листьевъ!.. Обвѣй твоими волосами мое лицо, шею, голову. Утопи меня въ ихъ горячей, душной мглѣ, чтобы я весь растворился въ нихъ до конца и слился съ ними дыханіемъ, жизнью! Они ранятъ меня, и я весь изъязвленъ ими: гдѣ коснутся они моего тѣла—тамъ жгучая, незалѣчимая рана. О, навсегда памятно каждое касаніе твоихъ волосъ, возлюбленная моя!..

Такъ онъ говорилъ ей...

Твои глаза—два вулкана, черная глубина которыхъ неистощимо дышетъ огнемъ. Гдѣ тотъ источникъ, изъ котораго они питаются пламенемъ?.. Ты обращаешь ихъ ко мнѣ—и я весь погружаюсь въ ихъ горячую тьму. Нѣтъ ничего, кромѣ пламени твоихъ глазъ!.. И когда ты смѣешься, и когда ты плачешь, и когда ты цѣлуешь—весь міръ въ тебѣ одной.

Каждый взглядъ твоихъ глазъ говоритъ мнѣ объ этомъ, возлюбленная моя!..

Такъ говорилъ онъ ей...

Твои губы прекрасны и страшны!.. У нихъ—свое лицо, выразительность котораго не поддается описанію. Въ ихъ

изгибахъ—начертанія смерти: коснувшійся ихъ—гибнетъ! С не дай мнѣ погибнуть—я касался твоихъ губъ! Страшны желанны твои губы, возлюбленная моя!..

И еще говорилъ онъ ей:

— Но прежде къ одеждамъ твоимъ я склонюсь и прильн губами, глазами, душой!.. Они облекали тебя всю, въ нихъ— твой ароматъ, твоя жизнь, твоя любовь! Этотъ нѣжный шелкъ, эти прозрачныя кружева знаютъ тебя, во всѣхъ линіяхъ изгибахъ, движеніяхъ, живутъ тобой, дышутъ тобой и ревниво берегутъ тебя отъ чужихъ глазъ и прикосновеній, не освященныхъ любовью... Но ты со мной—прекрасная и страшная въ своей ослѣпительной красотѣ—и я хочу жить, потому что мнѣ дано вкусить твоей любви, твоей жизни!.. Приди же ко мнѣ—и я припаду къ ногамъ твоимъ... возлюбленная моя!..

* * *

За окнами вечерѣло, стихалъ шумъ базара. На тротуаръ лежала тѣнь,—и въ комнатѣ стѣны и углы уже были завѣяны легкимъ, прозрачнымъ сумракомъ...

Въ темномъ коридорѣ онъ на кого-то наткнулся. Агнія. Она тихо вскрикнула и уцѣпилась въ его рукавъ пальцами. Она взволнованно шептала:

— Я хотѣла... Мнѣ нужно сказать...

Каншинъ оторвалъ отъ себя ея руку и неловкимъ движеніемъ толкнулъ ее въ грудь. Она стукнулась головой о стѣну и тихо заплакала. Онъ ушелъ...

Ренати не было дома. Онъ толкнулъ дверь ея комнаты — дверь была заперта на замокъ. Постучалъ, послушалъ—ни звука!..

Онъ медленно спускался по лѣстницѣ. Ренати вернется только въ два часа ночи—что онъ будетъ дѣлать до тѣхъ поръ?..

Въ домѣ было тихо, только легкое жужжанье ра... доносилось по коридору изъ какой-то отдаленной ко... На второй площадкѣ, увидѣвъ темную нишу, онъ всп...

что Ренати всегда оставляла здѣсь ключъ отъ своей комнаты. Ключъ, дѣйствительно, висѣлъ въ нишѣ на гвоздѣ...

Отперевъ дверь, онъ отнесъ его на прежнее мѣсто...

Въ комнатѣ Ренати чувствовалось вѣянье ея молодой женской жизни, пахло ея духами, платьемъ!.. Онъ зажегъ лампу и съ волненіемъ осматривалъ комнату, такую знакомую, словно онъ самъ много времени жилъ въ ней. Мучительно ясно ощущалось присутствіе Ренати, точно она была здѣсь, гдѣ-то притаилась или разлилась по всей комнатѣ и дышала, смотрѣла на него изъ каждаго угла, изъ каждой вещи, дразня сладкими воспоминаніями пережитыхъ съ ней минутъ нѣжной интимной близости...

Каншинъ ходилъ по комнатѣ, въ какомъ-то полузабытьи, съ нѣкоторымъ страхомъ касаясь вещей пальцами, словно онѣ были живыя и могли какъ-нибудь отвѣтить на его прикосновеніе. Онъ открылъ дверцу зеркальнаго шкапа и жадно дышалъ густымъ ароматомъ платьевъ, висѣвшихъ тамъ тѣсно, одно около другого, какъ пустые коконы, изъ которыхъ вылетѣли бабочки. Эти платья принадлежали ей такъ же, какъ и ему. Если въ нихъ была заключена часть ея жизни, то въ нихъ-же онъ вложилъ и часть своей любви, которой теперь такъ горячо вѣяло на него отъ нихъ!..

Онъ трогалъ эти платья руками, перебирая ихъ нѣжныя, шелковыя, атласныя, вуалевыя, бархатныя ткани, расшитыя золотомъ и серебромъ, осыпанныя блестками цвѣтныхъ стеклярусовъ, заключенныя въ золотыя сѣтки или совершенно прозрачные газовые чехлы, украшенные тонкими, длинными, меланхолично и женственно безпомощно свисавшими внизъ кружевами; извлекалъ вѣеромъ за подолъ изъ шкапа то одно, то другое платье, державшееся вверху за вѣшалку, словно испуганно уцѣпившееся тамъ, и разсматривалъ эти легкіе, причудливые футляры тѣла Ренати, хранившіе въ себѣ какъ бы оттиски его формъ и намеки его линій, дышавшіе запахомъ его молодой жизни...

Онъ отыскалъ то розовое, газовое, похожее на облако, платье; осыпанное стеклянными и золотыми блестками, въ

которомъ Ренати плясала передъ нимъ, вытянулъ его изъ глубины шкапа и прижался къ нему губами. Вѣдь, это было платье, непосредственно прилегавшее къ ея тѣлу, прикрывавшее, какъ розовымъ туманомъ, ея золотую наготу, которая въ этой дымкѣ казалась еще нѣжнѣй и прекраснѣй... И оно сильнѣе другихъ дышало острымъ, прянымъ ароматомъ, ярче другихъ вызывало образъ Ренати, не знающей границъ, отдающейся любви, какъ смерти—съ полнымъ забвеніемъ всего міра.

Ренати вернулась раньше, чѣмъ предполагалъ Каншинъ. Онъ очнулся отъ своего забытья, услышавъ внезапно раздавшіеся въ коридорѣ шаги и голоса. У самой двери, вставляя ключъ въ замочную скважину, гречанка сердитымъ шопотомъ кому-то сказала:

— Я запрещаю вамъ лѣзть ко мнѣ въ уборную, слѣдовать за мной, приходить сюда!.. Если вы не оставите меня— я обращусь къ полиціи!..

— Но Ренати...—робко возражалъ кто-то басистымъ шопотомъ:—Я не понимаю, за что?..

— Уходите!—гнѣвно сказала Ренати, нервно, съ раздраженіемъ вертя ключъ въ замкѣ:—Я васъ видѣть не могу!..

Она нетерпѣливо дернула дверь, оказавшуюся незапертой, и вскрикнула, увидѣвъ свѣтъ въ своей комнатѣ:—Кто здѣсь?..

— Это я...—тихо сказалъ Каншинъ, выступивъ впередъ, чтобы она могла его видѣть:—Я пришелъ... Вы вчера... Я принесъ...

Онъ былъ взволнованъ, весь дрожалъ и не могъ говорить...

Изъ-за плеча Ренати выглянулъ сначала цилиндръ, потомъ вздернутые кверху усы Гилиса. Экспортеръ смотрѣлъ на Каншина полными изумленія и ненависти глазами. Онъ зналъ, что Каншинъ порвалъ съ пѣвицей и сталъ женихомъ Лиды

и вотъ—онъ снова здѣсь, въ комнатѣ Ренати!. Гилисъ злобно выкрикнулъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь? Что вамъ надо?..

— Подите прочь!—повернулась къ нему Ренати:—Ни слова больше!..

Оторопѣвшій грекъ отступилъ назадъ, и Ренати захлопнула передъ его носомъ дверь... Нѣсколько мгновеній она стояла молча, прислушиваясь къ бормотанью за дверью экспортера. Потомъ повернулась и насмѣшливо сказала:

— Ну-съ, зачѣмъ вы пришли?..

Каншинъ вынулъ изъ кармана ея красную блузку и молча протянулъ ей. Ренати зло усмѣхнулась.

— Что это такое?..

Взяла блузку и раздраженно швырнула на диванъ...

— Только всего?—спросила она, нервно кусая губы.

Каншинъ молчалъ.

Увидѣвъ открытый шкапъ, она нахмурилась и строго сказала:

— Зачѣмъ вы открыли? Что вы тамъ дѣлали?

Каншинъ покраснѣлъ.

— Я,—тихо сказалъ онъ:—цѣловалъ ваши платья...

Ренати удивленно посмотрѣла на него и вдругъ громко, жестко засмѣялась.

— Онъ цѣловалъ мои платья!.. Это мнѣ нравится!..

Каншинъ стоялъ съ опущенной головой, не смѣя поднять на нее глазъ... Ренати перестала смѣяться, ея лицо снова потемнѣло.

— Кто вамъ это позволилъ?.. Какъ вы смѣли отпереть дверь и забраться въ мою комнату?.. У меня здѣсь деньги и драгоцѣнности лежатъ?..

— Ренати—испуганно вскрикнулъ Каншинъ, оскорбленный этимъ грубымъ подозрѣніемъ...

Пѣвица отвернулась, какъ-будто для того, чтобы поправить прическу и совсѣмъ тихо сказала:

— Ну, что же вы скажете мнѣ?..

Тонъ ея голоса сталъ мягче и теплѣй... Каншинъ глухо проговорилъ:

— Я больше не могу...—его какъ-то всего передернуло и онъ повторилъ судорожно искривившимся ртомъ:—Не могу...

Ренати повернулась къ нему и смѣрила его съ головы до ногъ холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Что вы не можете?—спокойно спросила она.

Каншинъ протянулъ къ ней руки.

— Ренати!..

Гречанка надменно подняла голову.

— Я схожу съ ума, Ренати!..

Она пожала плечами, словно хотѣла сказать: мнѣ какое дѣло!..

— Ты жестока...—продолжалъ Каншинъ. Ты мнѣ мстишь...

Ренати покачала головой.

— За что?..

Каншинъ горячо сказалъ:

— Ты знаешь, какъ я тебя люблю!.. Твои платья мнѣ напомнили...

Губы Ренати искривились усмѣшкой.

— А невѣста?..

Каншинъ жалко улыбнулся.

— Зачѣмъ это, Ренати??—съ упрекомъ сказалъ онъ:—Если я пришелъ къ тебѣ—я весь здѣсь, съ тобой... Я не могу безъ тебя жить!..

Ренати серьезно посмотрѣла на него и, стягивая съ рукъ длинныя, лайковыя перчатки, жестко сказала:

— Я понимаю тебя. Ты свою невѣсту не смѣешь тронуть, потому что она бережетъ свою чистоту до свадьбы. Но она вызвала въ тебѣ страсть, и ты ищешь удовлетворенія у меня!.. Или, можетъ быть, она тебя вовсе отшвырнула отъ себя?..

Ренати засмѣялась чувственнымъ, злымъ смѣхомъ, и бросивъ въ уголъ перчатки, насмѣшливо сказала:

— Ошибся, мой милый! Я не принимаю ничьихъ отбросовъ!..

Она отошла въ сторону, какъ бы давая ему дорогу къ

двери. Она кусала свои дергавшіяся губы, но смотрѣла на него изъ-подъ сжатыхъ бровей спокойно, сурово...

Каншинъ прошелъ мимо нея съ низко опущенной головой... Когда онъ взялся за ручку двери—ему послышалось сзади какое-то движеніе и онъ быстро оглянулся. Но Ренати стояла неподвижно, все еще кусая губы и встрѣтила его взглядъ тѣмъ же спокойнымъ, жесткимъ, суровымъ взглядомъ...

Въ коридорѣ у самой двери стоялъ Сеня, прижавшись спиной къ стѣнѣ, блѣдный, съ спрятанными за спину руками. Онъ посмотрѣлъ на Каншина большими глазами и тихо, почти беззвучно сказалъ:

— Вы?..—потомъ приложилъ палецъ къ губамъ:—Тсс...

И вынулъ изъ-за спины руку, въ которой что-то блеснуло холоднымъ, стальнымъ блескомъ...

Каншинъ невольно отодвинулся отъ него и шопотомъ спросилъ:

— Зачѣмъ это у васъ?

Сеня посмотрѣлъ на свой револьверъ и криво усмѣхнулся:

— Не бойтесь... Не для васъ...

У Каншина что-то дрогнуло и упало въ груди. Онъ съ трудомъ выговорилъ:

— Вы хотите... ее?..

Отвѣтъ онъ скорѣй угадалъ, чѣмъ услыхалъ, по движенію его губъ:

— Да...

Каншинъ придвинулся къ нему:

— Не смѣйте, Сеня! Слышите?.. Она не виновата!.. Никто не виноватъ!.. Это—несчастье, и больше ничего!.. Не надо, Сеня!.. Милый, не надо!..

У Сени изъ глазъ текли слезы. Онъ тихо, словно про себя, сказалъ:

— Я тоже думалъ... что не надо... Но что мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?..

Ручка двери зашевелилась, и они оба вздрогнули. Дверь пріоткрылась, и изъ нея высунулась голова Ренати. Она по-

смотрѣла на Каншина удивленными глазами и потомъ п[illegible] вела ихъ на Сеню. Ея глаза наполнились ужасомъ и л[illegible] сразу стало бѣлымъ, какъ бумага. Она хотѣла что-то [illegible]зать, но только пошевелила побѣлѣвшими губами, не изд[illegible] ни звука...

Лицо Сени стало такимъ же бѣлымъ, какъ и у нея. П[illegible] тускломъ свѣтѣ коридорной лампы оно казалось совсѣ[illegible] мертвымъ, съ черными впадинами вмѣсто глазъ... Замѣти[illegible] что она смотритъ на его револьверъ, онъ тоже посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся жалкой, страдальческой усмѣшкой..

Каншинъ торопливо сказалъ Ренати:

— Мы сейчасъ уйдемъ... Не пугайтесь...—и взялъ Сен[illegible] за руку:—Пойдемте, Сеня...

Сеня посмотрѣлъ на него пустыми, отсутствующими глазами и, ничего не сказавъ, отдѣлился отъ стѣны и пошелъ по коридору...

Каншинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и потомъ повернулся къ Ренати. Она, все такая же бѣлая, неподвижно, какъ загипнотизированная, смотрѣла на удалявшуюся фигуру Сени. Ея глаза все еще были налиты страхомъ, и нижняя губа дрожала.

Когда Сеня исчезъ за поворотомъ коридора—она глубоко. облегченно вздохнула и медленно, тихо, словно раздумывая и колеблясь, закрыла дверь. Но вдругъ дверь снова открылась, и Каншинъ увидѣлъ Ренати, сіяющую той блестящей, обольстительной улыбкой, какую онъ видѣлъ у нея только въ часы ихъ любовнаго угара. Она отступила въ сторону, давая ему дорогу, глядя на него горячими, зовущими глазами.

— Войди...—сказала она, скрестивъ руки на тяжело дышащей груди...

У Каншина упало сердце. Онъ вдругъ ощутилъ тотъ страхъ, какой она раньше вызывала въ немъ своей необузданной страстью. Блѣдный, съ кривой усмѣшкой, онъ нерѣшительно подошелъ къ ней. Она обвила его шею руками и прильнула къ нему вся, трепетно нѣжная и страстная.

— Пусть она бережетъ свою чистоту!—шепнула она [illegible] на ухо, ласкаясь:—А ты пока будешь моимъ...

„Она мститъ Лидѣ!“ тоскливо подумалъ Каншинъ, и его охватило непріязненное къ ней чувство, сквозь которое уже пробивалась жуткая къ ней брезгливость.

* * *

— Завтра я приду къ тебѣ...—говорила Ренати, прощаясь съ нимъ у двери, порывисто прижимаясь и ласкаясь къ нему.

Ея лицо было блѣдно, почти желто, губы посинѣли, но глаза еще горѣли и руки судорожно ласкали его, преодолѣвая усталость...

Каншинъ хмуро молчалъ. Онъ не могъ смотрѣть на нее—такъ она была ему противна; онъ едва переносилъ эти послѣднія ласки ея—такъ его душило отвращеніе къ нимъ... Зачѣмъ онъ къ ней пришелъ?.. Если бы онъ любилъ ее—развѣ онъ могъ бы испытывать такое мучительное желаніе—поскорѣй уйти отъ нея, дохнуть свѣжимъ воздухомъ, ненасыщеннымъ этимъ удушливымъ, тяжелымъ ароматомъ?.. Что же привело его къ ней? Ради чего онъ унижался передъ ней? Что заставило его цѣловать ея платья, умолять ее о любви, которая теперь вызываетъ въ немъ только тошноту и мучительный стыдъ?..

Тяжелое недоумѣніе томило его. Онъ ушелъ отъ нея убитый, уничтоженный, чувствуя себя грязнымъ, безпомощнымъ, безнадежно погибшимъ...

XXXI.

Первое, что бросилось ему въ глаза при неровномъ, трепетномъ свѣтѣ спички—это блѣдное лицо Лиды съ большими, темными кругами подъ глубокими, бездонно тихими глазами. Каншинъ сжался, встрѣтившись съ ней взглядомъ, отъ страха передъ такимъ большимъ страданьемъ, передъ такимъ безутѣшнымъ горемъ. Она, казалось, уже не видѣла никакой радости въ томъ чтобы жить...

Она поднялась съ дивана и все смотрѣла на него, какъ будто не узнавала его или старалась понять тотъ его новый

обликъ, который онъ принялъ теперь для нея. И самъ Каншинъ чувствовалъ, что онъ для нея—новый, не тотъ, каким она любила его, не такой, кому она вчера говорила „ты". И это чувство наполнило его страхомъ передъ ней, неловкостью, стыдомъ. Онъ бросилъ догорѣвшую спичку, торопливо зажегъ другую и испуганно кинулся къ столу зажигать лампу, бормоча:

— Я сейчасъ... Отчего ты сидишь въ темнотѣ!..

Отъ зеленаго абажура лампы лицо Лиды казалось совсѣмъ больнымъ, съ побѣлѣвшими губами и втянувшимися щеками. Только большіе глаза—темные, глубокіе провалы—горѣли мучительной жизнью, и казалось, что все ея существо состояло только изъ однихъ этихъ глазъ, въ которые страшно было смотрѣть...

Она пришла сюда въ платочкѣ, который лежалъ теперь на ея плечахъ, свиснувъ однимъ концомъ на спину, какъ безсильное, больное крыло. На ней была нарядная блузка съ маленькимъ вырѣзомъ на шеѣ, открывавшемъ ея дѣтски нѣжную ключицу, и въ волосахъ, надъ правымъ вискомъ висѣла бѣлая роза. Каншинъ съ болью въ сердцѣ отмѣтилъ то, что она принарядилась для него. Дѣвушка шла къ нему и радовалась, что она—нарядная и красивая, что онъ будетъ ею любоваться, и она увидитъ въ его глазахъ нѣжное восхищеніе ею. Пришла она свѣжая, нѣжная, улыбающаяся, удивилась, что его нѣтъ, и сѣла ждать. Онъ долженъ скоро вернуться,—думала она: ему некуда уйти надолго... И она терпѣливо ждала, сохраняя для него на лицѣ улыбку,—чтобы онъ, войдя, сразу ощутилъ радость и счастье, ожидавшія его здѣсь. И роза въ ея волосахъ сохраняла свою бѣлизну, свѣжесть, благоуханіе; вѣдь она была вдѣта въ эти пушистые волосы только для него, и онъ долженъ былъ увидѣть ее во всей полнотѣ ея нѣжнаго расцвѣта...

Но прошелъ часъ—губы Лиды устали отъ улыбки, ихъ уголки серьезно и грустно опустились внизъ, но лицо ея все еще оставалось свѣжимъ и спокойнымъ, хотя въ глазахъ уже мелькало отраженіе смутнаго безпокойства, щемящаго

ея сердце. «Онъ сейчасъ придетъ!»—успокаивала она себя:— «Онъ долженъ сейчасъ притти!..» У розы-же пожелтѣли и подогнулись нижніе лепестки и въ ея густомъ ароматѣ была мольба: приди-же скорѣй! я могу умереть, не дождавшись тебя!..

Время шло, и каждая минута была какъ цѣлый годъ. Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, и наполнившій ее мракъ какъ-будто стеръ съ лица Лиды румянецъ, высосалъ нѣжную, округлую полноту ея щекъ и алость ея губъ и наполнилъ своей тихой, бездонной, тяжелодумной чернотой ея глаза, которые больше не смотрѣли съ ожиданіемъ на дверь. Она поняла, что если онъ до сихъ поръ не пришелъ—значитъ, онъ т а м ъ. И ея губы кривились и дергались, она кусала ихъ, чтобы не заплакать...

Она сидѣла одна въ темнотѣ, въ неуютной комнатѣ, которая казалась ей теперь чужой, такая одинокая, брошенная, несчастная—развѣ она могла удержаться, чтобы не плакать? Она плакала—и долго, ея вѣки были красны и рѣсницы мокры. И роза, лепестокъ за лепесткомъ, желтѣла, сжималась, темнѣла, издавая уже горькій запахъ увяданія...

А еще черезъ часъ—уже нельзя было плакать: все было кончено, а конецъ никакими слезами не оплачешь. Дѣвушка застыла и уже не ждала. Она не могла встать съ мѣста, чтобы уйти, она даже не подумала о томъ, что нужно уйти. Куда ей итти? зачѣмъ?..

Когда онъ зажегъ лампу и обернулся къ ней—она тихо пошевелила губами, и изъ ея глазъ вдругъ побѣжали слезы. Она хотѣла что-то сказать, но кривившіяся губы не слушались ея и она пошла къ двери и тамъ остановилась и, закрывъ лицо руками, прижалась головой къ косяку. Она плакала совсѣмъ тихо, какъ-будто исходила слезами, и на ея спинѣ дрожалъ и колыхался конецъ платка, какъ подшибленное крыло...

Каншинъ стоялъ у стола въ тяжеломъ недоумѣніи и думалъ, опустивъ голову. Мысли мѣшались, обрывались, обгоняли одна другую. И это были мысли не изъ словъ, а

изъ образовъ, возникавшихъ безъ всякой послѣдовательнос... и исчезавшихъ раньше, чѣмъ онъ могъ отдать себѣ въ них... отчетъ. Красная блузка Ренати и ея зло и насмѣшлив... усмѣхающееся лицо,—Агнія въ цвѣтной ситцевой рубаш... и уличная проститутка въ большой шляпѣ съ черным... просящими и боящимися глазами,—Лида, ласкающая е... лицо и голову теплыми, нѣжными руками, и пьяный матрос... спрашивающій о публичномъ домѣ.—Ренати, прогоняющ... его и потомъ страстно прижимающаяся къ нему, и Сеня съ сумасшедшими глазами, съ револьверомъ въ рукѣ!.. Гдѣ тут... начало и гдѣ конецъ? Какъ все это объяснить, размотат..., распутать?..

Онъ торопливо все передумалъ, чтобы сейчасъ, пока Лида не ушла, сказать ей, что онъ не виноватъ во всем... томъ, что случилось, что онъ любитъ ее и любитъ не так..., какъ Ренати, а выше, чище, святѣй, глубже. Онъ вспомнил... то, что пережилъ передъ тѣмъ, какъ пошелъ къ Ренати, лежа на своей постели, погрузивъ свое лицо въ е... красную блузку, тотъ сладострастный сонъ, пѣсню-пѣсней, которой звучала вся его взбунтовавшаяся кровь—развѣ онъ могъ преодолѣть это? И то, что толкнуло его къ Агніи—было также непреодолимое,—и все это шло отъ Лиды. Эта послѣдняя мысль пришла внезапно и казалась ключомъ къ мучительной загадкѣ. Сама Ренати сказала, что онъ пришелъ къ ней, чтобы удовлетворить желаніе, вызванное въ немъ невѣстой. Онъ хотѣлъ Лиду, онъ искалъ ея въ другихъ женщинахъ, надѣясь обмануть себя и потушить мучительный бунтъ крови! Если бы она не сказала вчера «нѣтъ»—можетъ быть, онъ остался бы чистъ передъ Лидой...

Но какъ объяснить ей это?.. Въ груди у него тѣснило и болѣло отъ каждаго глотка воздуха, какъ-будто тамъ открылась рана. Казалось, если бы онъ могъ глубоко вздохнуть—ему стало бы легче. Но онъ не смѣлъ даже вздохнуть. Горло его сжимали спазмы, онъ старался проглотить застрявшій тамъ клубокъ—и не могъ...

Онъ уловилъ движеніе Лиды, почувствовалъ на себѣ е...

взглядъ. Онъ весь сжался, затаилъ дыханіе, услыхавъ непонятный звукъ, какое-то слово, измѣненное дрожью плачущихъ губъ. Только наступившее послѣ него молчаніе какъ-будто исправило это слово, этотъ тихій вопросъ-укоръ:

— Зачѣмъ?..

Она спрашиваетъ—зачѣмъ онъ пошелъ къ Ренати?..

— Я вчера ушелъ отъ тебя... сумасшедшимъ...—съ трудомъ, проговорилъ онъ, не поднимая головы: —Я отдалъ бы жизнь, чтобы... остаться съ тобой... Ты понимаешь?..—у него пресѣкся голосъ, и онъ помолчалъ немного, чтобы подавить спазму, сжавшую горло:—Но ты не хотѣла... Мнѣ нужно было разбить себѣ голову...

Онъ робко посмотрѣлъ на нее. Въ темныхъ, заплаканныхъ глазахъ Лиды мелькнуло недоумѣніе, словно она не понимала, о чемъ онъ говорилъ. Но легкая краска застыдившейся дѣвической чистоты залила ея лицо, и она опустила наполнившіеся слезами глаза. Она постояла съ минуту молча, сжавъ брови надъ плачущими глазами, какъ-будто сурово и безнадежно оплакивая свое и его, уже непоправимое, несчастье; потомъ повернулась и взялась за ручку двери. Это было п о с л ѣ д н е е движеніе, опредѣленный о б р а з ъ неотвратимаго конца. Каншинъ глухо, сдавленнымъ голосомъ, крикнулъ:

— Лида!..

Она замерла у двери, но не обернулась на его крикъ.

— Пойми же меня...—уже тихо сказалъ онъ:—Я... несчастенъ, Лида...

Плечи дѣвушки дрогнули, словно ее ударили сзади. Она быстро повернула ручку двери и съ прорвавшимся рыданіемъ выбѣжала въ темный коридоръ....

XXXII.

Это было какое-то тупое, тяжелое полузабытье; Каншинъ лежалъ на диванѣ лицомъ внизъ, ничего не чувствуя, ни о чемъ не думая, съ однимъ смутнымъ ощущеніемъ мучитель-

наго конца—можетъ быть, самой жизни. Около него сидѣла Агнія,—онъ не замѣтилъ, когда она пришла,—гладила рукой его волосы и тихо плакала.

— Если бы хоть немножко вы любили меня...—говорила она, плача, складывая на груди руки и горестно склоняя къ плечу голову, глядя передъ собой мечтательными, влажными глазами,—и ждала, что онъ скажетъ...

Каншинъ молчалъ и, казалось, вовсе не слышалъ ея. Онъ лежалъ совершенно неподвижно и какъ-будто даже не дышалъ; только временами въ его широкихъ плечахъ пробѣгала дрожь, и они поднимались отъ глубокаго, тяжелаго вздоха. Тихая, грустная ласка Агніи медленно приводила его въ себя, возвращая ему способность думать и чувствовать, выводя изъ того столбняка безвыходнаго отчаянья, который овладѣлъ имъ послѣ ухода Лиды. Почему Агнія пришла къ нему? Слыхала ли она ихъ разговоръ или сама хотѣла съ нимъ говорить?.. По тому, что она сидѣла около него и гладила его волосы—видно было, что она все простила ему: и то, что онъ—Лидинъ женихъ, и то, что онъ сдѣлалъ съ ней вчера и что не любитъ ее и сегодня въ коридорѣ больно толкнулъ ее. А Лида не могла простить!..

Рука Агніи скользнула по его волосамъ, касалась его шеи, ласкала нѣжно и жалостливо, и подъ этой лаской онъ чувствовалъ себя маленькимъ, одинокимъ, брошеннымъ ребенкомъ, которому оставалось только плакать. Если бы онъ могъ плакать!.. Такъ ласкала его въ дѣтствѣ мать и онъ со слезами цѣловалъ ея руки...

Агнія снова тихо говорила:

— Вы такой молодой и красивый... Если-бы не Сеня—я сразу полюбила бы васъ. А я Сеню ахъ какъ любила!.. И сама не знаю, за что... Только онъ не приходилъ, и я все ждала его напрасно... А ночью... когда вы пришли... не знаю что со мной сталось... Отъ страху ли, отъ чего другого—совсѣмъ разумъ и силы отняло... Потомъ всю ночь плакала, думала, что пропала я и что несчастнѣй меня не найти другой... Только утромъ какъ вспомнила—сердце такъ и задро-

жало. И стыдно мнѣ, ахъ Боже мой, какъ стыдно было и радостно такъ, что духъ захватывало!.. Понесла вамъ чай и принарядилась, бантикъ голубой къ волосамъ приколола—да не смѣла и слова вымолвить. И весь день только и думала, чтобы увидѣть васъ и сказать, что люблю... Пускай плюнетъ, думала, мнѣ въ лицо, пускай ударитъ меня, а я буду смѣяться отъ радости и говорить: все равно люблю тебя, мой миленькій, мой желанненькій!.. И въ коридоръ затѣмъ и выбѣжала къ вамъ, чтобы сказать о моей любви. А вы толкнули меня, и я ударилась головой о стѣну. Только не могла я отъ этого смѣяться и радоваться. Не въ головѣ, гдѣ ударилась, а вотъ здѣсь, въ сердцѣ, стало мнѣ больно, такъ больно, что я заплакала... Ахъ, миленькій мой, ахъ любимый мой, если бы хоть капельку вы любили меня!...

Она прижалась лицомъ къ его плечу и тихо плакала, и ея рука все гладила его волосы съ робкой любовной нѣжностью. Каншину были пріятны и эта ласка и то, что она говорила съ такой покорностью о своемъ мученіи; онъ былъ не одинъ въ своемъ отчаяньи, его понимали и жалѣли. Общность несчастья сближала его съ Агніей, располагала къ ней, вызывала въ немъ теплое чувство благодарности. Онъ не двигался и молчалъ, чтобы не спугнуть ее, отдаваясь своей боли, растравляемой жалостью дѣвушки...

Подумавъ, что онъ уснулъ, она перекрестила его:

Спите. Сномъ все пройдетъ...

И встала, чтобы уйти...

Каншинъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, и не выпуская ея руки, снова уткнулся лицомъ въ диванъ и попросилъ:

— Останься...

Лицо Агніи, съ влажными глазами и мокрыми отъ слезъ щеками, странно засвѣтилось, точно у нея изнутри забилъ яркій свѣтъ. Она не то смѣялась, не то плакала, вся налитая счастьемъ, которому еще боялась повѣрить: онъ поцѣловалъ ея руку и просилъ остаться!.. Она, всхлипывая, спрашивала:

— Мнѣ... мнѣ?..

И не могла договорить,—и казалось, что она спрашивал.

— Мнѣ это счастье? Мнѣ?..

Каншинъ прижался щекой къ ея теплой, гладкой ладони. Агнія снова сѣла около него, но уже не плакала и ничего не говорила, вся глубоко затихла въ своемъ нежданномъ, неслыханномъ счастьѣ...

Ея пальцы на его щекѣ чуть дрожали, и эта легкая дрожь женскихъ пальцевъ напоминала ему руки Лиды, такъ нѣжно и порывисто ласкавшихъ вчера его лицо. Онъ глубоко, со стономъ, вздохнулъ и отбросилъ отъ себя руку Агніи. Поднялся, сѣлъ и, не глядя на нее, глухо спросилъ:

— Ты видѣла... какъ она ушла?..

Испуганные глаза Агніи снова налились слезами и она сразу какъ-то вся потухла, стала темной и несчастной. Она молча кивнула головой.

— Ты знаешь, отчего она ушла?—снова спросилъ Каншинъ.

— Знаю...—чуть слышно прошептала Агнія.

— Развѣ нельзя было простить?—словно самому себѣ, совсѣмъ тихо, сказалъ Каншинъ и закрылъ глаза рукой...

— Все, все можно простить!—торопливо заговорила Агнія, въ горестномъ порывѣ ломая на колѣняхъ пальцы:—Только бы любилъ! Ахъ, только бы любилъ, хоть немножко!.. Не прощаетъ—значитъ, не любитъ!.. Не думай о ней! Забудь!.. Я не такая! Плюй на меня, бей, топчи ногами, гуляй съ другой—все вытерплю, все прощу!..—она вскочила съ дивана и плача, съ искаженнымъ тоской и рыданьемъ лицомъ, выкрикивала, какъ безумная:—Вотъ я какая! Вотъ!.. Бери!..

Дернувъ на груди блузку, она разстегнула ее и, открывъ грудь, наклонилась къ нему, положивъ ему на плечи руки, смѣясь и рыдая:

—Обними же меня, приласкай, милый, любимый!.. Или не стою я твоей ласки, любви?..

Каншинъ молча отвелъ ея руки, всталъ и отошелъ къ окну.

Агнія опустилась на полъ, закрыла лицо руками. Пла... говорила:

— Не любишь!.. Не хочешь!.. Стыда моего не жалѣ

— Уйди!— съ мученіемъ сказалъ Каншинъ и крикливо повторилъ, ударивъ рукой по подоконнику:—Уйди!..

Агнія затихла, только вся дрожала, словно ей было нестерпимо холодно. Она поднялась, запахнувъ на груди блузку, какъ-то вся подобралась, какъ побитая собака, и ушла, осторожно притворивъ за собой дверь...

XXXIII.

Проснулся Каншинъ поздно и, еще не открывъ глазъ, почувствовалъ, что около него кто-то сидитъ. Ему представилось, что онъ совсѣмъ не спалъ, и Агнія все еще сидитъ около него. Но уже былъ день—сквозь вѣки въ глаза проникалъ огненный свѣтъ. И отъ того, кто сидѣлъ около него, вѣяло чѣмъ-то инымъ, чѣмъ отъ Агніи, какимъ-то нѣжнымъ благоуханіемъ, знакомымъ, близкимъ, волнующимъ... Онъ тихо спросилъ:

— Лида?..

Никто не отвѣчалъ...

Боясь разсѣять очарованіе, не открывая глазъ, онъ ощупью нашелъ около себя маленькую, холодную руку и прижалъ къ губамъ ея пугливо вздрагивавшіе пальцы. Онъ узналъ эту руку, казалось, изъ тысячи рукъ онъ узналъ бы ее своимъ мучительнымъ желаніемъ ея ласки. Онъ не вѣрилъ тому, что это была дѣйствительность, что Лида въ самомъ дѣлѣ пришла къ нему и позволяетъ ему цѣловать ея руку. Казалось, это было только сновидѣніе, и онъ съ жадной тоской цѣловалъ и ласкалъ руку дѣвушки, торопясь насытиться ею, пока не наступило пробужденіе...

Лида молчала и не отнимала руки. Она наклонилась и положила свою голову рядомъ съ его головой на подушку, и онъ почувствовалъ на своей щекѣ теплую влагу слезъ, омочившихъ ея лицо. Онъ приподнялся и обнялъ ее,—она прижалась къ нему и разрыдалась. Со слезами на глазахъ, тихо, серьезно, благоговѣйно цѣловалъ онъ ея волосы и лобъ, гла-

дилъ ея плечи, мучительно чувствуя эту сладкую и страшную близость любимаго существа, отъ котораго безъ смертельной боли, казалось, уже нельзя было оторваться. Они оба какъ-будто только теперь поняли, что для нихъ уже невозможна жизнь другъ безъ друга...

Лида осторожно отвела его руки и тихо сказала:

— Встань... Я подожду...

Она отошла къ окну и сѣла такъ, чтобы не видѣть его. Но то, что она находилась въ его комнатѣ, когда онъ одѣвался, волновало Каншина тихой радостью, сообщая ихъ близости теплую интимность простыхъ, уже почти родственныхъ отношеній...

Пока онъ одѣвался и мылся—Лида молчала, сосредоточенно о чемъ-то думая. Она была блѣдна, подъ глазами темнѣли синіе круги,—видно было, что она всю ночь не спала и мучилась. Теперь ея лицо казалось спокойнымъ, было овѣяно глубокой тишиной и торжественностью очевидно принятаго ею какого-то рѣшенія. Но не было въ немъ радости, глаза ея были грустны и углы рта скорбно опущены внизъ. Она была въ своемъ нарядномъ бѣломъ платьѣ и походила на невѣсту, истомившуюся страхомъ и волненіемъ передъ вѣнцомъ, покорно отдающуюся своей судьбѣ...

Когда Каншинъ опустился около нея на полъ и сталъ цѣловать на ея колѣняхъ платье, смущенный ея грустью, полный жалости, любви и раскаянія—она положила руку на его голову и сказала, задумчиво глядя прямо передъ собой, какъ-будто вслухъ продолжая думать:

— Не ты, нѣтъ—я виновата во всемъ... Нужно любить... до конца...—она застѣнчиво, стыдливо, съ какой-то горечью въ углахъ губъ, улыбнулась, и на ея рѣсницахъ повисли слезинки:—Я хотѣла ночью умереть. Мнѣ было нестерпимо больно... Но я вспомнила твое лицо, когда ты сказалъ, что несчастенъ, и какъ-то сразу поняла, что была неправа и не должна была уходить отъ тебя... А можетъ быть, это и не то, и я не могла не вернуться къ тебѣ просто потому, что... люблю тебя...—она опустила порозовѣвшее лицо и замолкла

на минуту, потомъ тихо прибавила:—Мы пойдемъ отсюда... куда-нибудь...

Въ дверь постучали. Лида вздрогнула и подняла на Каншина испуганные глаза. Онъ объяснилъ:

— Агнія чай принесла...

Онъ поднялся, чтобы открыть дверь. Лида схватила его за руку, торопливо шепнувъ:

— Не надо... Мы не должны сегодня ѣсть...

Каншинъ удивленно посмотрѣлъ на нее: что это значитъ?..

Лида потупилась, вся розовая и слабо улыбнулась, словно хотѣла сказать: такъ надо, послѣ узнаешь...

* * *

Они бродили за городомъ, близъ Аркадійской дороги, по зеленымъ холмамъ, подъ высокимъ, синимъ, безграничнымъ небомъ, обливаемые мягкимъ зноемъ солнца, обвѣваемые душистымъ полевымъ вѣтромъ,—но не было радости въ ихъ блужданіи, словно они исполняли какой-то долгъ, тяжелый и печальный. Лида была тиха, молчалива, сосредоточена на какой-то одной, точно сковавшей все ея существо, мысли; ея глаза такъ были углублены въ самихъ себя, что, казалось, она ничего не видѣла и временами какъ-будто забывала о томъ, что съ ней Каншинъ. Лишь изрѣдка поднимала на него свои думающіе и какъ бы о чемъ-то съ печальной пытливостью спрашивающіе глаза, и ея долгій неподвижный взглядъ приводилъ Каншина въ смущеніе, вызывалъ въ немъ тревогу. Онъ покорно шелъ за ней, чувствуя, что она что-то рѣшила, что-то задумала, большое и серьезное, наполнявшее всю ее какимъ-то темнымъ, глубокимъ молчаніемъ—и самъ мучился и тосковалъ. Вся бѣлая, съ бѣлымъ газовымъ шарфомъ на головѣ, стройная и нѣжная, Лида казалась ему близкой больше, чѣмъ когда бы то ни было, и въ то же время какая-то пропасть отдѣляла ее отъ него, созданная ея непонятнымъ молчаніемъ. Онъ боялся ея печальныхъ, немного строгихъ глазъ, затѣненныхъ краемъ шарфа, но неодолимо

влекло, его къ ея маленькимъ рукамъ, скрещеннымъ на груди, трогательно-цѣломудренно придерживавшимъ концы легкаго газа.

Кругомъ лежали зеленые, усыпанные бѣлой ромашкой, холмы, между которыми желтой лентой извивалась пыльная Аркадійская дорога. Недалеко за холмами лежало море, но его не было видно; только временами набѣгалъ оттуда вѣтерокъ—и тогда сильно пахло морской солью, водорослями и свѣжестью огромнаго пространства воды... Трава была высокая, еще по-весеннему свѣжая, и такъ красиво рисовалась на ея зелени бѣлая, тонкая фигурка Лиды, утопавшая въ ней по колѣна...

Она шла впереди, почему-то торопилась, глядя передъ собой тихими, невидящими глазами,—то вдругъ опускала голову низко на грудь и замедляла шаги, точно внезапно тяжелѣла и слабѣла отъ обурѣвавшихъ ее мыслей... Разъ, оглянувшись на Каншина и какъ-будто тронувшись его жалкимъ, несчастнымъ видомъ, она улыбнулась ему, остановилась и, когда онъ подошелъ къ ней—положила ему на плечи руки и прижалась къ нему нѣжнымъ, горестнымъ движеніемъ страданія, тоски...

Каншинъ въ грустномъ недоумѣніи спросилъ:

— Что съ тобой, Лида?.. Отчего ты мнѣ не скажешь?..

Дѣвушка нервно засмѣялась, пряча лицо на его груди и сказала страннымъ, не своимъ, тонко звенящимъ голосомъ:

— Такъ... ничего...—и помолчавъ, тихо прибавила:—Мнѣ немного... страшно...

— Чего страшно?..

Она не отвѣтила и сильнѣй прижалась къ нему. Потомъ вдругъ откинулась назадъ и, высвободившись изъ его рукъ, сказала съ тѣмъ же нервнымъ смѣхомъ:

— Это пройдетъ... Я ужасно счастлива!...—она сжала его руку:—А ты... счастливъ?..

Каншинъ грустно кивнулъ головой, съ недоумѣніемъ глядя на ея смѣющіяся губы и плачущіе глаза...

Съ этой минуты Лида какъ-будто старалась стряхнуть съ

себя свою тяжелую думу, притворялась веселой, беззаботной счастливой,—но это было еще печальнѣй и мучительнѣй. Въ ея смѣхѣ звенѣли слезы, ея губы во время улыбки вдругъ болѣзненно кривились, словно она собиралась заплакать. А глаза все оставались углубленными въ себя, тихими и скорбными. Часто, на мгновеніе, она затихала, задумывалась и смотрѣла на него все съ тѣмъ-же печально-пытливымъ вопросомъ. Потомъ, спохватившись, какъ-то особенно громко и звонко смѣялась и начинала пѣть неровнымъ, сильно вибрирующимъ голосомъ...

Каншинъ думалъ, глядя на нее: „Не простила... Хочетъ простить и не можетъ"... И у него сжималось сердце отъ жалости къ дѣвушкѣ, такъ трогательно старавшейся спрятать отъ него свое страданіе...

XXXIV.

Было томительно жарко. Солнце стояло высоко и обливало землю сухимъ, горячимъ свѣтомъ, отъ котораго становилось больно глазамъ. Вѣтеръ съ моря, послѣ полудня, больше не залеталъ сюда, травы стояли неподвижно подъ солнечнымъ зноемъ, издавая густой, теплый запахъ нагрѣтыхъ листьевъ и цвѣтовъ. Медвянно пахли ромашки, павилика, кашка, горьковато-прянно дышали полынь, шалфей, звѣробой; иногда со стороны наплывала волна приторно сладкаго аромата дикаго горошка или нѣжнаго, тонкаго запаха полевыхъ анемоновъ...

Каншина разморило солнцемъ, опьянило воздухомъ; у него кружилась голова. Въ глазахъ временами темнѣло, словно ихъ заволакивала какая-то пленка, и тогда небо и холмы казались огненно-красными, а бѣлая фигура Лиды уходила далеко-далеко и качалась, какъ маятникъ...

У подножія холма, гдѣ кусты терновника образовали уютный тѣневой уголокъ—Лида, снявъ съ головы шарфъ, разостлала его на травѣ и прилегла, подперевъ голову рукой.

Каншинъ остановился надъ ней, и она потянула его за руку къ себѣ. Онъ чувствовалъ на себѣ ея испуганный, ожидающій взглядъ и, боясь встрѣтиться съ нимъ, закрылъ глаза...

Было тихо-тихо; только далеко гдѣ-то трещалъ кузнечикъ въ травѣ, и высоко въ воздухѣ звенѣла, заливаясь, какая-то невидимая птица, опьяненная просторомъ, солнцемъ, небомъ... Каншинъ вдругъ почувствовалъ на своемъ лицѣ горячее дыханіе Лиды. Она тихо, съ упрекомъ, сказала:

— Отчего ты меня не цѣлуешь?..

И провела рукой по его лбу и волосамъ...

Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой просящіе и какъ-будто боящіеся глаза и раскрытыя, словно отъ жажды, вздрагивающія губы Лиды. Ея грудь часто дышала близко около его груди. Она осторожно прикоснулась губами къ его губамъ и потомъ, отвернувшись, сказала:

— Здѣсь насъ не увидитъ никто...

Взяла его руку, положила къ себѣ на грудь и замерла. Ея сердце билось часто-часто, и его испуганное біеніе отзывалось въ груди Каншина смутной, глухой тревогой. Онъ чувствовалъ въ ней какой-то надрывъ, словно она насиловала свою душу, заставляя себя быть съ нимъ нѣжной и требуя его ласкъ, которыхъ не желала и боялась. Онъ не могъ преодолѣть этого чувства, обезсиливавшаго его любовь и, осторожно снявъ свою руку съ ея груди, съ усмѣшкой, словно желая показать, что онъ шутитъ, сказалъ:

— Насъ видитъ здѣсь небо, Лида...

Лида, какъ-будто уловивъ какой-то тайный смыслъ въ его словахъ, быстро поднялась.

— Пойдемъ!—сказала она рѣшительно, строго сжавъ брови.

Накинувъ на голову шарфъ, она стала торопливо подниматься на холмъ...

Она нагибалась и рвала бѣлыя ромашки, на ходу плет[illegible] изъ нихъ вѣнокъ. Она сдѣлала его не круглымъ, какъ обыкновенно плетутъ изъ полевыхъ цвѣто[illegible] идѣ полумѣсяца, наподобіе маленькой гирлянды, [illegible]рашак[illegible]

вѣсту для вѣнца... Когда вѣнокъ былъ готовъ—она сняла съ головы вуаль и приколола его къ волосамъ надъ лбомъ. Ея лицо при этомъ стало торжественно грустнымъ и серьезнымъ...

Каншинъ съ тревогой и восхищеніемъ смотрѣлъ на дѣвушку, любуясь ея свѣтлымъ, прозрачно-блѣднымъ лицомъ, которому этотъ простой и нѣжный вѣнокъ придалъ выраженіе святости, очарованіе безгрѣшной дѣвической чистоты... Казалось, она не только играла, забавлялась, примѣряя вѣнокъ,—чувствовалось въ этомъ что-то глубоко серьезное, связанное съ ея печалью и мыслями, упорно владѣющими ею...

Она приколола къ волосамъ однимъ концомъ свой бѣлый, прозрачный шарфъ такъ, что другой конецъ свѣшивался до земли, какъ фата—и теперь она совсѣмъ походила на невѣсту, идущую къ вѣнцу. Она посмотрѣла на Каншина съ виноватой, стыдливой улыбкой, словно просила, чтобы онъ не смѣялся надъ ней и, какъ бы маскируя свое серьезное отношеніе къ тому, что дѣлала, шутливо сказала:

— Теперь я готова!..

Она засмѣялась, блеснувъ слезинками на рѣсницахъ, и вдругъ, затихнувъ, взяла его за руку, опустилась на колѣни и потянула его за собой, шепча:

— Стань, стань на колѣни... Ну, милый, стань же...

Каншинъ, смущенно улыбаясь, опустился на траву рядомъ съ ней. Молитвенно, какъ дитя, сложивъ на груди руки, ладонями внутрь, она сказала ему:

— Смотри туда... Помолись...

И сама подняла глаза къ небу...

Каншинъ посмотрѣлъ въ безконечную, густую синеву пустого, безоблачнаго неба—и почему-то страхъ сжалъ его сердце. Что будетъ дальше?..

Онъ осторожно, искоса, посмотрѣлъ на нее. Гдѣ-то онъ видѣлъ Мадонну съ такимъ же скорбно-восторженнымъ лицомъ, съ такой же болѣзненно-свѣтлой улыбкой покорнаго страданія на губахъ, съ такой же нѣжной печалью дѣтской жалобы и мольбы въ глазахъ. Ея губы не шевелились, она

молилась сердцемъ или скорѣе—всѣмъ своимъ лицомъ обращеннымъ къ небу, и ея глаза медленно наполнялись свѣтлой, прозрачной влагой...

Не вытирая слезъ, она обернулась къ Каншину, сняла съ своей руки тонкое золотое кольцо, надѣла ему на мизинецъ и поцѣловала его, уронивъ на его руку нѣсколько теплыхъ, блестящихъ капель...

Она дѣлала все это съ такой трогательной серьезностью, что Каншинъ невольно проникся ея настроеніемъ и осторожно, съ благоговѣніемъ, какъ святыню, поцѣловалъ ея колечко, потомъ надѣлъ ей на палецъ кольцо своей матери, съ надписью „люби“, подаренное ей его отцомъ; съ этимъ кольцомъ онъ не разставался со дня ея смерти, но теперь отдалъ его дѣвушкѣ безъ малѣйшаго колебанія, словно онъ берегъ его только для нея...

Лида смотрѣла на него, пока онъ надѣвалъ ей кольцо, смѣющимися и вмѣстѣ плачущими глазами, поцѣловала это кольцо и прочитавъ на немъ надпись, тихо, изъ самой глубины своего существа, сказала какъ бы самой себѣ:

— О, я буду любить!..

Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ ею овладѣло смущеніе, точно она устыдилась этой, продѣланной ими, дѣтски-наивной церемоніи; потупившись, упавшимъ голосомъ, она проговорила, словно оправдываясь:

— Теперь мы связаны... передъ Богомъ...

И робко подняла на него глаза съ жалкой, застѣнчивой улыбкой, какъ-будто ждала отъ него чего-то, что онъ долженъ былъ теперь сдѣлать. Они поднялись, оба смущенные, растерянные. Лида стояла передъ нимъ, нѣжная, покорная, слабая съ безсильно повисшими внизъ руками, точно говоря всѣмъ своимъ существомъ:

— Вотъ я... Дѣлай со мной, что хочешь!

А Каншинъ горько думалъ: „Нѣтъ, не простила“...

XXXV.

Они шли теперь къ морю, уставшіе отъ долгаго блужданія, замученные зноемъ. Изъ-за холмовъ уже выглядывали верхушки деревьевъ и рѣзныя, деревянныя башни театра и ресторана Аркадіи. Тянуло легкой свѣжестью моря, запахомъ морской воды, ракушекъ влажнаго, ила...

Съ вершины послѣдняго холма они увидѣли уходящую въ безконечную даль горизонта темно-синюю гладь спокойнаго, лѣтняго моря, дремотно, лѣниво нѣжившагося на солнцѣ какъ бы съ сладко прищуренными глазами. Глядя на него, Каншинъ съ тоской вспомнилъ свою работу въ порту, тотъ веселый трепетъ радостнаго ощущенія жизни, какой онъ испытывалъ и тамъ, на пароходѣ, и вечеромъ, возвращаясь домой, и даже ночью, во снѣ, полномъ свѣжихъ сновидѣній о морскихъ скитаньяхъ и невѣдомыхъ странахъ. Казалось, то былъ совсѣмъ другой человѣкъ; теперь онъ чувствовалъ себя инымъ— слабымъ, безвольнымъ, усталымъ, налитымъ тяжестью и печалью какъ бы горькаго опыта жизни. Его никуда уже не тянуло, ясныя дали морского горизонта не пьянили и не звали и жизнь не казалась больше сказкой, полной заманчивыхъ чудесъ, неизвѣданныхъ радостей...

Весь берегъ моря былъ покрытъ мелкими камнями, осколками ракушекъ, звучно хрустѣвшихъ подъ ногами. Было трудно и непріятно итти, ноги скользили, погружались въ этотъ мягкій, горячій щебень, издававшій теплый запахъ рыбы и нагрѣтой морской соли... Лида, шедшая все время молча, вдругъ вскрикнула и остановилась, подобравъ платье, глядя на свои ноги. Ея красивыя, сѣрыя туфли были изрѣзаны, въ конецъ испорчены, свѣтло-голубые, ажурные чулки разорваны и на одномъ изъ нихъ, немного выше туфли, темнѣло небольшое, круглое пятно крови. Она оглянулась на Каншина, удивленными, испуганными глазами и, скрививъ губы въ блѣдную, виноватую улыбку, сказала слабымъ голосомъ:

— Мнѣ больно... Я не могу итти...

Каншинъ опустился на колѣни, чтобы осмотрѣть рану. Лида оперлась о его плечо, немного смущенная тѣмъ, что онъ держалъ ея ногу въ своихъ рукахъ, и стыдливо оправляла на ногѣ платье, стараясь закрыть ее до щиколки. Но ее тянуло посмотрѣть на царапину, и она нагибалась съ широко раскрытыми, потемнѣвшими отъ страха глазами, тихо дрожала, словно видѣла въ этомъ красномъ пятнѣ крови предзнаменованіе чего-то страшнаго. Она едва держалась на ногахъ; ея лицо стало вдругъ бѣлымъ, какъ бумага. Она закрыла глаза, чуть слышно прошептавъ:

— Мнѣ нехорошо...

Каншинъ испуганно поднялся и, растерявшись, боясь, что она упадетъ, обхватилъ ее и поднялъ на руки. До Аркадіи оставалось шаговъ сто, и онъ понесъ ее, почти не чувствуя тяжести ея тѣла. Она обняла его шею рукой и, съ закрытыми глазами, съ блѣдной улыбкой изнеможенія, прилегла головой на его плечо...

Какое-то особенное чувство глубокой, жалѣющей и чисто любящей нѣжности охватило Каншина къ слабой, безпомощной, лежавшей у него на рукахъ, дѣвушкѣ. Близость ея тѣла, прикосновеніе къ нему не вызывали въ немъ ни малѣйшаго волненія; кровь молчала, онъ былъ спокоенъ и тихъ въ своей глубоко удовлетворенной жалости, словно былъ связанъ съ Лидой лишь какимъ-то старымъ, почти кровнымъ родствомъ. Если бы у него была дочь и ему пришлось бы такъ нести ее, вѣроятно, онъ испытывалъ бы то же самое...

У входа въ садъ Аркадіи Лида сама соскользнула съ его рукъ и пошла, немного прихрамывая, опираясь на его руку. Садъ поднимался террасами, и широкія, каменныя ступени скоро привели ихъ на просторную площадку, напоминавшую высокую палубу большого корабля, залитую асфальтомъ, мягкимъ отъ солнечнаго зноя, поддававшимся подъ ногой и издававшимъ удушливый запахъ нагрѣтой смолы. Съ одной стороны площадки высился лѣтній деревянный театръ, съ другой—ресторанъ съ широкимъ навѣсомъ, между ними помѣщалась раковина для оркестра. Вся площадка была за-

ставлена столами и стульями, къ которымъ нельзя было притронуться—такъ они были горячи отъ солнца...

Изъ раскрытой, широкой, какъ ворота, темной двери театра доносилось пѣніе, гулъ говора, тягучіе звуки фисгармоніи; тамъ шла репетиція какой-то оперетки. На площадкѣ не было ни души; раковина тоже была пуста, хотя на пюпитрахъ лежали ноты, и какъ-будто дремали, изнеможенныя зноемъ, прислоненныя къ стульямъ, закутанныя въ парусиновые чехлы, двѣ віолончели, арфа и огромный контрабасъ. Только подъ навѣсомъ ресторана, въ самой глубинѣ, затянутой густой тѣнью, сидѣла за столомъ небольшая компанія, человѣкъ въ шесть-семь и суетились два официанта. Издали можно было только разсмотрѣть, что тамъ—три женщины, въ свѣтлыхъ платьяхъ и на двухъ мужчинахъ—бѣлые офицерскіе или студенческіе кителя...

Едва Лида и Каншинъ показались на площадкѣ, какъ оттуда послышался звонкій женскій крикъ:

— Лидочка! Какъ ты сюда попала?..

Изъ-подъ навѣса вынырнула маленькая женская фигурка въ свѣтломъ платьѣ, въ широкой соломенной шляпѣ съ пучкомъ ярко синихъ васильковъ.

— Это Рина! — сказала Лида: — Вотъ неожиданная встрѣча!..—обернувшись къ Каншину, она быстро шепнула:— Мы скоро уйдемъ... я не могу...

Расцѣловавшись съ Лидой, Рина подала Каншину руку и, густо покраснѣвъ, сказала:

Вы совсѣмъ насъ забыли...

Ея нѣжное лицо немного загорѣло, словно покрылось легкой красноватой тѣнью, отчего глаза стали какъ-будто голубѣе и свѣтлѣе, а волосы—золотистѣй... Она быстро говорила:

— Здѣсь вся наша компанія—Роза, Геня, Дерновъ, Фликке, Виневичъ! И еще этотъ несносный Гилисъ!..—она мелькомъ посмотрѣла на Каншина и понизивъ голосъ, чтобы онъ не услышалъ, обнявъ Лиду, сказала ей на ухо, но такъ, что все было слышно:—Знаешь, онъ сдѣлалъ мнѣ сегодня пред-

ложеніе!.. Пришелъ во фракѣ,—я чуть не умерла отъ смѣха!..

Она звонко, немного неестественно смѣялась, прижимаясь къ Лидѣ и быстро взглядывая на Каншина, словно спрашивая, что ты на это скажешь?.. Лида поздравила ее, но Рина вдругъ нахмурилась.

— Я еще не дала ему отвѣта! Вѣдь, это ужасно, неправда ли?..—она снова взглянула на Каншина, словно онъ долженъ былъ отвѣтить ей на этотъ вопросъ, и, потупившись, медленно, точно въ раздумьѣ, проговорила: — Я не знаю... Не могу рѣшить...

Къ нимъ подошли Дерновъ и Фликке; оба по-офицерски щелкнули каблуками, держась лѣвой рукой за эфесъ шпаги, правую приложивъ къ козырьку маленькой, прусскаго фасона фуражки, едва державшейся у нихъ на головѣ. Оба удивились блѣдности и болѣзненному виду Лиды. Дѣвушка объяснила:

— Я поранила на берегу ногу...

По ея лицу пробѣжала тѣнь того же суевѣрнаго страха какимъ налились ея глаза на берегу при видѣ крови на ногѣ. Она тряхнула головой, точно желая избавиться отъ какихъ-то непріятныхъ мыслей и прибавила съ блѣдной улыбкой:

— Ужасно жарко... Я устала...

— Пойдемте же на террасу!—спохватилась Рина:—тамъ прохладно...

Лида пошла впереди съ Фликке и Дерновымъ. Рина какъ-будто нарочно замедлила шаги, чтобы отстать отъ нихъ, и, помолчавъ, шопотомъ спросила:

— Что случилось?.. У васъ обоихъ такія убитыя лица!..

— Устали,—уклончиво отвѣтилъ Каншинъ:—мы здѣсь съ утра...

Рина недовольно сжала брови, помолчала; потомъ тихо сказала:

— Лида такая скрытная. Она мнѣ не сказала, что стала невѣстой. Я только догадываюсь...

Она вопросительно посмотрѣла на Каншина повлажнѣв-

шими, какъ-будто со страхомъ ожидающими отвѣта, глазами...

Каншинъ молчалъ; его раздражала ея настойчивость, съ какой она старалась вызвать его на откровенность, раздражалъ видъ ея полныхъ, красныхъ чувственныхъ губъ, вызывавшихъ воспоминанiе о поцѣлуѣ въ темной гостиной... Казалось, Лида, какъ женщина, больше не существовала для него; мученiе послѣднихъ двухъ дней какъ-будто сожгло въ немъ желанiе ея любви, ея тѣла, и въ немъ осталась къ ней только тѣнь любви, нѣжность душевнаго влеченiя, радость какой-то родственной близости. Только что онъ несъ ее на рукахъ, ея тѣло прижималось къ его груди—и онъ не чувствовалъ его обаятельной сладости, словно онъ несъ одну только ея душу. А губы Рины, однѣ губы, которыя онъ поцѣловалъ случайно, по ошибкѣ—вызывали въ немъ горячую дрожь, пѣсню крови, отъ которой эта маленькая дѣвушка казалась ему единственно и мучительно желанной. Онъ старался не смотрѣть на нее и ускорялъ шаги,—но Рина, взявъ его подъ руку, прижала его локоть къ своей груди и пытливо заглядывала ему въ лицо, продолжая взволнованно спрашивать:

— Это правда, что вы женитесь?.. И уже было обрученiе?..

Каншинъ усмѣхнулся, вспомнивъ обмѣнъ кольцами съ Лидой на холмѣ и Аркадiйской дороги и молча кивнулъ головой.

— Когда? Гдѣ?..—почти съ ужасомъ спрашивала Рина.

Каншинъ коротко отвѣтилъ:

— Здѣсь...

Дѣвушка удивленно подняла брови, поблѣднѣла, пробовала засмѣяться и тотчасъ же замолкла. И тихо высвободила свою руку...

При ихъ приближенiи Гилисъ всталъ, красный, сердитый, съ нахмуренными бровями и торчащими усами. Усиленно вытирая свою короткую шею подъ высокимъ тугимъ крахмальнымъ воротникомъ, онъ бросалъ на Рину угрожающiе взгляды. Когда они подошли къ столу—онъ торжественно произнесъ:

— Рина! Я ухожу!..

Рина посмотрѣла на него презрительно сощуренными глазами, но лицо ея густо покраснѣло.

— Можете!—спокойно отозвалась она и отвернулась съ брезгливой гримаской...

Жирная шея экспортера еще больше покраснѣла и покрылась крупными каплями пота. Онъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ и бросилъ на столъ нѣсколько кредитокъ, съ кривой усмѣшкой проговорилъ:

— Тутъ хватитъ на званыхъ и не званныхъ...

Рина вспыхнула.

— Мы не давали вамъ этой чести платить за насъ!—сказала она, гордо откинувъ назадъ голову, и отбросила отъ себя бумажки:—Возьмите ваши деньги!..

— Вотъ какъ!—злобно зашипѣлъ Гилисъ, принимая со стола кредитки:—Не великая честь...

— Смотря для кого!—пожала плечами Рина; ея глаза вдругъ загорѣлись синимъ огонькомъ гнѣва, и она проговорила отчеканивая каждое слово:—Я считаю, что вы уже получили мой отвѣтъ на ваше предложеніе. Какой—сами понимаете!.. Надѣюсь, что послѣ этого вы не станете утруждать себя больше посѣщеніемъ нашего дома...

Гилисъ не ожидалъ такой развязки. Моргая вѣками, онъ растерянно смотрѣлъ на Рину, не зная, какъ принять ея слова—въ серьезъ или въ шутку. Но тонъ, какимъ она это сказала, и надменно-презрительное выраженіе ея лица не могли вызывать никакихъ сомнѣній въ томъ, что она говорила совершенно серьезно. Понявъ это, онъ приподнялъ надъ головой цилиндръ и язвительно процѣдилъ сквозь зубы:

— Отлично! Очень радъ!..

Онъ пошелъ, съ безпечнымъ видомъ заложивъ большіе пальцы рукъ въ карманы жилета и гордо выпятивъ животъ, но на полдорогѣ обернулся и съ искаженнымъ, багровымъ отъ злобы лицомъ, погрозилъ Каншину кулакомъ, хрипло крикнувъ:

— А съ вами я еще посчитаюсь!..

Каншинъ усмѣхнулся. И тутъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ онъ снова испортилъ экспортеру все дѣло. Въ этомъ, положительно, было что-то роковое! Каншинъ для Гилиса былъ какимъ-то камнемъ, о который тотъ постоянно спотыкался и ломалъ себѣ ноги...

Рина посмотрѣла на Каншина какъ-то особенно значительно, словно хотѣла сказать: это я для тебя прогнала Гилиса!..

Обѣдъ продолжался вяло, въ неловкомъ молчаніи. Каншинъ второй день ничего не ѣлъ, и видъ и запахъ кушаній вызывалъ въ немъ тоску и тошноту. Онъ былъ очень доволенъ, когда Лида поднялась и стала прощаться...

XXXVI.

Прошелъ короткій, теплый дождь, послѣ котораго уже облетающіе цвѣты акаціи запахли какъ-то особенно сладко и пьяно. Въ тепломъ воздухѣ, влажномъ отъ испареній, поднимавшихся съ горячихъ и мокрыхъ камней мостовыхъ и асфальта тротуаровъ, еще носились мелкія брызги дождя, сверкавшія въ послѣднихъ лучахъ солнца, осѣдавшія на лицо и руки, затягивавшія даль улицы легкимъ, прозрачнымъ, золотымъ туманомъ. Летѣли бѣлые лепестки акаціи, горѣли окна верхнихъ этажей, обращенныя къ закату, и какъ-будто были объяты зеленымъ огнемъ озаренныя заходящимъ солнцемъ верхушки мокрыхъ деревьевъ. Еще было жарко и душно, но чувствовалось, что съ заходомъ солнца теплая влага, насытившая воздухъ, остынетъ и ночь будетъ свѣжей и прохладной...

Въ комнатѣ Каншина уже стояли мягкія вечернія сумерки, и послѣ улицы, полной яркихъ красокъ и свѣта заката, производившихъ впечатлѣніе звонкаго, шумнаго ликованья, тишина, стоявшая здѣсь, казалась безграничной, глухой, какъ въ склепѣ, въ который не проникаетъ ни одинъ звукъ человѣческой жизни. Лида, войдя, невольно передернула плечами и вся сжалась, какъ-будто ей стало холодно...

Дѣвушка выглядѣла совсѣмъ больной; за этотъ день ея лицо исхудало и вытянулось такъ, словно она встала только что послѣ долгой тяжелой болѣзни. Глаза запали, губы были сухи и блѣдны, все лицо казалось совсѣмъ бѣлымъ и прозрачнымъ. Она легла на постель, вытянувшись, безсильно положивъ руки вдоль тѣла; но глаза ея безпокойно слѣдили за Каншинымъ, ходившимъ, несмотря на усталость, по комнатѣ изъ угла въ уголъ... Когда онъ сѣлъ, наконецъ, у окна, свѣсивъ голову, закрывъ лицо руками—она тихо позвала его.

— Помоги мнѣ... разстегнуть...—сказала онъ шопотомъ:— Давитъ...

Онъ подошелъ, и она приподнялась и повернулась къ нему спиной, гдѣ у нея застегивалась блузка.

— Еще...—шепнула она, когда онъ нерѣшительно остановился.—До конца...

Каншинъ разстегнулъ блузку и хотѣлъ отойти, но она остановила его, попросивъ съ блѣдной, стыдливой улыбкой

— Подожди...

Она сняла блузку и прозрачный лификъ, обнаживъ руки, плечи и грудь и закрывъ, словно отъ стыда, глаза, указала ему на свой корсетъ, стягивавшій ея грудь.

— И это...—чуть слышно сказала она, съ какимъ-то испугомъ вскинувъ на него глаза.

Каншинъ спокойно, съ нѣжной заботливостью, дѣлалъ все, что она просила, испытывая только жалость, словно возился съ больнымъ ребенкомъ. Его пальцы какъ-будто потеряли способность ощущать близость женскаго тѣла, и видъ его нѣжной наготы не проникалъ въ его мужское сознаніе, оставаясь лишь внѣшнимъ зрительнымъ впечатлѣніемъ. Только усиленное біеніе ея сердца, которое онъ почувствовалъ, разстегивая корсетъ, заставило его вздрогнуть и заторопиться. Онъ низко нагнулъ голову, ища застежки,—и [illegible] чувствовалъ на своей шеѣ холодныя, обнаженныя [illegible] ды. Она потянула его къ себѣ какимъ-то судорожн[illegible] женіемъ внезапной рѣшимости и вмѣстѣ—страха и [illegible] его лицо къ своей груди.

— Поцѣлуй... торопливо съ болѣзненной настойчивостью просила она:—Еще! Еще!..

Ея грудь была такъ же холодна, какъ и руки и пугливо, даже какъ-будто брезгливо, вздрагивала отъ его поцѣлуевъ. Она вся словно была налита холодомъ страха, стыда, мученія. Казалось, она старалась подавить въ себѣ отвращеніе къ его ласкамъ, и дрожа, прерывающимся отъ обиды шопотомъ, говорила:

— Ты цѣловалъ Ренати не такъ... не такъ... Я знаю...

Она порывисто ласкала его голову, шею, лицо, но въ движеніяхъ ея рукъ чувствовалась какая-то неестественная напряженность, словно она старалась поддѣлать волненіе страсти, котораго въ ней не было. И чувствуя въ этомъ тяжелое мучительство, Каншинъ осторожно, слабо прикасался губами къ ея тѣлу, и она вся замирала и, казалось, еще больше холодѣла...

— Я хочу быть твоей!—вдругъ сказала она, притягивая его къ себѣ:—Мнѣ нужно!..

Въ ея шопотѣ слышалась дрожь страданія, казалось, она сейчасъ разрыдается. Все тѣло ея дрожало и билось, какъ въ лихорадкѣ. Каншинъ чувствовалъ, что и его начинаетъ знобить. Надвигалось что-то тяжелое, ненужное, безобразное, и его охватывалъ ужасъ. Она держала его руками за шею, тянула къ себѣ и не выпускала. Онъ цѣловалъ ея руки и умолялъ:

— Лида, такъ нельзя... Не надо... Ты не простила...

— Надо! Надо!.. Я прощу и забуду!..—истерично повторяла Лида:—Но ты не хочешь!.. Ты больше не любишь меня!.. Ты опять пойдешь къ Ренати!..

Она опустила руки, повернулась лицомъ къ стѣнѣ и вся забилась въ беззвучномъ истерическомъ плачѣ...

XXXVII.

За стѣной, тихо, настроенная на минорный ладъ, зазвенѣла гитара, словно дождавшись конца этой мучительной

сцены: первый басокъ, квинта, терція, секунда, потомъ второй басъ и снова—квинта, терція, секунда. Меланхолично жужжали струны, перебираемыя тоскующими пальцами Агніи. Она сумерничала одна, въ своей комнатѣ, аккомпанируя своему тихому одиночеству...

Лида затихла, лежала совершенно неподвижно, казалось, вовсе не дышала... Каншинъ отошелъ къ окну, положилъ на высокій подоконникъ руки и на нихъ—горячую, звенящую, налитую дурманомъ солнечнаго зноя, голову. Съ улицы въ окно уже тянуло прохладой свѣжей, влажной ночи; виднѣлась часть базарной площади, залитой блѣднымъ свѣтомъ только что засеребрившейся луны; мокрые камни блестѣли, какъ выпуклые стеклянные осколки...

Агнія запѣла тихимъ, тонкимъ голосомъ:

Зажги лампаду, мать родная,
И за поминъ моей души,
Главу предъ образомъ склоняя,
Ты помолись въ ночной тиши...

На минуту замолкли гитара и голосъ; потомъ гитара зазвенѣла одна, и долго слышался только печальный переборъ струнъ, словно дѣвушка глубоко задумалась или беззвучно плакала. И, какъ-будто продолжая напѣвъ своего плача, она запѣла еще тише, глухо вибрирующимъ голосомъ:

Оставь о дочери заботы,—
Она ужъ не проснется вновь:
Свела послѣдніе расчеты,—
Сгубила дѣвушку любовь...

Въ коридорѣ послышались чьи-то быстрые шаги, сопровождаемые сухимъ шелестомъ платья,—и за стѣной глухо, всѣми струнами, зазвенѣла брошенная на постель гитара. И тамъ же, вслѣдъ за этимъ, раздался низкій, грудной женскій голосъ, отъ звука котораго Каншинъ вздрогнулъ:

— Мнѣ нужно Каншина...

Агнія робко возразила:

— Къ нимъ, кажется, нельзя...

— Почему нельзя? Спитъ?.. Глупости!.. Онъ меня ждетъ!.. Гдѣ его комната?..

Опять послышались шаги и шелестъ платья... Лида испуганно поднялась и сѣла, скрестивъ на груди руки. Каншинъ сорвался съ мѣста и бросился къ двери. Ренати уже стояла на порогѣ—въ своей большой черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ.

— И здѣсь темно!—сказала она, смѣясь:—Какое сонное царство!.. Почему къ тебѣ нельзя?..

Она переступила порогъ и, удивленная молчаніемъ Каншина, съ ужасомъ смотрѣвшаго на нее, подозрительно спросила:

— У тебя кто-нибудь есть?..

Каншинъ ступилъ впередъ и, преградивъ ей дорогу, тихо сказалъ:

— Уйди...

Ренати жестко засмѣялась.

— Ты меня гонишь?—ея голосъ зазвенѣлъ сдержаннымъ гнѣвомъ:—Дай мнѣ хоть посмотрѣть, на кого ты меня промѣнялъ!..

Каншинъ снова глухо повторилъ:

— Уйди!..

Ренати топнула ногой.

— Не уйду!.. Пусти меня!..

Она оттолкнула его рѣзкимъ движеніемъ и прошла впередъ... Вдругъ откуда-то брызнулъ свѣтъ, Каншинъ невольно оглянулся и увидѣлъ Агнію, стоявшую въ дверяхъ съ зажженной лампой въ рукахъ. Она опустила глаза, словно хотѣла скрыть отъ него какой-то свой умыселъ. На ея губахъ змѣилась легкая усмѣшка...

Лида продолжала сидѣть на кровати, блѣдная, какъ сама смерть, съ скрещенными на полуобнаженной груди голыми руками. Ренати остановилась противъ нея, впившись въ нее ревниво горящими глазами. На ея смугломъ лицѣ какъ-будто горѣлъ отблескъ краснаго пальто... Лида смотрѣла на нее съ паническимъ ужасомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ...

Агнія прошла стороной, у стѣны, поставила лампу на столъ и задержалась тамъ, оправляя на столѣ скатерть...

Ренати вдругъ повернулась къ Каншину, и ея губы искривились злой усмѣшкой.

— Чистота? —сказала она, кивая на Лиду головой:—Все та же?... Добился своего?..

Лида поднялась.

— Какъ вы смѣете!— тихо сказала она дрожащимъ отъ обиды голосомъ.

Ренати пожала плечами.

— Вы въ такомъ видѣ, что трудно ошибиться.

Лида посмотрѣла на себя и какъ-будто только теперь замѣтила, что полураздѣта. Она зябко повела плечами, слезы наполнили ея глаза и, перелившись черезъ рѣсницы, побѣжали по щекамъ. Она тихо, нерѣшительно взглянувъ на Каншина, сказала:

— Я—у моего мужа...

— Вотъ какъ,—протянула Ренати и обернулась къ Каншину:—Почему же ты не сказалъ мнѣ, что женился?.. Или вчера ты еще не былъ женатъ?..

Каншинъ молчалъ. У него было такое чувство, что все рушилось, и спасать уже было нечего. Только-бы все это поскорѣй кончилось и его оставили одного! Онъ даже не могъ поднять глазъ, посмотрѣть на Лиду или Ренати...

Гречанка засмѣялась.

— Мнѣ все равно!—сказала она, упрямо тряхнувъ головой:—Вашъ мужъ, мой—любовникъ, что больше—не знаю. Я здѣсь остаюсь!..

Она отколола шляпу, бросила ее на столъ, сняла свое красное пальто и осталась въ черномъ платьѣ, въ которомъ обыкновенно, выступала въ шантанѣ.

— Я сегодня не пою,—повернулась она къ Каншину:—свободна до завтрашняго вечера!... Скажи твоей...—она усмѣхнулась:—женѣ, чтобы ушла и оставила мнѣ тебя на это время!..

Лида пошатнулась, какъ-будто теряя сознаніе, безпомощн

посмотрѣла на Каншина и опустилась на кровать. Она торопливо шарила вокругъ себя дрожащими руками, собирая свои вещи, и слезы безпрерывно бѣжали по ея щекамъ...

Въ коридорѣ въ эту минуту раздался рѣзкій звонокъ, всѣ вздрогнули и обернулись къ двери. Агнія опрометью бросилась изъ комнаты, и всѣ слушали, какъ она бѣжала по коридору, стуча своими грубыми башмаками, потомъ щелкнула замкомъ, открыла дверь, вскрикнула и быстро, взволнованно заговарила, о чемъ—нельзя было разобрать. Кто-то ей отвѣчалъ, просилъ, какъ-будто грозилъ,—наконецъ, голоса умолкли и послышался медленно приближающійся шумъ какой-то возни, похожей на отчаянную борьбу. Въ дверяхъ показалась спина Агніи, заграждавшей кому-то дорогу. Задыхаясь и плача, она вскрикивала:

— Не надо!.. милый... родной!.. Ради Господа Бога!.. Образумься!...

И тотчасъ же исчезла, отброшенная сильнымъ толчкомъ въ сторону, въ тьму коридора. Въ комнату вбѣжалъ Сеня, безъ шляпы, какой-то дикій, растерзанный, черный. Казалось, онъ увидѣлъ здѣсь только одну Ренати, и изъ его груди вырвался короткій, хриплый вздохъ:

— Ха!...

Лицо Ренати побѣлѣло, исказилось отъ ужаса; она метнулась въ уголъ съ придушеннымъ крикомъ животнаго страха:

— Онъ меня убьетъ!..

Лида стремительно, точно отъ сильнаго толчка сзади, сорвалась съ своего мѣста и бросилась къ брату. Каншинъ, увидѣвъ въ вытянутой рукѣ Сени револьверъ, схватилъ его за эту руку ниже локтя, но уже послѣ того, какъ раздался выстрѣлъ...

Кто-то слабо крикнулъ или охнулъ, комната наполнилась густымъ дымомъ, въ которомъ всѣ на минуту потонули. Сеня успѣлъ сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ —въ потолокъ и уронилъ револьверъ.

Нѣсколько секундъ никто ничего не могъ понять. Что случилось?..

Вдругъ Агнія закричала не своимъ голосомъ:

— Сеня, бѣдный! Что ты сдѣлалъ!...—и глухо, какъ-будто гдѣ-то далеко, зарыдала...

Дымъ медленно разсѣивался.

Сеня стоялъ посреди комнаты тупо, съ упорствомъ сумасшедшаго, уставившись глазами въ полъ. Каншинъ увидѣлъ тамъ Лиду, лежавшую неподвижно, съ раскинутыми руками. На ея бѣлой сорочкѣ, подъ лѣвой грудью, темнѣло небольшое пятно крови, какое днемъ у моря онъ видѣлъ на ея голубомъ чулкѣ...

XXXVIII.

Съ этой ночи начался сплошной кошмаръ, въ которомъ все смѣшалось: отчаянье утраты Лиды, страсть къ Ренати, голодъ, страхъ къ большому городу, который не принималъ его и грозилъ поглотить, безпокойство замученнаго звѣря, чуящаго неминуемую гибель. Каншинъ метался по своей комнатѣ, не находя себѣ мѣста, или застывалъ въ какомъ-нибудь углу, въ неподвижности тупой тоски, безвыходнаго мученія. То вдругъ срывался и бѣжалъ въ квартиру Линъ, гдѣ въ столовой на столѣ высился бѣлый гробъ съ тѣломъ Лиды и плакала старуха старческимъ, беззвучнымъ рыданьемъ, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ,—и тамъ стоялъ въ оцѣпенѣніи, не узнавая Лиды, не чувствуя ея въ этомъ желтомъ, строгомъ лицѣ, неподвижной груди, блѣдныхъ, прозрачныхъ рукахъ, скованный страхомъ и тоской передъ этимъ чужимъ, далекимъ ему, непонятнымъ тѣломъ. То шелъ къ Ренати, въ непобѣдимой потребности услышать слово сожалѣнія, утѣшенія, почувствовать, что онъ не одинъ,—но пѣвица теперь почему-то пряталась отъ него, запирала дверь и на его стукъ отвѣчала только глухимъ, полнымъ страха, молчаніемъ. Вернувшись къ себѣ, онъ съ порога своей комнаты тихонько, шопотомъ, звалъ Агнію, но и она не показывалась, и за стѣной не было слышно ни одного звука въ

присутствія. Позднѣе онъ узналъ отъ ея матери, что она ушла въ какой-то монастырь молиться...

Ночью, во снѣ, имъ овладѣвала все та же горячая, мучительная, въ своей сладкой, раздражающей звучности, пѣсня крови, красная, какъ шелковое пальто и губы Ренати, неистовая, какъ ея пляска, пьяная, какъ ея поцѣлуи, ароматная, какъ ея тѣло. И просыпался онъ съ мутнымъ сознаніемъ дѣйствительности, съ совершенно обезсиленнымъ тѣломъ, истощеннымъ къ тому же голодомъ, длившимся уже нѣсколько дней...

Провожая Лиду на кладбище, онъ увидѣлъ, наконецъ, Ренати, ѣхавшую въ закрытой каретѣ за похоронной процессіей. Почему ей понадобилось быть на похоронахъ Лиды?..

Она смотрѣла на Каншина, приподнявъ въ окнѣ кареты занавѣску, съ тѣмъ-же страхомъ, какой вызвалъ въ ней въ тотъ ужасный вечеръ вбѣжавшій въ комнату съ револьверомъ Сеня. Казалось, въ ея глазахъ, съ того времени, такъ и застылъ этотъ страхъ, и она до сихъ поръ еще не знаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ она спасена и, ждетъ, осматриваясь—не притаилась ли гдѣ-нибудь ея смерть. Не изъ этого-ли страха она слѣдовала теперь за гробомъ Лиды, стараясь умилостивить свою судьбу?..

Не ожидая увидѣть ее здѣсь, Каншинъ сдѣлалъ невольное движеніе, словно намѣреваясь подойти—и она тотчасъ же откинулась въ уголъ кареты, бросивъ занавѣску...

Рина, державшая его объ руку, замѣтивъ его движеніе, сильнѣе прижала къ себѣ его локоть, какъ-будто хотѣла сказать: будьте благоразумны хоть здѣсь, хоть теперь.

На кладбищѣ Ренати стояла у могилы, низко опустивъ голову, нервируя своимъ присутствіемъ Канщина, неотступно смотрѣвшаго на ея красное пальто и, казалось, перестававшаго понимать—гдѣ онъ и что здѣсь происходитъ. Она бросила, какъ и всѣ, въ могилу, на гробъ Лиды, горсть земли и строго посмотрѣла на него, точно приказывая ему сдѣлать то-же. И онъ повторилъ ея движенія почти безсознательно, не спуская глазъ съ ея блѣднаго лица и краснаго

пальто, и только вздрогнулъ, когда брошенный имъ комъ земли глухо ударилъ въ крышку гроба...

Когда стали засыпать могилу—старуха Линъ забилась въ истерикѣ, упала и лишилась чувствъ,—и это какъ-будто на мгновеніе отрезвило Каншина. Онъ услыхалъ шумъ земли, падавшей на гробъ, вспомнилъ, что въ этомъ гробу лежитъ Лида и что это ее засыпаютъ землей—и вдругъ представилъ себѣ ея живое лицо, съ шевелящимися губами, смотрящими глазами, ея живыя руки съ заключенной въ нихъ радостью ласки, живое тѣло съ непонятной, таинственно влекущей тайной женскаго очарованія, все ея нѣжное, чистое существо, наполненное, какъ драгоцѣнный сосудъ дорогимъ виномъ, сладостнымъ эѳиромъ юной женской жизни—и внезапно понялъ, что ничего этого больше нѣтъ, и онъ никогда, никогда не ощутитъ ея присутствія, не почувствуетъ ея дѣвическаго очарованія и этой родственной, душевной близости, какую онъ испытывалъ къ ней въ послѣдніе дни ея жизни. Онъ невольно сдѣлалъ шагъ къ могилѣ, чтобы заглянуть туда, словно хотѣлъ въ послѣдній разъ удостовѣриться, что ея нѣтъ,—и вдругъ увидѣлъ торопливо удалявшуюся по аллеѣ крестовъ къ воротамъ Ренати. Ея красное, развѣвавшееся отъ быстрой ходьбы пальто, разорвало дымку воспоминаній, заслонило образъ Лиды, наполнивъ его тревогой, безпокойствомъ, страхомъ. Она уйдетъ, и онъ больше ея не увидитъ! Если она убѣгаетъ отъ него—онъ не дастъ ей убѣжать! Если она зоветъ его за собой—онъ не можетъ не пойти за ней!..

Рина, Фликке, Дерновъ и Виневичъ стояли въ сторонѣ, приводя въ чувство старуху, и Каншина никто не остановилъ. Онъ нагналъ Ренати у самой кареты, когда она, открывъ дверцу, поставила ногу на подножку...

Она испуганно оглянулась и, увидѣвъ его, торопливо вошла и захлопнула дверцу. Да, она убѣгала отъ него, Каншинъ это понялъ по ея боязливому взгляду, какимъ она окинула его. Онъ обѣжалъ кругомъ карету и въ ту минуту, когда она тронулась—съ другой стороны открылась дверца,

и Ренати увидѣла въ ней Каншина, смотрѣвшаго на нее сумасшедшими глазами. Она вскрикнула, отодвинулась въ уголъ и, закрывъ глаза, подняла руки, словно защищаясь отъ нападенія...

Каншинъ закрылъ дверцу, сѣлъ съ ней рядомъ. И—ни звука, ни движенія. Сидѣлъ такъ тихо, словно его въ каретѣ вовсе и не было... Вдругъ она услыхала смѣхъ—сухой, короткій, отрывистый. Осторожно пріоткрывъ глаза, она увидѣла близко передъ собой искривленное смѣхомъ, худое, похожее на оскаленный черепъ, лицо Каншина. Онъ спросилъ, судорожно кривя ротъ то въ одну, то въ другую сторону:

— Ты боишься? Ренати?..

Она не отвѣчала и смотрѣла на какую-то точку, мимо него, словно не видѣла и не слышала его. Каншинъ взялъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ. Ея пальцы дрогнули, шевельнулись, она потянула руку назадъ, и въ этомъ торопливомъ движеніи ему почудилось отвращеніе. Онъ выпустилъ ея руку, согнулся, подперъ голову руками и долго сидѣлъ такъ, неподвижно, тихо, какъ-будто забывшись. Потомъ посмотрѣлъ на нее мутными отъ тоски и голода глазами, осторожно погладилъ рукой ея колѣно и тихо сказалъ:

— Ты знаешь... я голодаю...—онъ жалко улыбнулся и приложилъ руку къ мокрымъ глазамъ:—У меня... ничего нѣтъ...

Онъ походилъ на большое, плачущее дитя, жалующееся, старающееся вызвать сочувствіе... Ренати удивленно посмотрѣла на его большую, сутуло согнувшуюся фигуру, смутилась, торопливо раскрыла свою сумку и вынула изъ нея маленькій зеленый кошелекъ. Каншинъ понялъ, что она хочетъ дать ему денегъ и, отвернувшись, сказалъ, нетерпѣливо, съ досадой передернувъ плечами:

— Не надо!..

Онъ всталъ и, взявшись за ручку двери, глухо спросилъ:

— Ты не хочешь, чтобы я былъ съ тобой?..

Ренати отрицательно покачала головой.

— Почему?..

— Не знаю...—она низко опустила голову и, точно оправдываясь, тихо проговорила:—Я тебя боюсь... Оставь меня, ради Бога!..

Каншинъ постоялъ съ минуту, молча, словно обдумывая что-то, потомъ рѣшительно толкнулъ дверцу и на ходу выпрыгнулъ изъ кареты...

* * *

Сеня сидѣлъ въ тюрьмѣ, старуха Линъ куда-то исчезла, распродавъ мебель, Ренати переѣхала на другую квартиру и негдѣ было узнать ея новый адресъ. Агнія не возвращалась изъ монастыря—и Каншинъ вдругъ сразу остался одинъ, предоставленный самому себѣ, своей тоскѣ и голоду, мутившему его разсудокъ. Положеніе его становилось безнадежнымъ. Его новый, сѣрый костюмъ былъ уже проданъ, исчезали постепенно изъ чемодана и другія вещи. Денегъ, вырученныхъ отъ каждой продажи, хватало не надолго, и тогда снова наступалъ голодъ, пока Каншинъ, дойдя до полнаго изнеможенія, не рѣшался спустить еще что-нибудь, унося вещи изъ комнаты подъ полой пиджака, тайкомъ отъ хозяйки, отъ которой, изъ чувства какого-то безотчетнаго стыда, онъ скрывалъ свое бѣдственное положеніе...

Когда дошла очередь до подушки и одѣяла, послѣдняго, что оставалось еще у него—онъ привелъ старьевщика, и продавъ ему ихъ, старательно уложилъ въ чемоданъ, увязалъ ремнями и велѣлъ вынести, а самъ пошелъ въ кухню и сказалъ хозяйкѣ, что уѣзжаетъ, чтобы скрыть отъ нея истинную причину исчезновенія чемодана и постели. Такимъ образомъ, онъ очутился на улицѣ...

Выйдя изъ дому, онъ забылъ о старьевщикѣ, который вышелъ раньше его, не уплативъ ему денегъ за чемоданъ, подушку и одѣяло; но если бы онъ и вспомнилъ о немъ, это не привело-бы ни къ чему: тотъ исчезъ, какъ-будто провалился сквозь землю...

XXXIX.

Въ томъ, что съ нимъ происходило дальше—онъ почти не отдавалъ себѣ отчета. Казалось, онъ спалъ, и его томили и безпокоили отрывки смутныхъ сновидѣній. Вотъ онъ очутился надъ моремъ,—съ деревьевъ падаютъ и падаютъ, золотые въ солнечномъ зноѣ, лепестки цвѣтовъ, которыми уже усыпаны всѣ аллеи бульвара. Отцвѣтаетъ акація, и въ воздухѣ не слышно уже того сладкаго, волнующаго аромата, отъ котораго еще такъ недавно, казалось, былъ пьянъ весь городъ...

Онъ садится на скамью, смотритъ на кишащій внизу людьми портъ и сверкающее, лѣнивое, неподвижное море— и глаза его заволакиваетъ красный туманъ, сквозь который ничего не видно, и налитая огнемъ голова тяжело поникаетъ на грудь. Онъ уже ничего не видитъ и не слышитъ; все куда-то ушло, провалилось, и онъ какъ-будто медленно испаряется и струится въ горячемъ воздухѣ тоненькой струйкой легкаго пара...

Но вотъ—какое-то безпокойство пронизываетъ все его существо, ему кажется, что подъ нимъ качается скамья и земля, и къ нему внезапно возвращается сознаніе. Его трясетъ за плечо какая-то женщина въ красной шляпѣ; ея лицо густо намазано, и капли пота безобразно избороздили слой бѣлилъ на ея щекахъ; отъ нея пахнетъ фіалкой плохого сорта. Она смѣется—нагло и вмѣстѣ пугливо и говоритъ:

— Вы получите здѣсь солнечный ударъ!.. Пойдемте лучше ко мнѣ, мужчина!..

Каншинъ смотритъ на нее непонимающими глазами. Что ей отъ него нужно? Что она такое говоритъ?..

— Меня зовутъ Клара...—продолжаетъ женщина, съ боязливой ласковостью трогая его колѣно рукой: —Вы, кажется, уже бывали у меня... Это стоитъ всего одинъ рубль...

Онъ все еще не понимаетъ ее, но чувствуетъ, что она чѣмъ-то ему нужна, и морщитъ лобъ, напрягая мозгъ, стараясь вспомнить не то какую-то мелочь, пустякъ, не то

что-то важное. И вдругъ вспомнилъ, улыбнулся и закивалъ головой: вѣдь, это—та самая женщина, которой онъ далъ здѣсь же, на этомъ бульварѣ, рубль,—кажется, недавно, а можетъ быть, и очень давно. Что же теперь она хочетъ? Не думаетъ ли она вернуть ему рубль, чтобы онъ могъ что-нибудь поѣсть?..

И онъ бормочетъ съ жалкой улыбкой:

— Спасибо... Да... Всего одинъ рубль...

— Ну такъ идемъ же!—весело сказала женщина, хлопнувъ его по колѣну и поднимаясь со скамьи:—Я живу здѣсь недалеко, внизу...

Каншинъ встаетъ и идетъ за ней. Она торопливо сбѣгаетъ по лѣстницѣ, подметая черной, посѣрѣвшей внизу отъ пыли, юбкой ступени. Широкая лѣстница залита солнцемъ, и каменныя ступени пышутъ жаромъ. Безконечное число ступеней, площадокъ—Каншину кажется, что они никогда не кончатъ спускаться внизъ. А тамъ, внизу—какой-то адъ: пыль, крики ломовыхъ, грохотъ телѣгъ, ржанье лошадей, громъ поѣзда, мчащагося по воздушной дорогѣ, повисшей высоко въ воздухѣ на желѣзныхъ столбахъ, трескъ лебедокъ на двухъ большихъ грузовыхъ пароходахъ, стоящихъ у пристани и выпускающихъ изъ широкихъ трубъ тучи чернаго дыма, ругань грузчиковъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ по сходнямъ, и отчаянное, визгливое дребезжанье длинныхъ желѣзныхъ полосъ на телѣгахъ, двигающихся по набережной безконечнымъ караваномъ...

Спустившись съ лѣстницы, женщина нырнула въ самую гущу этой сутолоки, оглядываясь и маня за собой Каншина, нерѣшительно шедшаго за ней, испуганнаго, оглушеннаго шумнымъ движеніемъ портовой жизни. Онъ уже забылъ, зачѣмъ шелъ за этой женщиной, но боялся потерять ее изъ виду, чтобы не остаться одному здѣсь, въ этой тучѣ пыли, подъ грохочущимъ вверху поѣздомъ, среди мечущихся въ какомъ-то горячемъ безуміи лошадей, телѣгъ, людей...

Но портовая сутолока вдругъ осталась въ сторонѣ: они вошли въ узкій, тихій переулокъ, небольшіе дома котораго,

казалось, спали, опустивъ на глаза-окна цвѣтныя ситцеві занавѣски. Женщина шмыгнула въ одинъ изъ этихъ домоі и, подождавъ на лѣстницѣ Каншина, стала быстро подн маться вверхъ. Здѣсь было прохладно, но несло погребн сыростью, затхлостью, тяжелымъ духомъ грязной, нищенск жизни. Изъ раскрытыхъ дверей на каждой площадкѣ выгл дывали женщины—полуодѣтыя, растрепанныя, съ густо н мазанными, мертвыми отъ бѣлилъ, лицами. Онѣ провожа Каншина тупыми, сонными, равнодушными глазами, и о нервно ежился, чувствуя на своей спинѣ ихъ долгіе, неп движные взгляды...

Клара привела его въ небольшую комнату, половина к торой была занята двухспальной кроватью съ цѣлой гор подушекъ въ темныхъ, отъ долгаго употребленія, ситцевы наволокахъ. Захлопнувъ дверь, она сняла шляпу, бросила на комодъ и стала быстро раздѣваться, распространяя в кругъ себя густой, острый запахъ потнаго, давно немытаг женскаго тѣла...

Каншинъ стоялъ передъ ней, глядя на нее мутными, н доумѣвающими глазами. Что она дѣлаетъ? Кто она? Зачѣм онъ стоитъ здѣсь и смотритъ, какъ она раздѣвается?..

Онъ вдругъ увидѣлъ ея обнаженную, полную, немно отвисшую грудь—и его охватилъ ужасъ. Опять, опять п редъ нимъ это страшное женское тѣло, одинъ видъ кот раго наливаетъ его всего огнемъ, будитъ въ его кро безумную, адскую музыку!..

Его лицо перекосилось гримасой страданія, и онъ бр сился къ ней съ крикомъ тоски, отвращенія:

— Не смѣй!.. Закрой!.. Я не хочу!..

Женщина испуганно попятилась отъ него, невольн закрывъ руками свою голую грудь.

— Сумасшедшій!—сказала она, злобно блеснувъ глазами: Зачѣмъ же ты пошелъ за мной?.. Что мнѣ съ тобой ещ здѣсь дѣлать?

Въ щели двери проникалъ горькій чадъ пригорѣвша масла, отъ котораго въ горлѣ Каншина першило и своди

судорожной спазмой пустой животъ. Онъ отвернулся и, кривясь отъ голодной боли, тихо сказалъ:

— Мнѣ нехорошо... Я давно... не ѣлъ...

Женщина нагло засмѣялась.

— Такъ бы и сказалъ!—жестко, со злобой, проговорила она:—Нищій! Бродяга!.. А то поплелся за мной!.. Я, можетъ, сама съ утра еще ничего не ѣла!.. Ступай! Убирайся!.. У насъ тутъ не богадѣльня!..

Она открыла дверь и посторонилась, давая ему дорогу. Каншинъ согнулъ плечи, какъ бы ожидая еще и удара...

Въ самомъ низу лѣстницы она вдругъ нагнала его и всунула ему въ руку кусокъ чернаго, черстваго хлѣба. Каншинъ остановился, посмотрѣлъ на хлѣбъ и потомъ на женщину—и его губы задрожали. У Клары глаза были добрые и влажные.

— Возьми, возьми!—строго сказала она,—но у нея самой дрожали губы:—поискалъ бы работы какой-нибудь, чѣмъ такъ... шататься...

Она старательно запахивала края разстегнутой блузки, почему-то стыдясь теперь показывать ему свою грудь. И было въ этомъ инстинктивно женскомъ, стыдливомъ движеніи что-то дѣтское, чистое, что напомнило Каншину Лиду, ея смущеніе, когда она однажды утромъ появилась въ дверяхъ спальни, не зная, что онъ сидитъ въ столовой, съ голыми плечами, руками и грудью. Какая-то горячая волна поднялась у него въ груди и сжала горло. Онъ наклонился, всхлипнулъ, схватилъ руку женщины, поцѣловалъ и бросился на улицу. И тамъ еще разъ всхлипнулъ и прижалъ къ груди этотъ черный, кисло пахнущій кусокъ хлѣба, словно это было самое дорогое изъ всего, что онъ когда-либо получалъ въ жизни...

Пробираясь въ порту, среди лошадей и телѣгъ, охваченный тревогой и страхомъ передъ этой дикой, непонятной человѣческой суетой, онъ обронилъ хлѣбъ и замѣтилъ это только на лѣстницѣ. Остановился, оглянулся—но гдѣ его было тамъ найти! Ногами людей, лошадиными копытами и

колесами телѣгъ его, навѣрно, уже стерло въ порошокъ и смѣшало съ пылью...

Съ каждой площадки лѣстницы можно было свернуть въ аллеи разбитаго по склону горы сада. Здѣсь тоже было жарко, молодыя деревья и кусты были слишкомъ низки, чтобы давать тѣнь, и отъ ихъ листьевъ, покрытыхъ портовой пылью, не вѣяло свѣжестью. Потрескавшаяся земля была такъ же горяча, какъ и каменныя ступени лѣстницы...

Но Каншинъ неожиданно набрелъ здѣсь на тѣнистый уголокъ. Это былъ искусственный гротъ, сложенный изъ неотесанныхъ камней съ претензіей на иллюзію настоящаго углубленія въ скалахъ. Камни сильно нагрѣлись, и наполнявшій гротъ полумракъ былъ теплый и душный; но все же здѣсь можно было спрятаться отъ солнца... Каншинъ опустился на землю, обхватилъ свои колѣни и тихо, какъ маятникъ, закачался...

Въ первую минуту ему показалось, что онъ былъ тамъ одинъ, но, привыкнувъ къ полумраку, онъ вдругъ разглядѣлъ сидѣвшую на камнѣ, прямо противъ него, дѣвушку; углубившуюся въ книгу—и пересталъ качаться, пристально разглядывая ее. Широкія поля соломенной шляпы закрывали половину склоненнаго надъ книгой лица дѣвушки, руки съ книгой лежали на колѣняхъ, покрытыхъ свѣтло-сѣрой юбкой, изъ-подъ которой выглядывали, положенныя одна на другую, маленькія ноги въ узкихъ лиловыхъ туфелькахъ и блеклосиреневыхъ чулкахъ; прозрачная, кружевная блузка открывала нѣжную шею и руки выше локтей, покрытыя тонкимъ, золотистымъ загаромъ, сбоку, изъ-за дѣтски-округленной щеки, былъ виденъ большой узелъ закрученныхъ на шеѣ, свѣтлыхъ, пушистыхъ волосъ... Она сидѣла совершенно неподвижно, и, казалось, не читала, а о чемъ-то глубоко, напряженно думала. Если бы ея пышная, дѣвичья грудь не вздымалась—ее можно было бы принять за манекенъ, какіе выставляютъ въ витринахъ магазиновъ готоваго платья...

Каншинъ не спускалъ съ нее глазъ. Что-то волнующее,

знакомое было для него въ ея подбородкѣ и въ особенности—въ ея пухлыхъ, чувственныхъ губахъ. У него въ головѣ еще стоялъ красный туманъ солнечнаго блеска и зноя—и думать, вспоминать, соображать, гдѣ онъ ихъ видѣлъ—ему было не подъ силу. Онъ волновался отъ вида губъ дѣвушки безотчетно, безсознательно, какъ волнуется лунатикъ, инстинктивно чувствующій сквозь закрытыя вѣки таинственное лицо луны...

Дѣвушка пошевелилась, видимо, почувствовавъ на себѣ его упорный взглядъ, и нервно повела плечами; потомъ подняла голову и посмотрѣла прямо передъ собой задумавшимися, тихими глазами. Вдругъ ея зрачки сразу расширились и, какъ-будто прорвавъ оболочку задумчивости, блеснули живымъ огнемъ испуганнаго удивленія. Каншинъ вздрогнулъ, вытянулъ шею, всмотрѣлся и тяжело поднялся съ земли. Это была Рина...

Дѣвушка шопотомъ спросила:

— Вы?..

Какшинъ молча наклонилъ голову.

Но она все еще какъ-будто не узнавала его. Ея глаза потемнѣли, точно отъ страха, и она тоже встала, уронивъ на землю книгу.

— Вы такой страшный...—сказала она все такъ же, шопотомъ:—Что съ вами?..

Каншинъ, казалось, не слыхалъ ея и все смотрѣлъ на ея губы, онѣ такъ странно-жутко волновали его. Онѣ двигались, когда она говорила, и въ ихъ движеніи ему чудились иные, какія-то безумныя, горячія слова, отъ которыхъ ему становилось страшно... Но вотъ—ихъ углы опустились внизъ, придавъ лицу дѣвушки горестное выраженіе, дрогнули—и сразу утратили свое жуткое очарованіе, притягивавшее и пугавшее Каншина. Она тихо заломила пальцы.

— Это ужасно!—сказала она, прорывая свой шопотъ звенящей ноткой слезъ:—Такъ неожиданно разразилось несчастье!..

Каншинъ молчалъ. Онъ уже не смотрѣлъ на нее и, как-

лось, вовсе забылъ о томъ, что она здѣсь. Онъ вдругъ вернулся къ выходу, точно намѣреваясь уйти. Рина улови его движеніе, и ея глаза наполнились слезами.

— Подождите!—воскликнула она, схвативъ его за рука точно хотѣла насильно удержать его: Я несчастна и страда И никто этого не видитъ и не понимаетъ!..

Она прижала платокъ къ глазамъ и нѣсколько секун боролась съ клокотавшимъ въ горлѣ рыданіемъ. Пото продолжала снова, шопотомъ, какъ-будто боясь, чтобы к нибудь не подслушалъ:

— Я убѣжала изъ дому, тамъ сидитъ Гилисъ... Отецъ четъ насильно выдать меня за него, а я не могу! Луч умереть!.. Я хочу спросить васъ... теперь можно—Лиды у нѣтъ я ей не помѣшаю... Вы меня поцѣловали однажды, темной гостиной, и съ тѣхъ поръ я думаю... о васъ... Э была ошибка?.. Зачѣмъ вы это сдѣлали?.. Мнѣ иногда каже ся, что вы... именно меня... хотѣли поцѣловать...

Ея губы снова приняли прежнее выраженіе, и опять их красныхъ, жутко шевелящихся изгибахъ Каншину чуд лись тѣ же тайныя слова, отъ которыхъ начинала звенѣть пѣть вся его кровь. Онъ вдругъ наклонился и, словно отв чая на ея вопросъ, взялъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ впился губами въ ея, еще раскрытыя отъ только что прои несенныхъ словъ, губы. Дѣвушка радостно затрепетала...

Потомъ она откинула назадъ голову,—ея лицо сіяло сч стьемъ. Она спросила въ глубокомъ волненіи, со слезами глазахъ:

— Такъ это правда?.. Я не ошиблась?..

Но Каншинъ смотрѣлъ на нее сумасшедшими, полным страха, глазами и, тихо отталкивая ее отъ себя, бормотал

— Не надо... Не надо...

Его дрожащія руки отстраняли ее и снова притягивал онъ коснулся пальцами ея груди—и вдругъ, точно опомни шись, сильно оттолкнулъ ее отъ себя. Дѣвушка отшатнулас и упала на колѣни, протянувъ къ нему руки. А онъ поп тился отъ нея, съ перекошеннымъ страданіемъ лицомъ, по

нявъ передъ собой руки, точно защищаясь отъ нападенія, и, достигнувъ выхода, бросился бѣжать...

XL.

На закатѣ онъ попалъ въ паркъ, гдѣ уже гремѣла музыка, и бѣгали дѣти и у входа сидѣли цвѣточницы со своими свѣжо благоухающими корзинками, гдѣ мокрый, только что политый гравій увлажнялъ и охлаждалъ воздухъ и снизу, съ моря, подымалась прохлада, насыщенная свѣжимъ и пьянымъ запахомъ морской воды...

Онъ сидѣлъ на скамьѣ, закрывъ глаза рукой, въ какомъ-то тихомъ полузабытьи—и вдругъ услыхалъ громкій, горячій, женскій смѣхъ, отъ котораго сразу очнулся. Ренати!..

Она шла, развѣвая полами свѣтлаго пальто, качая на ходу широкими полями и бѣлымъ перомъ своей вызывающей шляпы, окруженная теплымъ облакомъ смѣшаннаго аромата душистой зелени, духовъ, пудры и красныхъ розъ, которыя держала въ рукахъ. Рядомъ съ ней шелъ Гилисъ, въ черномъ смокингѣ, съ нагло торчащими усами и фатовски заложенными въ жилетные карманы большими пальцами жирныхъ рукъ, съ выпяченнымъ животомъ, кругло обтянутымъ бѣлымъ жилетомъ. Отъ обоихъ вѣяло безстыднымъ, сытымъ довольствомъ жизнью; казалось, весь міръ существовалъ только для того, чтобы эта веселая пара могла радоваться и наслаждаться...

Каншинъ поднялся съ мѣста, дрожа всѣмъ тѣломъ, глядя на Ренати со страхомъ, почти съ ужасомъ. Почувствовавъ на себѣ его взглядъ, она вздрогнула и на мгновеніе даже пріостановилась. Ихъ глаза встрѣтились. Въ ея лицѣ промелькнула тѣнь страха, потомъ брезгливо дрогнула нижняя губа, и она, окинувъ его съ головы до ногъ надменнымъ, презрителнымъ взглядомъ, отвернулась и пошла дальше. Вмѣстѣ съ ней посмотрѣлъ на него и Гилисъ, но равнодушно, какъ на пустое мѣсто, и еще дальше отодвинулъ на

затылокъ свой цилиндръ, словно желая этимъ показать ему свое полное презрѣніе. Онъ прекрасно понималъ, что на этотъ разъ Каншинъ уже не станетъ ему поперекъ дороги...

Солнце низко висѣло надъ горизонтомъ, и за бѣгающими по главной аллеѣ дѣтьми, на красноватомъ гравіи, тянулись длинныя, лиловыя тѣни. Каншинъ смотрѣлъ на нихъ, и въ его мутномъ сознаніи мерещилось что-то далекое, милое, какая-то тѣнь прошлой радости или горя, какъ-то странно связанная съ настоящимъ, точно отъ давно канувшихъ въ вѣчность дней протянулось къ нему золотая нить, соединившая два конца его существованія. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ еще недавно ходилъ по аллеѣ съ Лидой, и какъ все его существо было налито счастьемъ ея присутствія. О чемъ они тогда говорили?... Дѣвушка сказала, что они забрались въ паркъ спозаранку, какъ дѣти, а онъ предложилъ ей представить себя и его дѣтьми, какими они встрѣтились впервые въ томъ маленькомъ городкѣ. Лида же возразила, что это сдѣлать трудно, потому что у него теперь—усы, а у нея—длинное платье. Онъ даже ясно припомнилъ ея порозовѣвшее лицо и смущенный взглядъ, какимъ она, говоря это, скользнула по своей выпуклой, дѣвической груди и всей, уже развившейся, женственной фигурѣ. И тогда, дѣйствительно, трудно было представить эту прелестную дѣвушку дѣвочкой, той смуглянкой, проводившей съ нимъ на ступеняхъ крыльца осенніе вечера, прижимавшейся къ нему отъ холода и страха, обѣщавшей ему быть его женой...

Какъ это случилось, что они еще въ дѣтствѣ дали другъ другу обѣщаніе—слить свои жизни въ одну?... И какъ онъ могъ объ этомъ забыть?.. Онъ невольно отодвинулся въ своихъ воспоминаніяхъ къ далекому дѣтству, въ которомъ многое уже было забыто, многое затянулось туманной дымкой времени, а то, что ясно вставало въ памяти—казалось ему, страницей когда-то давно прочитанной книги, вызывавшей вопросъ: было ли это когда-нибудь?..

Только что начиналась весна, снѣгъ стаялъ, и на грязныхъ ...ицахъ небольшого городка подъ теплымъ весеннимъ ...лнцемъ уже просыхали протоптанныя прохожими узенькія ...опинки. Широкій дворъ весь залитъ солнцемъ, кое-гдѣ ...ленѣетъ первая блѣдная трава. Въ маленькомъ флигелѣ ...скрыты окна, тамъ что-то моютъ, скребутъ, идетъ пред...аздничная суета; а въ большомъ домѣ тихо: сумрачно ...отрятъ темныя, закрытыя окна, и изъ нихъ выглядываетъ, ...къ-будто сама смерть—блѣдное, женское лицо, съ боль...ими, заплаканными глазами. Оно останавливается то въ ...номъ, то въ другомъ окнѣ, и скорбно дрожатъ его губы, въ глазахъ мерцаютъ застывшія слезы...

Дверь тихо открылась, и на крыльцо вышелъ мальчикъ— ... такимъ же блѣднымъ, грустнымъ, заплаканнымъ лицомъ; ...ъ стоитъ и смотритъ на солнечные блики въ стеклахъ ...игеля, и даже солнце не можетъ вызвать улыбку на его ...рьезное лицо, зажечь въ его глазахъ искру радости. Какъ-...дто смерть прошла мимо него, и отъ ея крыла упала на ...го тѣнь, и онъ такъ и остался—весь завѣянный этой тем...й, печальной тѣнью...

А изъ флигеля выбѣжала дѣвочка—смуглая, съ темными ...дряшками на плечахъ, въ короткомъ, до колѣнъ платьицѣ. ...на бѣжитъ по двору, и, то и дѣло, наклоняется, поднимаетъ ...натягиваетъ на голыя колѣнки опускающіеся къ башмачкамъ ...лки. Ея личико сіяетъ радостью, она вся какъ-будто мгно...нно налилась солнцемъ, и оно бьетъ изъ нея улыбкой и ...ескомъ глазъ. Но по мѣрѣ приближенія къ большому дому— ...а какъ-будто гаснетъ, темнѣетъ и у крыльца становится ...кой же грустной и темной, какъ и мальчикъ, словно и ея ...оснулась окутывающая его тѣнь смерти...

Онъ сошелъ къ ней со ступеней, и они пошли рядомъ ... двору, тихіе, серьезные, пугливо оглядываясь на окна ...ольшого дома, изъ которыхъ выглядывало безутѣшное, пла...щее лицо блѣдной женщины...

— Твоя мама все плачетъ...—шопотомъ сказала дѣвочка — ...на никакъ не можетъ забыть...

— И я никогда не забуду...—серьезно сказалъ мальчикъ, и его губы дрогнули:—Нельзя забывать папу, который умеръ...

Дѣвочка ничего не могла на это возразить; она только осторожно погладила его по рукаву курточки, словно выражая ему свое сочувствіе. Замѣтивъ на его рѣсницахъ слезы, она съ ласковой строгостью, какъ взрослая, сказала:

— Тебѣ стыдно плакать, ты мужчина...

Мальчикъ скрѣпился, проглотилъ слезы...

— Уже въ крѣпости есть фіалки, Сеня сегодня принесъ,— помолчавъ, сказала дѣвочка:—пойдемъ нарвемъ твоей мамѣ...

Они вышли на улицу и торопливо засеменили, выбирая тропинки посуше. У обоихъ — непокрытыя, кудрявыя головки, и солнце ласково пригрѣваетъ имъ волосы, а легкій вѣтерокъ обдуваетъ лицо и руки, словно гладитъ, ласкаетъ... Во многихъ домахъ пораскрывали окна и слышна возня предпраздничной уборки; голоса вырываются изъ комнаты на улицу какіе-то особенно звонкіе и веселые. Вотъ высунулась женщина, съ повязанной полотенцемъ головой; лицо потное, улыбающееся, руки мокрыя и красныя. Весело кричитъ:

— Лидочка, куда?..

— Въ крѣпость, за фіалками!—дѣловито отвѣчаетъ Лида:—Витиной мамѣ...

У женщины лицо становится серьезнымъ и грустнымъ.

— Плачетъ?—спрашиваетъ она, смахивая что-то съ рѣсницъ.

Лида молча киваетъ. Женщина качаетъ головой и вздыхаетъ:

— Ахъ, бѣдная, горе какое!..

Мальчикъ поднимаетъ на нее глаза, полные слезъ, и кривитъ губы. Лида беретъ его за руку и ведетъ дальше, и онъ снова дѣлаетъ усиліе и проглатываетъ слезы...

Скоро вышли за городъ,—поляна передъ крѣпостью вся зеленая и крѣпостной валъ тоже зеленый. Они проходятъ въ темный туннель воротъ и спускаются въ глубокій, широкій, весь наполненный прохладной, сырой тѣнью, ровъ, съ прямыми обложенными камнемъ, стѣнами. Здѣсь, въ тѣни, нечего

и надѣяться найти хоть одну фіалку,—нужно подняться наверхъ, на валъ...

Дѣтямъ знакомы всѣ ходы и выходы крѣпости. Они почему-то ужасно любятъ эту таинственную тишину рвовъ и крѣпостныхъ ходовъ, имъ очень нравится блуждать по чисто подметеннымъ проулкамъ и площадямъ, между маленькими, тихими, бѣлыми домиками съ полосатыми будками у входовъ и страшными жерлами пушекъ, которыя они обходятъ, пугливо косясь, стороной. Они часто бывали здѣсь, и имъ не стоило большого труда найти узенькую, крутую лѣстницу, вырубленную въ стѣнѣ рва, по которой они и взобрались безстрашно на валъ...

Тутъ стали искать фіалки, раздвигая руками сухую, прошлогоднюю траву и свѣжіе, блѣдно-зеленые, какъ-будто еще пахнущіе снѣгомъ, ростки новой травы. Земля прохладная, влажная и вдавливается подъ ногами. Руки немного зябнутъ отъ сырой травы, и колѣнкамъ холодно, когда опускаются чулки. Здѣсь вѣтеръ сильнѣй и холоднѣй, и дѣвочкѣ часто приходится бороться съ нимъ, и отдергивать платье, которое онъ взмываетъ кверху; на ея смугломъ личикѣ румянецъ принимаетъ сизоватый оттѣнокъ. А лицо мальчика стало какъ-будто еще блѣднѣй отъ сгустившейся въ глазахъ тѣни грусти. У обоихъ высохли и потрескались отъ солнца и вѣтра губы...

Въ смуглой рученкѣ Лиды скоро засинѣлъ пушистый, тонко пахнувшій букетъ фіалокъ. А ея спутникъ только уныло бродилъ по валу, съ остановившимися, точно ушедшими въ какое-то воспоминаніе глазами и, казалось, забылъ и о дѣвочкѣ и о фіалкахъ...

— Вотъ, возьми!—сказала она, протягивая ему букетикъ, и, поеживаясь, прибавила тономъ взрослой:—Пойдемъ, здѣсь холодно, ты простудишься...

Мальчикъ взялъ цвѣты, понюхалъ ихъ—и вдругъ слезы градомъ брызнули изъ его глазъ. Ихъ запахъ напомнилъ ему другую весну, и онъ сказалъ, плача и давясь слезами:

— Въ прошломъ году... я съ папой собиралъ здѣсь фіал-

ки...—онъ заплакалъ громко, навзрыдъ, поднявъ къ глазамъ кулачки и уронивъ изъ нихъ цвѣты:—Теперь уже никогда... никогда-а-а...

Онъ опустился на землю и горько рыдалъ, захлебываясь, открывая ротъ, чтобы схватить воздухъ и, протягивая къ дѣвочкѣ руки, словно прося у нея помощи отъ разрывавшихъ его маленькую грудь рыданій...

Лида сначала безпомощно стояла передъ нимъ, опустивъ руки, не зная, что дѣлать, и только испуганно моргала рѣсницами. Но вотъ, и у нея омрачилось личико и изъ глазъ побѣжали слезы. Она тоже опустилась на землю и заплакала, обнявъ мальчика, прижимая его лицо къ своей дѣтской груди, повторяя съ плачемъ:

— Перестань... Будь умникомъ... Я буду съ тобой собирать фіалки... всегда... Не плачь же!..

Мальчикъ прижался къ ней и затихъ, только вздрагивая и судорожно вздыхая. Вдругъ онъ сказалъ съ прерывистымъ вздохомъ:

— Ты выйдешь замужъ... знаю!..

— Я не хочу выходить замужъ!—сказала Лида, обидившись и надувъ губки.

Вдругъ она радостно улыбнулась счастливой мысли, внезапно пришедшей ей въ голову; отъ этой улыбки даже слезинки на ея глазахъ засіяли.

— Я буду твоей женой, хочешь?—спросила она, кокетливо склонивъ къ плечу голову и заглядывая ему въ лицо лукаво смѣющимися глазами:—И мы всегда, всегда будемъ вмѣстѣ!..

— А если ты умрешь?—мрачно, недовѣрчиво сказалъ мальчикъ.

Лида задумалась, но тотчасъ же нашлась и весело тряхнула головкой:

— Тогда я подарю тебѣ колечко, чтобы ты помнилъ обо мнѣ!..

Мальчикъ кивнулъ головой и серьезно сказалъ:

— Я тебѣ тоже... подарю колечко...

Они поднялись съ земли и поцѣловались. И дѣвочка, поднявъ пальчикъ, строго сказала:

— Только ты никому не говори! Это—большой секретъ...

— Не скажу...—важно обѣщалъ онъ...

Они ушли съ вала, забывъ о букетѣ фіалокъ, оставшемся тамъ въ травѣ. У обоихъ были мокрые отъ слезъ глаза и щеки. Оба еще долго судорожно вздыхали; въ тихихъ, грустныхъ личикахъ появилось какое-то новое, не дѣтское выраженіе, точно они сразу выросли и поняли всю важность своихъ недѣтскихъ обѣщаній...

Было ли это когда-нибудь?..

* * *

Она могла выполнить только одно свое обѣщаніе: подарить ему кольцо, чтобы онъ помнилъ о ней, когда она умретъ...

Только это у него осталось.

Онъ поднялъ руку и прижался губами къ узенькому, золотому ободку на мизинцѣ. И ему показалось что за его плечами кто-то глубоко, прерывисто, какъ наплакавшееся дитя, вздохнулъ и замеръ...

* * *

Онъ блуждалъ по улицамъ, въ тоскѣ, не дававшей ему остановиться, изнеможенный, замученный, почти лишенный сознанія и, какъ сомнамбула, уже поздно ночью, пришелъ къ знакомому дому, откуда ушелъ утромъ съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться туда. Онъ позвонилъ, не отдавая себя отчета...

Ему открыла дверь Агнія, вернувшаяся только сегодня вечеромъ изъ монастыря и какъ-будто ожидавшая его. Она приложила палецъ къ губамъ, давая ему знакъ не шумѣть, и осторожно, чтобы не услыхала мать, провела его по коридору въ свою комнату. И здѣсь вдругъ опустилась на полъ, къ его ногамъ и положила передъ нимъ глубокій, земной поклонъ. Потомъ встала и тихо, проникновенно сказала:

— Твоей мукѣ кланяюсь. Великую муку послалъ тебѣ [illegible]

Она была въ черномъ богомольческомъ платьѣ, съ бѣлой [illegible] на плечахъ. Волосы ея, смазанные масломъ, были [illegible] зачесаны назадъ. Глаза смотрѣли тихо, серьезно, углу[illegible] въ себя, какъ-будто понявшіе что-то важное и [illegible]іе въ своей глубинѣ это пониманіе. Отъ ея блѣднаго, [illegible]наго лица и всей фигуры, какъ-будто перенявшей у кого-то какія-то новыя, медлительныя, полныя кроткаго достоинства, движенія, вѣяло тишиной глубокой вѣры, спокойствіемъ религіознаго сосредоточія, холодкомъ таинственной отчужденности, какимъ вѣетъ изъ глубокихъ, темныхъ куполовъ храма. Ея платье и руки пахли ладаномъ, восковыми свѣчами, и этотъ запахъ уже наполнялъ всю ея комнату, затянутую мягкимъ полумракомъ, слабо и трепетно освѣщенную въ одномъ углу зеленымъ огонькомъ лампадки...

Она сѣла на постель, протянула къ нему руки—и чѣмъ-то умиротворяющимъ, глубоко успокаивающимъ повѣяло на Каншина отъ нея и отъ всей ея комнаты съ этимъ ласковымъ полумракомъ и мирнымъ озареніемъ лампадки. Онъ такъ ясно почувствовалъ въ ней душу человѣческую, словно лишенную плоти, ожидающую съ протянутыми руками, чтобы принять въ нихъ его душу для ласки утѣшенія! Это были руки только души,—и онъ опустился на полъ и смиренно, съ благоговѣніемъ, подставилъ подъ нихъ свою голову...

Кровь молчала. Пѣла душа...

